Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!
Отвѣтъ декабристовъ Пу

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 71. 1-го августа 1904 г. Годъ IV.

КЪ АМСТЕРДАМСКОМУ КОНГРЕССУ.

VI-ой международный соціалистическій конгрессъ, съ началомъ котораго совпадаетъ выходъ этого № нашей газеты, собирается при знаменательныхъ обстоятельствахъ, въ моментъ яростной войны, грозящей вызвать рядъ потрясеній во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Каковъ бы ни былъ характеръ этихъ потрясеній, каковы бы ни были ихъ непосредственные результаты, — ихъ общій итогъ сведется къ расширенію сферы дѣйствія международнаго капитализма, слѣдовательно, и къ расширенію поля всемірной классовой борьбы пролетаріата, къ усиленію и обостренію этой борьбы. А всякое усиленіе и обостреніе современной классовой борьбы ведетъ, съ неизбѣжностью естественнаго процесса, къ *объединенію* пролетарскаго движенія разныхъ странъ, къ *обобщенію* втиснутой въ различныя національныя рамки пролетарской политики и превращенію ея въ однородную, по своимъ принципамъ и тактикѣ, интернаціональную политику.

Въ процессѣ объединенія пролетарской политики международные конгрессы играютъ крупную роль. Регистрируя въ своихъ рѣшеніяхъ уже совершившуюся эволюцію, они двигаютъ ее дальше своимъ моральнымъ вліяніемъ. Этапы въ развитіи современнаго пролетарскаго движенія могутъ быть, поэтому, хорошо прослѣжены по предыдущимъ конгрессамъ.

Парижскій конгрессъ 1889 г. и Брюссельскій — 1891-го были посвящены установленію основныхъ положеній революціонной соціальдемократической политики. Революціонный марксизмъ отдѣлился на этихъ конгрессахъ отъ „экономизма" англійскихъ традъ-юніонистовъ и французскихъ поссибилистовъ, чтобы впервые объединить оффиціально подъ своимъ знаменемъ рабочія партіи большинства европейскихъ странъ. На Цюрихскомъ и Лондонскомъ конгрессахъ послѣдовало размежеваніе съ *анархизмомъ* — новый и крупный шагъ къ объединенію классовой политики пролетарскихъ партій. Отнынѣ международное соціалистическое движеніе стоитъ твердо на почвѣ организованной политической борьбы за *политическую власть*.

На Парижскомъ конгрессѣ 1900 года представителямъ пролетаріата пришлось рѣшать уже вопросъ о методахъ самой этой борьбы. Вопросъ о компромиссахъ, о союзахъ съ буржуазными прогрессивными партіями, и — въ связи съ этимъ — о „частичномъ" завоеваніи политической власти, помощью вступленія соціалистовъ въ радикальныя министерства, — словомъ, вопросъ о „новомъ методѣ" Жореса и К° сталъ на очередь, благодаря событіямъ во Франціи. Постановкѣ этого вопроса *на практикѣ* предшествовала волна „ревизіонистскаго" теченія *въ теоріи* — одновременный симптомъ быстраго роста вліянія соціальдемократіи и проникновенія въ нее чуждыхъ пролетаріату элементовъ. Новый „кризисъ" въ растущемъ соціалистическомъ движеніи, однако, тогда только еще начинался, и международный конгрессъ, суммирующій то, что уже достигнуто рабочими партіями въ отдѣльныхъ странахъ, оказался не въ силахъ сдѣлать больше, чѣмъ демонстрировать несочувствіе громаднаго большинства соціалистовъ экспериментамъ „новаго метода". Дипломатическая формула Каутскаго въ вопросѣ о „министеріализмѣ", не удовлетворивъ революціонныхъ соціалистовъ Франціи, передъ которыми данный вопросъ стоялъ во всей своей остротѣ, оказалась по плечу для большинства соціалистовъ тѣхъ государствъ, въ которыхъ — пока еще — вопросъ носилъ преимущественно академическій характеръ[1])

Нынѣшній конгрессъ въ Амстердамѣ долженъ завершить то, что началъ конгрессъ Парижскій. За протекшіе 4 года многое измѣнилось. Французскій экспериментъ Мильерана пришелъ къ концу, и итоги „новаго метода" стоятъ передъ всѣми во всей своей позорной наготѣ. Со ступеньки на ступеньку, французскій министерскій quasi-соціализмъ опустился до уровня вульгарной фракціи буржуазныхъ парламентаріевъ, измѣняющей скопомъ и въ розницу своей программѣ, своимъ обѣщаніямъ и обязательствамъ. Въ другой формѣ, но, по существу, однородные эксперименты продѣланы въ Италіи и Бельгіи, а въ Германіи „новый методъ" не только вполнѣ развернулся въ области теоріи, но и сдѣлалъ — правда, неудачную — попытку первой серьезной пробы на практикѣ (вопросъ о вице-президентствѣ въ рейхстагѣ). Теперь уже для самыхъ недальновидныхъ изъ „практическихъ политиковъ" соціализма вопросъ о борьбѣ революціонной и оппортунистической тактики въ рабочемъ движеніи пересталъ быть вопросомъ „сѣрой теоріи", и нѣтъ никакого сомнѣнія, что для значительнаго большинства соціалистовъ онъ рѣшенъ въ смыслѣ категорическаго отклоненія „новаго метода". Поставленный въ порядкѣ дня Амстердамскаго конгресса, вопросъ объ общихъ основаніяхъ пролетарской политики, безъ сомнѣнія, вызоветъ дебаты о двухъ методахъ соціалистической борьбы и, надо надѣяться, что фактическая побѣда, одержанная революціоннымъ марксизмомъ въ отдѣльныхъ странахъ, будетъ санкціонирована конгрессомъ, который, въ болѣе или менѣе категорической формѣ, обведетъ вокругъ представленнаго имъ всемірнаго пролетарскаго движенія такую же черту для отдѣленія его отъ мелкобуржуазнаго оппортунизма, какую провели прежніе конгрессы для его отдѣленія отъ анархизма.

И международный конгрессъ не можетъ поступить иначе. Душа современнаго пролетарскаго движенія — говорили мы на этихъ столбцахъ — въ его интернаціонализмѣ. И обратно: всякое отклоненіе современнаго рабочаго движенія отъ пути послѣдовательной классовой борьбы неизбѣжно отражается ослабленіемъ той интернаціональной солидарности, которая такъ ярко отличаетъ его отъ предшествовавшихъ ему историческихъ движеній другихъ боровшихся за свое освобожденіе классовъ. „Новый методъ" — методъ оппортунизма, — приспособляя политику рабочаго класса къ преходящимъ условіямъ политической конъюнктуры данной страны, тѣмъ самымъ освобождаетъ ее отъ вліянія постоянныхъ интересовъ, общихъ для пролетаріата всего міра. Общія міровыя задачи пролетарскаго движенія онъ подмѣняетъ „національными" интересами даннаго момента въ данномъ государствѣ. И если, благодаря такому вытѣсненію общихъ интересовъ соціализма частными интересами момента, возможенъ такой, напр., фактъ, что наканунѣ международнаго конгресса „соціалистъ" Жоресъ стремится превратить въ „національный трауръ" смерть талантливаго вождя французской буржуазіи, Вальдека Руссо, то не приходится удивляться, если, въ силу тѣхъ же соображеній „политическаго", т. е. политиканскаго характера, другой вождь той же „соціалистической" фракціи, несравненный Жеро-Ришаръ, могъ рѣшиться въ началѣ японско-русской войны вести печатную агитацію противъ такъ называемаго „японскаго вѣроломства" — этой выдумки, изобрѣтенной царскими лакеями въ Россіи и Европѣ для оправданія преступной политики царизма[1]). Оппортунистическая тактика не можетъ не вести къ игнорированію солидарности пролетаріевъ со всякимъ дѣйствительно революціоннымъ движеніемъ, ибо эта тактика, по самой своей цѣли, должна считаться съ фактомъ реакціонной солидарности существующихъ правительствъ, солидарности, созданной группировкой капиталистическихъ интересовъ на сценѣ міровой политики и общностью борьбы противъ революціи самого пролетаріата. И намъ, русскимъ соціалистамъ, на долю которыхъ выпала борьба съ монархіей, занимающей первенствующее мѣсто въ „европейскомъ концертѣ", намъ слишкомъ часто приходилось испытывать, какъ оппортунистическая тактика въ предѣлахъ той или иной соціалистической партіи отзывалась на ослабленіи той моральной и политической поддержки, на которую мы имѣемъ право, въ качествѣ борцовъ противъ наслѣдственнаго врага всемірнаго соціализма... Уже во имя задачи этой борьбы, возложенной на насъ всей міровой исторіей, мы обязаны, въ свою очередь, идти до конца въ поддержкѣ революціоннаго крыла всемірнаго рабочаго движенія противъ его оппортунистическаго крыла.

Всемірный пролетаріатъ хорошо знаетъ, какого врага имѣетъ онъ въ лицѣ русскаго царизма. Это сознаніе побуждаетъ его съ жадностью ожидать неминуемаго его паденія. При царящемъ въ Европѣ незнакомствѣ съ русской политической жизнью, неудивительно, если это жгучее желаніе подчасъ приводитъ къ тому, что соціалисты Запада не стараются разобраться среди различныхъ русскихъ общественныхъ движеній, направленныхъ одинаково противъ царизма и — сообразно отсталости русскихъ условій — прикрытыхъ одной и той же кличкой „соціализма". Своеобразіе русскихъ политическихъ условій и малое знакомство съ ними нерѣдко побуждаютъ западно-европейскихъ товарищей признавать „своими" такихъ русскихъ и польскихъ революціонеровъ, которые — дѣйствуй они на Западѣ — были бы тѣми же товарищами безъ труда отнесены къ той соціально-политической категоріи, которую они на дѣлѣ представляютъ собой. Такъ, даже сравнительно-осторожный „Vorwärts", который $2\frac{1}{2}$ года назадъ привѣтствовалъ въ „Освобожденіи" г. Струве новый „соціалистическій" органъ, нынѣ (см. № 187) оспариваетъ данную Г. В. Плехановымъ характеристику нашихъ „соціалистовъ-революціонеровъ" и ихъ тактики. Съ точки зрѣнія основныхъ интересовъ международной пролетарской политики, требующей, чтобы и въ Россіи задачи борьбы за демократическую свободу были подчинены задачамъ классовой борьбы пролетаріата, — съ этой точки зрѣнія, наша Партія на конгрессѣ, какъ и въ европейской печати, выступитъ, конечно, противъ такого безразличнаго отношенія къ нашимъ отечественнымъ „фракціямъ" и будетъ отстаивать для россійской соціальдемократіи право на единственное представительство въ международной организаціи пролетаріата интересовъ россійскаго сознательнаго рабочаго движенія. А чѣмъ болѣе на международныхъ конгрессахъ будутъ обсуждаться вопросы объ объединеніи тактики соціалистическихъ партій, тѣмъ несомнѣннѣе станетъ для нашихъ западно-европейскихъ товарищей, что интересы всемірнаго соціализма представлены въ Россіи только соціальдемократіей.

Четыре года, протекшіе со времени Парижскаго конгресса, были для сознательнаго пролетаріата не только періодомъ тяжелой, хотя и неизбѣжной, внутренней борьбы, обострившейся такъ, какъ еще никогда со времени раскола стараго Интернаціонала. Это были въ то же время годы крупныхъ успѣховъ рабочаго класса — успѣховъ въ области организаціи и въ дѣлѣ завоеванія имъ политическаго вліянія. Крупныя политическія и стачечныя движенія во Франціи, Бельгіи, Голландіи, Германіи, Россіи, Соединенныхъ Штатахъ, Швеціи и Испаніи внесены въ лѣтописи этого періода. Но относительно нигдѣ, быть можетъ, классовое движеніе пролетаріата не сдѣлало за это время такихъ успѣховъ, какъ въ нашей странѣ. Съ чувствомъ законнаго удовлетворенія можетъ наша партія представить конгрессу итоги четырехлѣтней борьбы русскаго пролетаріата. Эти итоги — благодаря условіямъ, въ которыхъ мы ведемъ свою борьбу — не могутъ быть точно зарегистрированы и представлены въ формѣ организаціонныхъ успѣховъ. Но они въ достаточной мѣрѣ иллюстрируются тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находится нашъ врагъ — самодержавіе, казавшійся столь сильнымъ еще 4 года назадъ, а теперь, по общему мнѣнію, осужденный на близкую смерть. И если на Амстердамскомъ конгрессѣ это сознаніе близкой гибели царизма и связаннаго съ нимъ освѣженія всей политической атмосферы въ цивилизованномъ мірѣ отзовется усиленнымъ подъемомъ революціонной энергіи въ борцахъ европейскаго соціализма, то русскій пролетаріатъ будетъ вправѣ видѣть въ этомъ фактѣ результатъ своей работы — той дани, которую онъ, „пасынокъ цивилизаціи", успѣлъ внести въ великое дѣло мірового соціалистическаго движенія.

---

[1]) Большинство русской делегаціи вотировало за резолюцію Каутскаго.

[1]) Извѣстно, что „Новое Время" использовало эту агитацію Жеро-Ришара въ доказательство того, что „даже соціалисты" признаютъ виновнымъ въ войнѣ японское правительство. Петербургскому Ком. нашей Партіи пришлось выступить съ печатнымъ разъясненіемъ русскому обществу характера „соціализма" Жеро-Ришара.

РЕКРУТСКІЙ НАБОРЪ РЕВОЛЮЦІИ.

Всеподданнѣйшій рекриптъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Зиновьева о результатахъ правительственной ревизіи московскаго земства представляетъ серьезную политическую важность. Авторъ сосредоточиваетъ главное вниманіе не на тѣхъ или другихъ недостаткахъ повседневной земской работы, не на либеральныхъ мечтаніяхъ объ увѣнчаніи зданія, а на дѣятельности разночинной интеллигенціи, собравшейся подъ земскимъ знаменемъ, и ея характеристикѣ съ точки зрѣнія правительства. Такая постановка вопроса придаетъ рапорту особое значеніе: онъ становится не только обычнымъ эпизодомъ изъ исторіи традиціонной борьбы чиновничества съ земствомъ, но и первымъ обвинительнымъ актомъ, предъявленнымъ самодержавіемъ русской демократіи, постепенно занимающей старыя позиціи либерализма. Устами Зиновьева правительство признаетъ появленіе новаго „внутренняго врага", которому суждено сыграть выдающуюся роль въ развитіи русской общественной жизни. Земская интеллигенція, вызвавшая тревогу въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, сложилась не въ безвоздушномъ пространствѣ. Она развилась подъ вліяніемъ разроставшихся потребностей общественной жизни, параллельно развитію бюрократіи подъ вліяніемъ расширявшихся потребностей государственной жизни. Половинчатыя и нерѣшительныя реформы шестидесятыхъ годовъ, включившія общественное представительство въ систему государственнаго управленія, какъ бы подѣлили государственную работу между опричниной и земствомъ. Это раздѣленіе фактически выразилось въ томъ, что бюрократія направила всѣ усилія на военную организацію государства и укрѣпленіе отжившаго свой вѣкъ самодержавія, культурныя же задачи государства отъ разрѣшенія которыхъ почти отказалось правительство, всецѣло выпали на долю земскаго самоуправленія, на долю мѣстныхъ людей. Но послѣдніе не имѣли возможности справиться собственными силами съ трудными и сложными запросами развивавшейся страны. Личный составъ земскихъ учрежденій былъ съ самаго начала до крайности ограниченъ полицейскимъ контролемъ и сословною организаціею представительства, а съ 1890 года, когда правительство передало дѣла мѣстнаго управленія почти исключительно помѣстному дворянству, земскія выборныя силы стали совершенно ничтожной величиной. Между тѣмъ, эволюція крѣпостной Россіи въ современное государство породила и порождаетъ умноженіе функцій власти, какъ въ той области государственнаго управленія, которая осталась въ вѣдѣніи бюрократіи, такъ и въ той, которая отошла въ вѣдѣніе земства. Главная причина недостаточности земскихъ выборныхъ силъ кроется, однако, не въ ихъ количественной слабости, а въ измѣнившихся условіяхъ политической и народно хозяйственной жизни пореформенной Россіи. Паденіе крѣпостного права пріобщило Россію къ всемірному процессу капиталистическаго развитія, которое безслѣдно стираетъ сословныя грани полуфеодальнаго общества. Дворянство, въ рукахъ котораго сосредоточивалось до шестидесятыхъ годовъ мѣстное управленіе, быстро отрывается отъ почвы и теряетъ свое экономическое и политическое значеніе. На поверхность жизни поднимается средній классъ, притягивая къ себѣ наиболѣе энергичныхъ и приспособленныхъ къ борьбѣ за существованіе представителей всѣхъ сословій. Этотъ процессъ образованія классовъ буржуазнаго общества на мѣсто дореформенныхъ сословій отразился и на земскомъ самоуправленіи. Несмотря на всѣ усилія правительства, современное земство является организаціей земельной и промышленной буржуазіи, организаціей очень неудовлетворительной, затемненной отжившими сословными формами, изуродованной произволомъ самодержавной бюрократіи, но все же буржуазной организаціей. И поскольку буржуазія становится хозяиномъ положенія, она уничтожаетъ ту примитивную систему управленія, при которой всѣ дѣла вершатся личнымъ усмотрѣніемъ представителей первенствующаго сословія, отечески опекающаго остальныя. Для буржуазіи государственная дѣятельность теряетъ характеръ патріархальности и высшаго предназначенія и превращается въ оплачиваемую профессію, требующую спеціальныхъ качествъ и спеціальной подготовки. При такихъ условіяхъ, земская дѣятельность не могла ограничиться примитивною формою личнаго управленія выборныхъ мѣстныхъ людей. Развитіе народнаго образованія, медицины, агрономіи, статистики и др. отраслей земской работы потребовало многочисленнаго персонала спеціально подготовленной интеллигенціи. Такъ выросла земская бюрократія, на которую обрушивается теперь гнѣвъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Она создана потребностями третьяго сословія и, въ большинствѣ случаевъ, вышла изъ него. Преобладающее количество земской служилой интеллигенціи принадлежитъ къ крестьянамъ, мѣщанамъ, духовному сословію, мелкому чиновничеству. Въ ея лицѣ русская демократія беретъ реваншъ за лишеніе права участія въ [illegible]
стномъ самоуправленіи и входитъ въ составъ государстве[illegible]
механизма. И чѣмъ дальше идетъ разложеніе стараго [illegible]
наго общества, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ [illegible] сосл[illegible]
ная интеллигенція. Съ шестидесятыхъ годовъ о[illegible] разночин-
крупную, но неодинаковую роль въ русской жи[illegible] играетъ
мента своего появленія на исторической сценѣ [illegible]ни. Съ ко-
на тощей земской нивѣ русскій разночинец[illegible] до усп[illegible]
лую эволюцію, отражающую процессъ социа[illegible] пережилъ тяже-
развитія Россіи. Въ первомъ періодѣ св[illegible]льно экономическаго
ная интеллигенція, отвергаемая живым[illegible]ей исторіи разночин-
ществомъ, примкнула къ народной м[illegible] еще феодальнымъ об-
ческаго соціализма, съ одинаково[illegible]ссѣ и, въ порывѣ утопи-
противъ правительственнаго консе[illegible] энергіей боролась какъ
рянскаго либерализма. Неприми[illegible]ватизма, такъ и противъ дво-
шла прямымъ путемъ къ нам[illegible]римая и послѣдовательная, она
легла въ неравномъ бою. В[illegible]ченной цѣли и почти поголовно
новыхъ условіяхъ. Идеал[illegible]торое поколѣніе выростало уже въ
веніи съ суровою дѣйс[illegible] соціализма померкли при столкно-
гибли на висѣлицахъ [illegible]твительностью, политическія надежды

тѣ ъ, измѣнялись экономическiя отношенiя дореформенной Россiи, нарождалась и крѣпла крупная и мелкая буржуазiя, распространялось образованiе, усваивались нѣкоторыя привычки культурной жизни, расширялся тѣсный кругъ интеллигенцiи. Разночинецъ, чувствовавшiй себя отщепенцемъ феодальнаго мiра, начиналъ сознавать себя роднымъ дѣтищемъ и полноправнымъ членомъ новаго общества. Борьба противъ основъ современнаго строя смѣнилась борьбою противъ отдѣльныхъ недостатковъ механизма, разрушительная работа уступила мѣсто постепенному мирному и культурному воздѣйствiю на темную массу многомиллiоннаго народа. Всесословное земство, развивавшее широкую и всестороннюю дѣятельность, нуждавшееся въ знающихъ и способныхъ работникахъ, привѣтливо раскрыло двери прирученному разночинцу и указало почти необходимое поле для приложенiя интеллигентныхъ силъ. Вчерашнiй отщепенецъ вошелъ, какъ свой человѣкъ, въ ряды правящихъ классовъ, вошелъ, сохраняя прежнюю фразеологiю, стараясь окружить ореоломъ старой славы свою новую дѣятельность. Это непониманiе коренной разницы въ положенiи сохранилось среди земской интеллигенцiи до самаго послѣдняго времени. „Земство — говорили служащiе московскаго земства въ адресѣ, поднесенномъ Михайловскому въ день его юбилея,—представляетъ единственное учрежденiе, въ которомъ по нашимъ русскимъ условiямъ можетъ проявиться организованная общественная самодѣятельность, и оно же оказывается единственнымъ легальнымъ убѣжищемъ для проявленiя критической дѣятельности критически-мыслящей личности“. Эта цитата ярко выражаетъ судьбу всего движенiя. „Критически-мыслящая личность“, которая должна быть революцiонной по самому своему существу, восхваляетъ „легальное“ убѣжище въ видѣ... земскихъ учрежденiй! Въ дѣйствительности, дѣятельность земской служилой интеллигенцiи *носитъ* черты самой мѣщанской умѣренности... „Критически-мыслящая личность“, приспособляясь къ требованiямъ существующаго строя, отказалась сначала отъ борьбы противъ современнаго общества, а затѣмъ и противъ правительства. Она замкнулась въ крѣпости маленькихъ дѣлъ и вела войну почти исключительно противъ слишкомъ ревностныхъ администраторовъ и дикихъ помѣщиковъ не столько съ народомъ, сколько за народъ. Она не знала границъ компромиссамъ и развила въ себѣ безудержный поссибилизмъ, стремясь получить хоть что нибудь, хоть какъ нибудь. Но все же разночинная интелигенцiя внесла много живого и цѣннаго въ провинцiальную глушь. Въ культурныхъ обществахъ, въ мѣстной печати, въ частныхъ кружкахъ она сливалась съ провинцiальной молодежью и обывателями и поддерживала въ нихъ демократическiя идеи, правда, иногда въ мелкобуржуазной окраскѣ, будила мысль, оглашала проявленiя произвола, организовывала просвѣтительные союзы, вообще, усиленно хлопотала о томъ, чтобы придать благообразную форму „людской пыли“, какъ именуетъ Витте россiйскихъ обывателей. Оживленiе буржуазной демократiи, отмѣченное началомъ студенческихъ волненiй, вызвало оживленiе и въ средѣ земской служилой интеллигенцiи. Разночинецъ почувствовалъ подъ собою твердую почву; его работа стала интенсивнѣе и смѣлѣе. Но характеръ этой работы не измѣнился. Рапортъ Зиновьева, тщательно искавшаго „преступленiй“ въ дѣятельности земской интеллигенцiи, рисуетъ, однако, только самую умѣренную просвѣтительную работу. Мы видимъ, что разночинная интеллигенцiя и демократическiе элементы земской среды сорганизовались въ различные совѣты при управахъ: экономическiе, школьные, санитарные и т. п. Такимъ образомъ они обезпечили себѣ нѣкоторую защиту отъ произвола отдѣльныхъ представителей земского управленiя. Затѣмъ, *они выработали* программу минимальныхъ демократическихъ требованiй, которую и стали проводить, несмотря на ропотъ „послѣдышей“ дворянскаго сословiя. Народныя школы, внѣшкольное образованiе, народная медицина, агрономическая помощь крестьянству въ той или другой степени попали въ руки демократической интеллигенцiи и прониклись ея духомъ. Рапортъ Зиновьева съ ужасомъ приводитъ слова одного изъ земскихъ школьныхъ инспекторовъ о томъ, что въ основу народныхъ школъ должно быть положено свободное самодѣятельное развитiе человѣческой личности, а такое развитiе нравственной личности человѣка можетъ успѣшно итти только въ свободной школѣ“. Еще съ большимъ ужасомъ петербургскiй бюрократъ указывалъ на то, что интеллигенцiя возбуждала такiе вопросы, какъ вопросъ о правовомъ и матерiальномъ положенiи больничныхъ служителей, что она не ограничилась „предѣлами своей компетенцiи“ и, кромѣ своихъ спецiальныхъ функцiй, занималась и общекультурной работой. Съ характерной для высшаго сановника царскаго правительства тупостью, Зиновьевъ приводитъ, въ укоръ земскимъ служащимъ, примѣръ врача, получившаго благодарность земскаго собранiя за особые труды въ области народнаго образованiя. Наконецъ, интеллигенцiя, по словамъ Зиновьева, осмѣливалась „критиковать“ дѣйствiя земства и даже губернскаго начальства. Всѣ эти грѣхи, конечно, не могутъ быть признаны особенно тяжкими. Еще недавно правительство, зорко слѣдя за либеральными мечтанiями земскихъ дѣятелей, снисходительно относилось къ муравьиному строительству демократической интеллигенцiи; нѣкоторыя вѣдомства посылали иногда даже весьма привѣтливыя улыбки по адресу земской демократiи, и часто статистики и агрономы, изгнанные ретивыми губернаторами, находили тихую и прiятную пристань въ министерствахъ земледѣлiя или финансовъ. Однако, эти мирныя отношенiя могли продолжаться только до тѣхъ поръ, пока демократiя, занятая борьбой за положенiе въ рядахъ буржуазнаго общества, стыдливо закрывала глаза на безобразiя самодержавiя и даже, въ рѣдкихъ, правда, случаяхъ, готова была прибѣгнуть къ содѣйствiю власти для одолѣнiя либеральнаго, но зараженнаго сословными предразсудками, земскаго дворянства. Какъ только третье сословiе стало на собственныя ноги, оно неизбѣжно обратило свое вниманiе на азiатскiя условiя общественной дѣятельности, создаваемыя царизмомъ. Близость столкновенiя почувствовало и правительство. Честь перваго открытiя новаго внутренняго врага, какъ извѣстно, выпала на долю самарскаго вицегубернатора Кондоиди, который констатировалъ, что въ послѣднiе годы среди представителей администрацiи и помѣстныхъ обывателей, вѣдающихъ, по закону мѣстное хозяйство, появился и прiобрѣлъ крупное влiянiе новый „третiй элементъ“ въ лицѣ вольнонаемныхъ земскихъ служащихъ. Проницательный администраторъ и сотрудникъ реакцiонныхъ газетъ тогда же предсказалъ, что новые люди принесутъ съ собою „вредныя“ политическiя тенденцiи. Вслѣдъ за Кондоиди тѣ же мысли высказалъ и вятскiй губернаторъ Клингенбергъ, а теперь противъ земской служилой интеллигенцiи выступилъ и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ. Его рапортъ показываетъ, что правительство признало работоспособность земской демократiи на поприщѣ столь нежелательнаго самодержавiю подъема культурнаго уровня народа и рѣшило, отдѣлавшись нѣсколькими ударами отъ земскихъ либераловъ, направить главныя силы на борьбу съ болѣе твердымъ и послѣдовательнымъ противникомъ. Это рѣшенiе уже приводится въ исполненiе. Набѣгъ Зиновьева еще не закончился, онъ еще „ревизуетъ“ земскiя учрежденiя различныхъ губернiй, а гоненiе на земскую демократiю уже въ полномъ разгарѣ. Въ Уфѣ, Вяткѣ, Перми, Курскѣ, Орлѣ, Тамбовѣ, Самарѣ и другихъ городахъ земская интеллигенцiя потерпѣла жестокiй разгромъ, который, очевидно, распространится и на другiя мѣстности. Систематическое опустошенiе земства будетъ, несомнѣнно, проведено съ неуклонной твердостью и послѣдовательностью при содѣйствiи реакцiонныхъ элементовъ помѣстнаго дворянства. Мирная культурная работа, при такихъ условiяхъ, обращается въ безсмысленную мечту; интеллигенцiя съ горечью убѣждается, что ея зданiе, построенное цѣною громадныхъ усилiй и тяжелыхъ компромиссовъ,—только вавилонская башня, затѣянная въ гордомъ и наивномъ ослѣпленiи. Одно мановенiе руки всесильнаго сатрапа и всѣ камни перемѣшаны, строители разбросаны въ разныя стороны, сотни людей остались и безъ дорогого дѣла и безъ средствъ существованiя. Но только полицейская философiя можетъ надѣятся на успокоительные результаты политики гнета и насилiя, да и ея надежды слишкомъ внушительно разрушаются бомбами. Правительство, отрывая мирныхъ культурныхъ работниковъ отъ земской нивы, вынуждаетъ ихъ къ отчаянной борьбѣ за жизнь. Изгнанiе „третьяго элемента“ изъ среды государственнаго строительства является, поэтому, по выраженiю Герцена, прежде всего, грандiознымъ рекрутскимъ наборомъ революцiи. По слабости политическаго развитiя, земская демократiя при первыхъ признакахъ грозы пыталась выдвинуть противъ правительства либеральную партiю, чтобы ея влiянiемъ парализовать намѣренiя самодержавной бюрократiи и мирнымъ путемъ добиться хотя нѣкоторыхъ конституцiонныхъ гарантiй. Но земскiй либерализмъ оказался слишкомъ вялымъ и расплывчатымъ, чтобы активно вмѣшаться въ теченiе государственной жизни. Съ другой стороны, и буржуазная масса частью оказалась недостаточно развитой политически для рѣшительнаго наступленiя, частью, по самому своему характеру, не обнаружила способности къ открытой борьбѣ и свалила всю тяжесть грознаго боя на свой передовой отрядъ, разночинную интеллигенцiю. Въ такомъ положенiи передъ интеллигенцiей раскрывалась одна дорога, дорога революцiонной самозащиты при пассивномъ сочувствiи и одобренiи общества. Но, возвращаясь снова къ тѣмъ методамъ борьбы, которыми онъ начиналъ свое историческое поприще, разночинецъ ставитъ себѣ теперь другiя задачи. Онъ утратилъ, въ сорокалѣтнемъ странствованiи по пустынѣ буржуазнаго общества, вѣру въ народныя массы и соцiалистическiе идеалы; онъ крѣпко связалъ себя съ завтрашними хозяевами русской жизни и отказался отъ далекихъ „конечныхъ цѣлей“; остановленный варварскимъ правительствомъ въ работѣ мирнаго завоеванiя общества и государства, онъ съ болѣзненной жадностью обратилъ свои взоры къ солнцу политической свободы и, *не имѣя* силы двинуть въ борьбу за нее народныя массы, направилъ противъ отдѣльныхъ представителей власти оружiе отдѣльныхъ революцiонеровъ, въ надеждѣ дезорганизовать бюрократiю и сдѣлать ее болѣе уступчивой и мягкой. Но за единичными выстрѣлами и взрывами нельзя забывать порождающей ихъ общественной группы. Уже не далеко то время, когда русская буржуазная демократiя, защищая свои жизненные интересы, выступитъ, какъ революцiонная политическая партiя. Порожденная буржуазнымъ развитiемъ русскаго общества, встрѣтившимъ препятствiя въ азiатскомъ правительствѣ, демократическая партiя сосредоточитъ всѣ свои силы и помыслы на политическомъ освобожденiи Россiи; ея соцiальная программа будетъ носить печать буржуазнаго реформаторства и рабочiй классъ явится для нея только орудiемъ для достиженiя поставленныхъ политическихъ цѣлей. Какъ и всякая буржуазная демократiя, она не осуществитъ, однако, даже строго послѣдовательнаго демократическаго строя и выступитъ противъ революцiоннаго соцiализма въ защиту современнаго общества. Въ сложной и трудной работѣ разрушенiя существующаго политическаго уклада Россiи демократiя сыграетъ крупную и прогрессивную роль и, съ этой точки зрѣнiя, чрезвычайно желательно ея скорѣйшее появленiе изъ туманныхъ нѣдръ „Освобожденiя“ и „Револ. Россiи“. Но это появленiе нисколько не измѣнитъ ни задачъ, ни современной позицiи русскаго пролетарiата. Только самостоятельная политическая рабочая партiя, партiя революцiоннаго соцiализма, способна выразить и отстоять дѣйствительные интересы рабочаго класса, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ.

КЪ ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОЙ БОРЬБѢ ЗАКЛЮЧЕННЫХЪ И ССЫЛЬНЫХЪ.

I. Борьба въ тюрьмѣ.

Исторiя удѣлитъ въ будущемъ навѣрное очень много прекра ныхъ страницъ жизни революцiонеровъ въ русскихъ тюрьмахъ тѣмъ болѣе, что физiономiя „политическаго арестанта“, задачи и форма борьбы его въ тюрьмѣ и ссылкѣ служатъ весьма характернымъ отраженiемъ нашего революцiоннаго движенiя в всемъ его цѣломъ. Но намъ и сейчасъ необходимо разобраться въ этомъ вопросѣ, ибо безпрерывная неизбѣжная борьба в тюрьмахъ вотъ ужъ пять лѣтъ какъ стала явленiемъ *массово* характера.

Ни для кого не секретъ, что до второй половины девяностыхъ годовъ русское правительство въ *борьбѣ* своей съ крамолой черпало свои жертвы, по преимуществу, изъ интеллигентной среды, ибо только послѣдняя была у насъ носительницей революцiоннаго движенiя. Это обстоятельство накладывало, конечно, извѣстный отпечатокъ на физiономiю „политическаго арестанта“ прежнихъ десятилѣтiй. Это былъ интеллигентъ, сознающiй ясно свои задачи, для котораго цѣнность собственнаго человѣческаго достоинства и революцiонной чести превалировали надъ цѣнностью личной жизни. Онъ засталъ въ тюрьмахъ подавляющiй своей строгостью режимъ одиночнаго заключенiя, причемъ въ борьбѣ съ этимъ режимомъ онъ былъ предоставленъ исключительно самому себѣ. Это обстоятельство наложило извѣстный отпечатокъ на форму борьбы, которая прежде всего была борьбой единоличной, борьбой одного противъ темныхъ

Рабочiй классъ и соцiальдемократическая интеллигенцiя.

Лучше поздно, чѣмъ никогда.

На нашемъ второмъ съѣздѣ Ленинъ, возражая одному изъ своихъ противниковъ, сказалъ: „Говорятъ: Ленинъ ни о какихъ противоборствующихъ тенденцiяхъ не упоминаетъ, а абсолютно утверждаетъ, что рабочее движенiе всегда „идетъ“ къ подчиненiю буржуазной идеологiи. Въ самомъ дѣлѣ? А не сказано ли у меня, что рабочее движенiе влечется къ буржуазности *при благосклонномъ содѣйствiи Шульце-Деличей и имъ подобныхъ*[1])“. Спора нѣтъ, это у Ленина, дѣйствительно, сказано. Но это нимало не улучшаетъ положенiя дѣла. Само собой разумѣется,— и никто, никогда ни на одну минуту не сомнѣвался въ томъ, — что *буржуазiя* Шульце-Деличей и тѣ „интеллигенты“, которые такъ или иначе, сознательно или безсознательно, раздѣляютъ идеи Шульце-Деличей, старается подчинить пролетарiатъ своему буржуазному идейному влiянiю. Мы были бы неопытны въ политикѣ какъ грудные младенцы, если бы мы вообще могли спорить объ этомъ. Но отсюда еще ровно ничего не слѣдуетъ. *Спорный вопросъ заключается именно въ томъ, существуетъ ли такая экономическая необходимость, которая вызываетъ у пролетарiата „потребность въ соцiализмъ“, дѣлаетъ его „инстинктивнымъ соцiалистомъ“ и толкаетъ его, — даже въ томъ случаѣ, когда онъ предоставленъ „собственнымъ силамъ“, — на путь соцiалистической революцiи, несмотря на упорныя и безпрерывныя усилiя буржуазiи подчинить его своему идейному влiянiю.* Ленинъ отрицаетъ это, вопреки ясно выраженному мнѣнiю всѣхъ теоретиковъ научнаго соцiализма. И въ этомъ заключается его огромная ошибка, его теоретическое грѣхопаденiе, еще больше и еще ярче оттѣняемое его крайне неудачной ссылкой на Шульце-Деличей“.

Въ самомъ дѣлѣ, что представляютъ собою эти господа „Шульце Деличи и имъ подобные“? На этотъ счетъ не можетъ быть двухъ мнѣнiй. Они — тоже „интеллигенцiя“, но только интеллигенцiя, оставшаяся вѣрной буржуазiи, не перешедшая на сторону пролетарiата. Что выйдетъ, если мы примемъ въ соображенiе, — что мы непремѣнно должны сдѣлать, — *влiянiе этой* интеллигенцiи? То, что историческая роль пролетарiата *всегда опредѣляется интеллигенцiей того или другого образа мыслей, а собственныхъ* стремленiй, порождаемыхъ экономическими особенностями его *собственнаго* положенiя, у этого несчастнаго класса, жестоко обдѣленнаго исторiей, совсѣмъ не полагается: онъ инертенъ, какъ дохлый оселъ, чтобы употребить здѣсь энергичное выраженiе Рабле. Это ли хотѣлъ сказать Ленинъ? Если да, то онъ запутался еще больше, потому, что сказать это можетъ только тотъ, кто не понялъ того, что говоритъ научный соцiализмъ объ исторической миссiи пролетарiата.

Итакъ, главный доводъ, приведенный Ленинымъ на съѣздѣ, говоритъ не за него, а противъ.

Я не даромъ и вовсе не вслѣдствiе полемическаго увлеченiя сказалъ выше, что Марксу взглядъ Ленина на отношенiе пролетарiата къ интеллигенцiи показался бы новой разновидностью взглядовъ Бруно Бауэра на отношенiе „*критики*“ къ „*массѣ*“. Это непремѣнно такъ и было бы на самомъ дѣлѣ. Вспомните, что говоритъ Марксъ о взглядѣ Бруно Бауэра.

Этотъ „критикъ“ исходилъ изъ абсолютнаго идеализма Гегеля, подвергая его своей критикѣ. Между тѣмъ, какъ у Гегеля исторiю творитъ абсолютный Духъ, у Бруно-Бауэра мѣсто абсолютнаго духа занимаетъ, по замѣчанiю Маркса, критическая критика, „Бруно Бауэръ объявляетъ Критику абсолютнымъ духомъ, а себя критикой. Какъ элементъ критики изгоняется изъ массы, такъ элементъ массы изгоняется изъ критики. Критика воплощается, поэтому, не въ массѣ, а въ небольшой горсти избранниковъ, въ г. Бруно Бауэрѣ и его послѣдователяхъ[1].

Къ чему же это приводитъ? А вотъ къ чему.

„По одну сторону сидитъ Масса, какъ пассивный, неодухотворенный и неисторическiй матерiальный элементъ исторiи. По другую сторону сидитъ: Духъ, Критика, г. Бруно Бауэръ и комп., въ качествѣ активнаго элемента, отъ котораго исходитъ всякое историческое дѣйствiе[2])“.

Знакомая картина! Какъ разъ это самое видимъ мы у Ленина: по одну сторону *стоитъ* рабочая масса, какъ пассивный элементъ, не имѣющiй собственнаго движенiя и направляющiйся туда, куда его ведутъ иногда „Шульце-Деличи“, а иногда соцiалистическая интеллигенцiя. По другую сторону сидитъ: интеллигенцiя, соцiализмъ, Ленинъ и компанiя, въ качествѣ активнаго элемента, къ дѣятельности котораго прiурочиваются всѣ шансы освободительнаго движенiя пролетарiата и соцiалистической революцiи.

Во взглядѣ Ленина мы видимъ не *марксизмъ*, а, — прошу прощенiя за некрасиво звучащее слово, — *бауэризмъ*, новое изданiе *теорiи героевъ и толпы*, исправленное и дополненное сообразно рыночнымъ требованiямъ самоновѣйшаго времени[3]).

Теорiя героевъ и толпы, несостоятельная сама по себѣ и получающая нѣкоторую степень внѣшняго правдоподобiя лишь въ эпохи неразвитого состоянiя борьбы общественныхъ классовъ, ведетъ къ весьма важнымъ неудобствамъ въ практикѣ профессiональныхъ революцiонеровъ.

Марксъ говоритъ, что Бруно Бауэръ, поправляя Гегеля „объявилъ Критику абсолютнымъ духомъ, а себя самого Критикой“. Представьте же себѣ, что подобная „Критика“ берется за политическую дѣятельность, за осуществленiе извѣстнаго практическаго плана. Такъ какъ она объявляетъ себя единственнымъ активнымъ элементомъ исторiи, то она считается съ массой лишь постольку, поскольку надѣется, что та будетъ служить въ ея рукахъ сильнымъ, но послушнымъ орудiемъ и пойдетъ туда, куда угодно будетъ вести ее „сознательной“ госпожѣ Критикѣ. Впрочемъ, до сколько нибудь серьезнаго влiянiя на массу эта „сознательная“ госпожа обыкновенно и не доходитъ, да и дойти ни въ какомъ случаѣ не можетъ. Противъ одного кружка избранниковъ возстаютъ другiе кружки, исполненные столь же наивнаго и непреклоннаго самомнѣнiя, и между ними начинается рядъ жесточайшихъ ссоръ и безпощаднѣйшихъ столкновенiй, которыя сосредоточиваютъ на себѣ все ихъ вниманiе, поглощаютъ всѣ ихъ силы и парализуютъ всѣ ихъ усилiя. Вмѣсто широкой, освободительной *классовой политики*, является узкое и жалкое *кружковое политиканство*, лишь тогда смѣняющееся болѣе широкимъ образомъ мыслей и болѣе разумнымъ способомъ дѣйствiй, когда усиливающееся и крѣпнущее *движенiе массы* воочiю показываетъ, наконецъ, всю смѣшную ограниченность кружковыхъ „диктаторовъ“ и всю жалкую тщету ихъ усилiй. Практика марксизма несовмѣстима съ теорiей героевъ и толпы; теорiя героевъ и толпы несогласима съ практикой марксизма. И вотъ почему Марксъ и Энгельсъ питали такое глубокое отвращенiе къ этой теорiи какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда она не выходили за предѣлы отвлеченной „Критики“, такъ, — и особенно, — тогда, когда ею вдохновлялись въ своей практической дѣятельности крошечные мессiи и миниатюрные „диктаторы“ разныхъ странъ и всевозможныхъ направленiй. Въ разговорахъ со мной, — да и не только со мной, — Энгельсъ не разъ и настойчиво указывалъ на то, что въ Россiи, благодаря начинающемуся въ ней рабочему движенiю, уже миновала старая заговорщическая практика *нечаевщины и бакунизма*[1]). Но мы не отдѣлаемся отъ этой устарѣлой практики вплоть до тѣхъ поръ, пока мы не покончимъ съ теорiей героевъ и толпы въ новомъ, — и, будемъ надѣяться, послѣднемъ, — видоизмѣненiи, т. е. пока мы не раздѣлаемся съ ученiемъ Ленина о „*стихiйности массъ и сознательности соцiальдемократiи*“. Это ученiе въ значительной степени окрасило собою „*четвертый перiодъ*“ нашего движенiя, въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ отодвинувъ насъ назадъ сравнительно съ третьимъ его перiодомъ.

Чтобы „ликвидировать“ четвертый перiодъ, безусловно необходимо прежде всего всецѣло проникнуться сознанiемъ полнѣйшей несостоятельности этого ученiя. Это conditio sine qua.

Изгнавъ соцiализмъ изъ массы, а массу изъ соцiализма, Ленинъ объявилъ соцiалистическую интеллигенцiю Демiургомъ соцiалистической революцiи, а самого себя и своихъ вѣрныхъ безпрекословныхъ послѣдователей — соцiалистической интеллигенцiей по преимуществу, такъ сказать *сверхъ* интеллигенцiей. Всѣхъ „несогласно-мыслящихъ“ онъ обвиняетъ въ анархическомъ индивидуализмѣ и, въ борьбѣ съ ними, онъ аппелируетъ къ той самой *массѣ*, которая въ его теорiи играетъ, какъ мы видѣли, роль пассивной *матерiи*. Онъ съ негодованiемъ бьетъ себя въ грудь и, полный благороднаго гнѣва, кричитъ, что только пролетарiатъ понимаетъ все значенiе организацiи и дисциплины. Такого рода криками переполнена его новая брошюра „*Ш впередъ, два шага назадъ*“, въ которой онъ, — *логически развивая свои мысли*, — сдѣлалъ въ то же время, — и именно благодаря своеобразной, но неумолимой логикѣ этихъ мыслей, — *много шаговъ назадъ*, даже сравнительно съ брошюрой „*Ч дѣлать?*“.

Аппеляцiя Ленина къ пролетарiату напомнила мнѣ тѣ воззванiя, съ которыми время отъ времени обращаются къ нар наши „охранители“. Съ точки зрѣнiя „охранителя“ народъ силъ русскаго правительства. Это привело и въ тюрьмахъ все къ той же формѣ протеста: къ террору. Правда, это былъ терроръ столько же трагическій, сколько и своеобразный: своими мученіями, своей смертью стремились герои-мученики революціи заставить русскихъ палачей человѣчнѣе регламентировать тюремный режимъ. Что такое самоубійство Клѣточникова, Грачевскаго, Софьи Гинзбургъ, пощечины Мышкина и Минакова, за которыя они были повѣшены, и еще самоубійства многихъ другихъ товарищей, сидѣвшихъ по разнымъ тюрьмамъ, какъ не террористическіе акты, направленные однимъ концомъ на самихъ себя, другимъ на правительство. Для совмѣстныхъ дѣйствій въ тюрьмахъ нужны два условія: большое сравнительно количество сидящихъ и возможность сговориться, съорганизоваться. Эти два условія, по общему правилу, отсутствовали въ то время. Но не смотря на то, что каждый изъ сидящихъ былъ предоставленъ самому себѣ, мы все-таки, благодаря высокому уровню сознательности революціонера семидесятыхъ годовъ и его непобѣдимому идеализму, были обезпечены не только отъ приниженія личности русскаго революціонера, но добились уваженія со стороны всѣхъ слоевъ русскаго общества и даже враговъ. Это одинъ результатъ. Другой же состоитъ въ томъ, что ихъ упорная борьба привела и къ непосредственнымъ улучшеніямъ тюремнаго режима. Героическая борьба въ застѣнкахъ, столько случаевъ самоубійствъ, смертей и сумашествій всколыхнули русское общество, получили должное освѣщеніе въ европейской печати, и правительство должно было пойти на уступки. Правда, эти улучшенія не узаконялись, не распространялись на всѣ тюрьмы, оставляя, какъ и теперь, широкій просторъ для произвола, но, все таки, въ самой системѣ одиночнаго заключенія была разъ навсегда пробита основательная брешь.

---

[1] См. 131 стр. Протоколовъ съѣзда. Курсивъ въ подлинникѣ.

[1] Die heilige Familie, s. 187.

[2] Тамъ же, стр. 188.

[3] Интересно, что даже буржуазный Зомбартъ идетъ дальше соцiальдемократа Ленина, признавая, что образъ жизни рабочаго „необходимо“ (mit Nothwendigkeit) вызываетъ у него стремленiе къ соцiализму (См. Sozialismus und Soziale Bewegung im 19 Jahrhundert, dritte Auflage, s. 8). Почуявъ въ Ленинѣ сторонника теорiи героевъ и толпы, „соцiалисты-революцiонеры“ поспѣшили, какъ извѣстно, объявить его близкимъ къ народовольцамъ. Онъ заслужилъ это, извративъ марксизмъ. Но, конечно, въ программномъ отношенiи онъ всетаки очень далекъ отъ народовольцевъ, потому что у него дѣятельность „героевъ“ необходимо предполагаетъ *пролетарскую* толпу.

[1] Читатель знаетъ, вѣроятно, что на практикѣ *анархистъ* Бакунинъ былъ такимъ же рѣшительнымъ и неуступчивымъ *централистомъ*, какъ и *марксистъ* Ленинъ.

Товарищи, переполняющіе теперь сотнями россійскія тюрьмы, застали въ нихъ традицію борьбы, какъ наслѣдство прежнихъ поколѣній, и тотъ смягченный режимъ, особенно въ крупныхъ городахъ, который, при большихъ или меньшихъ усиліяхъ сидящихъ, приводитъ къ возможности сговориться и вести борьбу за многія общія требованія сообща и систематически. Кромѣ того, въ тюрьмахъ фабричныхъ и университетскихъ центровъ „политическіе“ сидятъ теперь постоянно въ такомъ большомъ количествѣ, что съ ними приходится считаться и какъ съ физической силой. Но зато предъ революціонерами нашихъ дней встала такая серьезная и сложная задача, которую прежнія поколѣнія революціонеровъ не знали. Въ чемъ же состоитъ эта задача? Отвѣтить на этотъ вопросъ возможно полнѣе, это значитъ выяснить тѣ характерныя особенности современной застѣночной борьбы, которыя порождены настоящимъ уровнемъ рабочаго движенія.

Знаменитый мартовскій проваль 98 года открылъ собою безпримѣрную эру массовыхъ обысковъ и арестовъ. Чѣмъ ближе къ нашимъ днямъ, тѣмъ все болѣе и болѣе эти массовые аресты учащаются и тѣмъ больше черпаетъ жандармерія свои жертвы изъ рабочей среды. Можно сказать съ увѣренностью, что число рабочихъ заключенныхъ и ссыльныхъ далеко превышаетъ число интеллигентовъ. Конечно, для насъ это только радостное знаменіе времени. Но при массовыхъ арестахъ жандармерія хватаетъ громадный процентъ „безсознательныхъ“[1] рабочихъ или „малосознательныхъ“, не мало также и совершенно случайныхъ „интеллигентовъ“. Дѣленіе заключенныхъ на интеллигентовъ и рабочихъ подсказало тюремному начальству, руководимому постоянно „высшими соображеніями“, излюбленный принципъ русскаго правительства: divide et impera, раздѣляй и властвуй. Въ разныхъ мелочахъ даже оно стремится подчеркнуть разницу въ своихъ отношеніяхъ къ „интеллигенту“ и къ „рабочему“, начиная съ грубаго обращенія съ послѣдними на „ты“, кончая разными мелкими придирками и насмѣшками. Особенно нагло это практикуется въ Литовскомъ и Польскомъ краѣ по отношенію къ польскому и еврейскому пролетаріату.

Вотъ въ силу всего этого, для современнаго сознательнаго элемента тюремъ создалась сложная задача: *безпрестанно защищать свое личное достоинство, и заставлять окружающее начальство считаться съ революціонной честью всѣхъ и каждаго въ отдѣльности.* Но здѣсь то, какъ и во всей политической борьбѣ, невозможно добиться чего-либо, борясь *за* рабочихъ: маломальски значительная побѣда возможна только при непосредственномъ *сознательномъ* участіи въ борьбѣ всей массы сидящихъ. А чтобы достичь этого, революціонеры должны и въ тюрьмахъ выполнять серьезную задачу: тутъ же, въ тюрьмѣ, „сѣрые“ элементы сдѣлать сознательными борцами съ самодержавіемъ, сознательными революціонерами. Не добиватся этого, цѣною какихъ угодно усилій, значитъ допустить полное приниженіе революціоннаго достоинства, а, слѣдовательно и своего, въ частности. И я, на основаніи недавняго двухлѣтняго пребыванія въ тюрьмахъ и встрѣчъ съ многими десятками товарищей въ ссылкѣ, пришедшихъ съ разныхъ концовъ Росіи, могу сказать, что именно такая борьба, во имя развитія сознанія товарищей, слишкомъ оторванныхъ отъ дѣла, и ведется во многихъ тюрьмахъ. Кто знакомъ съ современной жизнью большихъ тюремъ, тотъ знаетъ, что въ „мирное время“ тамъ ведутся дискуссіи по разнымъ наболѣвшимъ вопросамъ нашего движенія, читаются лекціи, рефераты, поются революціонныя пѣсни, открыто празднуется первое мая. Прошло то время когда изъ тюремъ выходили поэты, ученые, теперь онѣ обратились въ академіи революціонеровъ: научаютъ насъ смотрѣть смерти въ глаза, даютъ намъ героевъ изъ народа. Но, чтобы быть увѣреннымъ, что каждый „сидящій“ есть и останется революціонеромъ, надо, чтобы онъ растущее и развивающееся здѣсь свое революціонное самосознаніе закрѣплялъ сознательными актами борьбы за свое человѣческое достоинство, благо поводовъ для борьбы въ тюрьмѣ, когда къ тебѣ безпрестанно лѣзутъ грязными лапами въ твою душу, всегда сколько угодно. Борьба эта тѣмъ болѣе можетъ быть сознательной со стороны всѣхъ ея участниковъ, что приступаютъ къ ней теперь обыкновенно не иначе, какъ послѣ долгихъ обсужденій, причемъ всѣ вопросы, какъ формы борьбы и пр., рѣшаются большинствомъ голосовъ. Приведу одинъ небольшой примѣръ. Въ 1902 году въ Одессѣ „начальство“, видя, что всѣ бѣды истекаютъ изъ того, что между заключенными существуетъ тѣсное открытое общеніе, рѣшило положить конецъ этому устройствомъ такихъ особыхъ щитовъ у оконъ, которые не дали бы возможность разговаривать черезъ окна. Сказано — сдѣлано. Приступили къ установленію такихъ щитовъ въ двухъ свободныхъ камерахъ. Тогда сидѣло около 300 политическихъ, размѣщенныхъ въ двухъ корпусахъ. Каждый корпусъ выбралъ себѣ предсѣдателя, и всѣ тотчасъ же приступили къ обсужденію вопроса, какъ реагировать, если начнутъ устраивать щиты въ камерахъ политическихъ. Три дня продолжались засѣданія у рѣшетокъ оконъ съ небольшими перерывами въ полчаса на обѣдъ. Высказывались *обязательно всѣ*. Не было ни одного голоса противъ борьбы, всѣ высказались за самыя крайнія формы сопротивленія. Все это время у дверей каждаго говорящаго останавливалась куча начальства, внимательно вслушиваясь. Твердо принятое всѣми рѣшеніе, и та степень сознательности и готовности, которыя звучали въ словахъ каждаго, заставило тюремную администрацію отказаться отъ задуманнаго плана и дать торжественно честное слово не устанавливать такихъ щитовъ. И дѣйствительно, о нихъ и по сю пору помину нѣтъ. Въ каждой такой борьбѣ на первомъ планѣ, по важности, стоятъ не практическіе результаты, не побѣда, которая можетъ быть и не быть, а важно и знаменательно то, что масса полусознательныхъ рабочихъ, которая теперь составляетъ не менѣе 50% всѣхъ сидящихъ, участвуетъ въ непосредственной борьбѣ съ правительствомъ, проходя здѣсь такую революціонную школу, которую они на волѣ, навѣрное, не проходили. Съ этой именно стороны наша тюремная борьба является отраженіемъ роста нашего движенія и прямымъ продолженіемъ его. Многіе товарищи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ такъ разсуждаютъ: „борьба въ тюрьмахъ страшно опустошительна: какъ мы будемъ бороться въ тюрьмѣ? Голодовкой или бунтомъ? Но въ первомъ случаѣ — медленное, но вѣрное разрушеніе здоровья, во второмъ — прибытіе роты-другой солдатъ, а значитъ, избіеніе и униженіе, да ничѣмъ нельзя быть гарантированнымъ и отъ выстрѣловъ. А не лучше ли сохранять свои силы, и потомъ ужъ вновь на свободѣ „работать“ и т. д. и т. д. Нечего и говорить, что такое разсужденіе и крайне поверхностно, и въ высшей степени „оппортунистично“, и въ сущности ничего больше, какъ громкія, но пустыя слова, которыя такъ не къ лицу революціонеру. Если бы мы не вели безпрестанной и упорной борьбы въ тюрьмахъ, намъ пришлось бы констатировать поразительное приниженіе личности революціонера и выносить самую отчаянную нравственную атмосферу. Задаютъ еще весьма часто такой вопросъ: когда можно остановиться въ своей тюремной борьбѣ? Вѣдь не вести же въ самомъ дѣлѣ ежеминутно за всякую мелочь безпрерывную борьбу? На этотъ вопросъ я отвѣчу: У насъ теперь есть точный критерій, съ которымъ мы можемъ подходить къ каждому случаю застѣночной борьбы. *Мы должны во всѣхъ тюрьмахъ добиваться такого смягченія одиночнаго заключенія, которое не препятствовало бы свободному общенію между заключенными.* Это свободное общеніе должно быть использовано, какъ въ смыслѣ пропагандистскаго воздѣйствія на малосознательные элементы, такъ и въ смыслѣ самоорганизаціи на случай борьбы. *Мы должны добиваться безусловно одинаковаго вѣжливаго обращенія со всѣми товарищами со стороны какъ высшаго, такъ и низшаго начальства тюрьмы, а также и на допросахъ со стороны жандармеріи.* Тамъ, гдѣ это будетъ достигнуто, намъ остается вести только оборонительную политику. Я особенно настаиваю на послѣднемъ, и вотъ почему. Въ послѣднее время сплошь и рядомъ въ тѣхъ тюрьмахъ, гдѣ ведется борьба, приходится констатировать явленіе такого рода: нѣкоторые товарищи, пользующіеся извѣстнымъ вліяніемъ на заключенныхъ, но не имѣющіе достаточно политическаго такта, настолько увлекаются своей „руководящей“ ролью, что держатъ тюрьму въ безпрерывномъ напряженномъ состояніи борьбы: изъ-за каждаго пустяка, каждой мелочи призываютъ они то къ голодовкѣ, то къ „стуку“, то къ разгрому тюрьмы. Это, въ свою очередь, дѣйствуетъ крайне дурно на тѣхъ товарищей, которые неспособны критически относиться ни къ чужимъ, ни къ собственнымъ поступкамъ. Изъ за каждаго отдѣльнаго неудовлетворенія малѣйшаго требованія, изъ-за каждой случайной стычки съ какимъ-нибудь тюремнымъ надзирателемъ, начинаютъ иной разъ борьбу, чаще всего въ формѣ голодовки. Это приводитъ къ самому отрицательному явленію въ нашей современной тюремной жизни. Начиная борьбу изъ-за пустяка, „масса“ на другой, въ крайнемъ случаѣ на третій день голодовки сама же быстро разочаровывается, устаетъ, — и, одинъ за другимъ, заключенные начинаютъ принимать пищу. Такимъ образомъ, они не только дискредитируютъ самихъ себя, но и такое крайнее средство борьбы, какъ голодовку. Тюремное начальство слишкомъ привыкаетъ къ такой формѣ борьбы и никакого вниманія не обращаетъ на нее, ибо у него слишкомъ много прецедентовъ, когда заключенные одинъ за другимъ, ничего не добившись, начинаютъ отступать. Такая безсмысленная борьба вноситъ полнѣйшее разложеніе въ тюремную атмосферу, является постыднымъ приниженіемъ революціоннаго дѣла. Соглашаясь на голодовку, надо сказать себѣ: „или медленная смерть, или побѣда“, какъ это говорило и дѣлало старшее поколѣніе 70-хъ годовъ. Безсмысленная борьба безъ увѣренности, что доведешь ее до конца, такъ же вредна, какъ и полное отсутствіе борьбы. Нечего говорить, что такое отсутствіе критическаго чутья, политическаго такта, является раньше всего слѣдствіемъ отсутствія всякаго политическаго воспитанія, приниженія революціоннаго рабочаго дѣла на волѣ. Но здѣсь, въ тюрьмѣ, гдѣ труднѣе всего исправлять свои ошибки, этого надо больше всего опасаться. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ своей тюремной борьбы мы должны руководствоваться тѣми *общими* нашими интересами, которые я указалъ и подчеркивалъ выше. Если борьба не имѣетъ своей цѣлью завоеванія такого режима въ тюрьмѣ, который гарантировалъ бы неприкосновенность личнаго достоинства каждаго товарища и свободу общенія между заключенными, которая нами должна быть использована прежде всего для пропагандистскихъ цѣлей, она перестаетъ быть *общимъ* дѣломъ, теряетъ свою общественную цѣнность и значеніе. Это ужъ не борьба, а игра въ „голодовку“, въ „стукъ“, приводящая, какъ я сказалъ выше, къ полному приниженію революціоннаго дѣла.

Товарищи! Сейчасъ, когда я пишу эти строки, русскія газеты принесли извѣстіе, непосредственно касающееся насъ, а именно: изданъ указъ о томъ, чтобы по отношенію къ совершившимъ государственное преступленіе измѣнить существовавшій до сихъ поръ порядокъ судопроизводства, примѣнивъ къ нимъ новое уложеніе. Это значитъ, что теперь не только тюрьмы, но и каторга и арестантскія роты будутъ переполняться нами. Но это должно также значить, что и въ арестантскихъ ротахъ, на каторгѣ мы будемъ добиваться того же, что и въ тюрьмахъ. Въ 1901 г. въ одной изъ тюремъ я встрѣтился съ двумя польскими товарищами, осужденными за убійство шпіона къ смертной казни, которая впослѣдствіи была замѣ-

---

[1] Употребляю этотъ терминъ въ обычномъ жаргонномъ смыслѣ этого слова.

— именно неисторическій элементъ исторіи, движимый бдительнымъ и мудрымъ попеченіемъ высшихъ классовъ. Но едва только эти классы начинаютъ хоть немного сочувствовать „вольнолюбивымъ“ идеямъ, „охранители“ немедленно вспоминаютъ о народной мудрости и грозятъ, что, вдохновляемый этой мудростью, народъ, „своимъ судомъ“, въ прахъ разнесетъ вольнолюбцевъ. У нихъ, какъ и у Ленина, народная масса служитъ главнымъ образомъ для того, чтобы пугать и „покорять подъ нози“ всякаго, — внутренняго или внѣшняго, — „врага и супостата“...

Говоря все это, я чувствую, что читатель собирается сдѣлать мнѣ весьма серьезный упрекъ. „Если это такъ, — думаетъ онъ, — если взглядъ Ленина до такой степени ошибоченъ и вреденъ; если онъ противорѣчитъ научному соціализму, то почему же вы до сихъ поръ молчали? Почему вы раньше не обнаружили ошибочности и вредоносности этого взгляда? Или вы сами только теперь убѣдились въ его ошибочности и вредоносности?“.

Отвѣчаю: нѣтъ, не только теперь. Я находилъ его невѣрнымъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я ознакомился съ нимъ. Когда я прочиталъ рукопись брошюры „Что дѣлать?“, я сейчасъ же сказалъ Ленину и другимъ членамъ нашей редакціонной коллегіи, что я вижу въ ней довольно много теоретическихъ ошибокъ. Что касается въ частности „стихійности“ и „сознательности“, то я замѣтилъ Ленину, что эта послѣдняя является у него, — по извѣстному выраженію Гегеля, — wie aus der Pistole geschossen, и я настаивалъ на передѣлкѣ мѣстъ, казавшихся мнѣ неправильными. Ленинъ возразилъ мнѣ, что брошюра выходитъ за его подписью и что этимъ съ редакціи снимается значительная доля отвѣтственности за нее. Въ то же время нѣкоторые товарищи по редакціи говорили, что я отношусь къ Ленину слишкомъ строго и что хотя онъ иногда выражается неудачно, но на самомъ дѣлѣ твердо держится ортодоксальнаго марксизма. Этотъ доводъ показался мнѣ не лишеннымъ убѣдительности. Я никогда не считалъ Ленина сколько нибудь выдающимся теоретикомъ и всегда находилъ, что онъ органически неспособенъ къ діалектическому мышленію. Но я думалъ, что онъ все таки дорожитъ интересами теоріи, и что теорія, интересы которой ему дороги, есть все таки *теорія научнаго соціализма*. Онъ представлялся мнѣ, — если употребить выраженія, часто встрѣчавшіяся въ этой статьѣ, — болѣе *инстинктивнымъ*, чѣмъ *сознательнымъ* марксистомъ; но я вѣрилъ въ благодѣтельную силу его „ортодоксальнаго“ *инстинкта* и надѣялся, что онъ лучше усвоитъ если не *методъ*, то *выводы* марксизма, — вещь доступная даже для *метафизика*, — когда въ его голову *извнѣ* проникнетъ болѣе ясное марксистское *сознаніе*. При томъ же Ленинъ, отстаивая свои позиціи, все таки обѣщалъ „исправить“ указанныя ему мною несостоятельныя мѣста своей брошюры. Наконецъ, — last not least, — могъ ли я думать, что найдется много такихъ читателей, которымъ особенно понравятся ошибочныя мѣста этой брошюры, именно слабыя стороны міросозерцанія ея автора? Теперь, наученный горькимъ опытомъ, я знаю, что если въ данномъ литературномъ произведеніи одновременно встрѣчаются очень вѣрныя и очень ошибочныя мнѣнія, то одобрены будутъ нашими читателями прежде всего не тѣ мнѣнія, которыя вѣрны, а тѣ, которыя ошибочны; но тогда я еще не зналъ этой печальной истины и больше, чѣмъ теперь, полагался на собственное сужденіе читателя. Я надѣялся, что наши „практики“ усвоятъ себѣ изъ брошюры „Что дѣлать?“ тѣ полезныя, хотя вовсе не оригинальныя мысли, что организація для насъ необходима и что соціальдемократія не можетъ обойтись безъ политической борьбы ни на одной изъ „стадій“ своей исторіи, но что они и безъ моихъ указаній замѣтятъ слабость тѣхъ теоретическихъ доводовъ, съ помощью которыхъ Ленинъ отстаивалъ эти почтенныя, но весьма уже пожилыя истины. А такъ какъ разногласій въ нашей соціальдемократической литературѣ и безъ того было слишкомъ много, и такъ какъ плодить ихъ безъ настоятельной практической надобности было по меньшей мѣрѣ излишне, то я рѣшился не выступать публично противъ Ленина. Но что я далеко не былъ удовлетворенъ его взглядами, это лучше всего видно изъ того, что однажды, — находясь подъ впечатлѣніемъ его брошюры, а также моихъ продолжительныхъ споровъ съ нимъ по поводу составлявшагося тогда проекта нашей программы; — высказалъ товарищу Мартову свое опасеніе того, что „*теперь начинается у насъ борьба метафизическаго марксизма Тулина съ діалектическимъ матеріализмомъ Бельтова*“[1]. Товарищъ Мартовъ, вѣроятно, не забылъ этого разговора. Помнитъ онъ, надѣюсь, и то, что хотя онъ и старался успокоить меня на этотъ счетъ, но я далеко не былъ покоенъ.

Когда брошюра „*Что дѣлать?*“ вышла въ свѣтъ, то оказалось, что Ленинъ въ ней почти ровно ничего не измѣнилъ. Это, разумѣется, не понравилось мнѣ, и въ теченіе нѣкотораго времени наши взаимныя отношенія были очень натянуты. Но потомъ они стали улучшаться. Проведя осенью 1902 года болѣе мѣсяца въ Лондонѣ, гдѣ издавалась тогда „*Искра*“, я изъ довольно частыхъ разговоровъ съ Ленинымъ вынесъ то убѣжденіе, что марксистское *сознаніе* въ самомъ дѣлѣ быстро проникаетъ въ его голову и что точка зрѣнія брошюры „Что дѣлать?“ для него самого является „превзойденной“ точкой зрѣнія. Потомъ, когда произошла знаменитая ростовская стачка, я написалъ въ „*Искру*“ двѣ статьи, въ которыхъ нарочно снова поднималъ вопросъ объ отношеніи въ нашемъ дѣлѣ *героевъ* къ *толпѣ* и рѣшалъ его совсѣмъ не по Ленински. Насколько было мнѣ извѣстно, Ленинъ не дѣлалъ въ засѣданіяхъ редакціи никакихъ возраженій противъ этихъ моихъ статей. Это еще болѣе убѣждало меня въ томъ, что нашъ *инстинктивный* ортодоксъ все болѣе и болѣе становится *сознательнымъ*. Наконецъ, въ одной двухъ позднѣйшихъ статьяхъ мнѣ случилось, — *по другому поводу*, — опровергать и осмѣивать многіе изъ тѣхъ узко-метафизическихъ доводовъ, которые когда-то выдвигалъ Ленинъ во время нашихъ споровъ о нашемъ проектѣ программы[2]. И эти статьи встрѣтили со стороны Ленина не возраженія, а скорѣе похвалы. Все это не оставило у меня ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что онъ сдѣлалъ въ своемъ развитіи нѣсколько очень значительныхъ „*шаговъ впередъ*“ и покинулъ свои старыя ошибки.

Съ этимъ впечатлѣніемъ я поѣхалъ на нашъ съѣздъ, гдѣ мнѣ пришлось, между прочимъ, принять участіе въ преніяхъ по поводу того самаго взгляда Ленина, который я критиковалъ въ настоящей статьѣ. Убѣжденный въ томъ, что Ленинъ уже отказался отъ этого взгляда, я не считалъ нужнымъ его оспаривать и пытался даже прекратить относившіеся къ нему пренія, какъ совершенно безполезныя при обсужденіи *нашей программы*. Не надѣясь, однако, что мнѣ удастся это, я сталъ, — какъ говорятъ французы, — plaider les circenstances attenuantes: „Ленинъ, — сказалъ я, — писалъ не трактатъ по философіи исторіи, а политическое произведеніе. Другими словами это значило, что съ точки зрѣнія философско-исторической, — съ какой я разсматривалъ его, напримѣръ, здѣсь, — *взглядъ* Ленина не выдержалъ бы критики. Если не ошибаюсь, тов. Мартовъ тогда же понялъ эти мои объясненія въ томъ смыслѣ, что я въ мягкой формѣ объявилъ себя не солидарнымъ съ Ленинымъ, какъ авторомъ брошюры „Что дѣлать?“, и это было вѣрно. Но на съѣздѣ я заботился главнымъ образомъ не о томъ, чтобы отклонить отъ себя эту отвѣтственность за брошюру „Что дѣлать?“, а о томъ, чтобы не плодя излишнихъ споровъ и разногласій, найти теоретически-вѣрную формулу, которая могла бы объединить какъ мнѣніе нападавшаго на Ленина тов. Мартынова, такъ и тотъ новый взглядъ, который, — какъ мнѣ казалось тогда, — сталъ раздѣлять Ленинъ подъ вліяніемъ постепенно пріобрѣтаемаго имъ *извнѣ* соціальдемократическаго *сознанія*. „Вы говорите, — возражалъ я тов. Мартынову, — что соціализмъ вырабатывается всѣмъ пролетаріатомъ, включая сюда и сознательную его часть, т. е. всѣхъ тѣхъ, которые перешли на его сторону. Если вы хотите сказать это, то я не вижу основанія разводиться не только съ Ленинымъ, но и съ вами“.

Эта послѣдняя формулировка ставила всѣхъ насъ на теоретически правильную точку зрѣнія, совсѣмъ не затрагивая вопроса о томъ, насколько ошибся Ленинъ въ своей брошюрѣ. Если бы мы взялись обстоятельно разбирать этотъ вопросъ, то мнѣ пришлось бы, оспаривая Ленина, возражать также и нападавшимъ на него товарищамъ, такъ какъ имъ не удалось обнаружить именно самую слабую сторону его сужденій. Но разсмотрѣніе этого вопроса казалось мнѣ неумѣстнымъ при обсужденіи нашего проекта, выработаннаго *не* Ленинымъ — и вообще излишнимъ: вѣдь самъ Ленинъ, сдѣлавшій упомянутую выше очень неудачную попытку оправдаться, самъ сознался, что въ спорѣ съ экономистами онъ зашелъ *слишкомъ далеко* и „*перегнулъ палку въ другую сторону*“; изъ за чего же было спорить и горячиться? Намъ оставалось только заключить въ свои объятія сына, бывшаго нѣкогда *блуднымъ въ теоріи* и заколоть жирнаго тельца по случаю просіянія Ленинскаго „*сознанія*“.

Правда, въ своемъ стремленіи прекратить споръ о разногласіи, принадлежавшемъ, — по моему *тогдашнему* мнѣнію, — къ области безвозвратно минувшаго *прошлаго*, я самъ зашелъ слишкомъ далеко, черезъ чуръ *обѣляя* Ленина. Иногда я говорилъ такъ, какъ говорятъ няньки о напроказившихъ дѣтяхъ, которыхъ онѣ хотятъ исправить, не *прибѣгая къ наказанію*: „это не Ваня (или, тамъ, не Володя) шалилъ, это шалила кошка, а Володя (или, тамъ, Ваня) — умный мальчикъ, онъ шалить не будетъ“. Этотъ старый педагогическій пріемъ былъ ошибкой, о которой я теперь очень сожалѣю; теперь я вижу, что гораздо полезнѣе для дѣла было бы тогда же выставить въ яркомъ свѣтѣ теоретическія шалости брошюры „Что дѣлать?“. Если кто-нибудь изъ товарищей захочетъ упрекнуть меня за эту ошибку, то я спорить и прекословить отнюдь не буду. Но я скажу себѣ въ утѣшеніе: меня такъ часто упрекали въ страсти къ *спорамъ*, что не дурно, пожалуй, для разнообразія, выслушать упрекъ за излишнее *миролюбіе*.

Кстати о моей любви къ спорамъ. Съ г. Струве и „экономистами“ я тоже началъ спорить только тогда, когда убѣдился, что ихъ *теоретическія* ошибки и софизмы (г. Струве) могутъ имѣть для насъ вредныя *практическія* послѣдствія. Поспорить изъ-за „*чистой теоріи*“ я, правда, всегда не прочь; но многія и многія причины часто вынуждали меня воздерживаться отъ этого удовольствія. Энгельсъ справедливо сказалъ, что теоренена для нихъ катор[illegible]гой. Они были въ кандалахъ и съ бритыми головами. Одинъ [illegible] изъ нихъ сказалъ на прощаніе, между прочимъ, слѣдующее: [illegible] Товарищи, съ легкой душой я ношу эти кандалы, потому что [illegible] вѣрю, что скоро, вмѣстѣ съ тысячью другихъ товарищей, я вс[illegible]трѣчусь лицомъ къ лицу съ врагомъ!“ Въ предреволюціонный пе[illegible]ріодъ, который мы переживаемъ, наше пребываніе въ тюрьмѣ бо[illegible]льшими количествами, покуда болѣе, чѣмъ гдѣ либо, означаетъ [illegible] встрѣчу съ врагомъ лицомъ къ лицу, и дѣйствія наши здѣсь до[illegible]жны быть такъ же точны, открыты и ясны, какъ и дѣйствія [illegible]ующаго на баррикадахъ!..“ Еще одинъ вопросъ.

---

[1] Тулинъ — авторъ одной изъ статей въ сборникѣ „*Матеріалы къ характеристикѣ экономическаго развитія Россіи*“, напечатанномъ весною 1896 г. и тогда же запрещенномъ цензурой. Отъ его статьи на двѣ версты несло метафизикой.

[2] Этихъ статей я не могу назвать *по независящимъ отъ меня причинамъ*.

Какъ же должны себя [illegible] связать всякія „мѣстныя“ организаціи съ товарищами, борющ[illegible]имися въ тюрьмѣ? [illegible] въ самомъ, дѣлѣ предоставить — [illegible]вѣдь нельзя же, въ тюрьмѣ наше дѣло, са[illegible] товарищей, продолжающихъ словомъ и дѣ[illegible]ниамъ себѣ и только себѣ. Надо, и ясно для [illegible], придти имъ на помощь! Это совершенно тич[illegible] всѣхъ — и вопросъ лежитъ всецѣло въ области практическаго разрѣшенія. Извѣстная предпосылка, и очень важная для его разрѣшенія, имѣется: значительно облегченныя сношенія съ тюрьмой. Благодаря этому, легко установить полную возможность для мѣстныхъ организацій знать какъ причины борьбы въ тюрьмѣ, такъ и теченіе ея, количество и настроеніе борющихся, наблюдать за настроеніемъ „начальства“ и, по мѣрѣ возможности, узнавать его намѣренія, т. е., какъ оно готовится отвѣтить борющимся. Задачи „мѣстной“ организація должны сводиться къ безпрестанной поддержкѣ борющихся нравственно и матеріально. Какъ только начинается голодовка, заранѣе извѣщенный комитетъ самъ извѣщаетъ о ней, *о ея причинахъ* и о количествѣ голодающихъ все населеніе. Если борьба продолжительная, комитетъ долженъ, по мѣрѣ возможности, часто выпускать бюллетени, какъ о самомъ ходѣ борьбы, такъ и о голодающихъ, долженъ *стремиться* организовать демонстрацію у тюрьмы или въ городѣ. Если борьба должна принять форму открытаго бунта, комитетъ тоже долженъ быть объ этомъ заранѣе оповѣщенъ, чтобы извѣстить населеніе, чтобы, по крайней мѣрѣ, родные и товарищи были у тюрьмы въ то время, когда ихъ братьевъ, сестеръ, сыновей будутъ бить, таскать въ карцеръ, одѣвать въ „сумашедшія“ рубахи, для того, чтобы демонстрирующая толпа своимъ присутствіемъ показала солдатамъ, которыхъ будутъ вводить для усмиренія, кого они будутъ усмирять. Вотъ какъ мнѣ представляется возможной раціональная постановка организаціи помощи и дѣйственнаго сочувствія внѣ тюремныхъ стѣнъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, ограничиться жиденькой прокламаціей или корреспонденціей post factum! Пора же понять мѣстнымъ организаціямъ, что современная борьба въ тюрьмахъ, болѣе, чѣмъ когда либо, — часть всей нашей революціонной жизни, что молчаливо игнорировать эту борьбу непозволительно, что за невниманіе къ ней каждый будетъ въ отвѣтѣ передъ партіей.

II. Борьба въ ссылкѣ.

Вопросъ *о борьбѣ въ ссылкѣ*, объ ея необходимости и возможности совершенно не существовалъ за предѣлами разныхъ сибирскихъ колоній. Только ссыльные, непосредственно чувствующіе на себѣ всѣ прелести прозябанья въ медвѣжьихъ углахъ за десятокъ тысячъ верстъ отъ настоящей жизни, ежечасно испытывающіе всю мерзость постояннаго столкновенія съ урядниками и съ нарочито приставленными „надзирателями“, по одному на каждыхъ пять ссыльныхъ, — только они, предоставленные самимъ себѣ, судятъ да рядятъ, какъ быть. Недавняя якутская трагедія, послѣдній актъ которой еще не разыгрался, всколыхнула насъ немного и заставила призадуматься. Но опять толки и разсужденія касаются этого факта, взятаго въ отдѣльности, да еще того отрицательнаго поступка 47 ссыльныхъ, который имѣлъ мѣсто въ этой исторіи. Всѣ знали о томъ, что въ послѣднее время „политическихъ“ сотнями отправляютъ въ Сибирь, что количество ссыльныхъ возросло здѣсь до 3000 человѣкъ, что Кутайсовскіе циркуляры превращаютъ Сибирь въ каторгу, а, между тѣмъ, ни одного слова о томъ, что такое современная ссылка, каковы ея нужды, какъ ей быть, какъ организоваться для борьбы. Чѣмъ больше росли ея страданія, тѣмъ больше она чувствовала свое круглое сиротство. А между тѣмъ какъ ни ужасна послѣдняя кровавая бойня въ Якутскѣ, она въ сущности только „планомѣрный“ результатъ длинной цѣпи фактовъ и явленій.

Физіономія ссылки по тѣмъ же причинамъ, что и тюрьмы, за послѣдніе годы сильно демократизировалась. Сибирскій купецъ, „интеллигентъ“, „челдонъ“, исправникъ и прочее начальство были поражены этимъ новымъ явленіемъ, не понимали, да и до сихъ поръ не понимаютъ его. Что такое? Сначала все доктора, юристы, учителя, акушерки — все пріятные собесѣдники, можно даже сказать, „знатные иностранцы“ — „съ печатью думы на челѣ“, а теперь-то какой все „мелкій“ народъ пошелъ: сапожники, портные, слесаря... хоть отбавляй. А главное, еще куда не глянь — все „жиды“[1]). Это явленіе сразу измѣнило отношеніе къ ссылкѣ. А тутъ еще на помощь населенію и сибирскому начальству посыпались прямыя и косвенныя разъясненія свыше, что съ рабочими церемониться нечего — такой смыслъ имѣло распоряженіе выдавать сосланнымъ охраннымъ порядкомъ по два съ полтиной въ мѣсяцъ. Пошли оскорбленія, обиды и... самоунишенія. И въ этомъ ничего удивительнаго нѣтъ. Ссылка, въ отношеніи самозащиты и въ смыслѣ воздѣйствія болѣе сознательныхъ товарищей на менѣе сознательныхъ, находится куда въ худшемъ положеніи, чѣмъ тюрьма. Каждая колонія представляетъ собой „мелкую“ ссыльную „единицу“. Связей даже между колоніями одного уѣзда, въ виду громадности сибирскихъ разстояній, вовсе не существуетъ или въ лучшемъ случаѣ онѣ крайне слабы. Когда въ концѣ прошлаго года всю Осинскую колонію (Оса — Балаганскаго уѣзда, Иркутской губ.) выслали, за сопротивленіе уряднику, намѣревавшемуся произвести безъ всякаго основанія обыскъ, въ Якутку, сосѣднія съ ней колоніи долго не знали объ этомъ. И даже когда узнали — ни откуда ни слова, ни звука протеста.

Въ Сибири разыгрывается на всемъ ея протяженіи множество психологическихъ драмъ и это „массовое явленіе“ тоже стоитъ въ тѣсной связи съ ростомъ нашего движенія. Сотни рабочихъ, особенно изъ западнаго края, прибываютъ послѣ долгаго заключенія въ тюрьмѣ совершенно неподготовленными, безграмотными, малосознательными. Здѣсь, предоставленные на долгіе годѣ самимъ себѣ, они чувствуютъ съ невыразимой остротой отсутствіе у себя даже самыхъ основныхъ свѣдѣній; они стремятся оглянуться на себя, отнестись критически ко всему своему прошлому, къ явленіямъ настоящаго... А со стороны подчасъ ни звука, ни слова, ни книгъ, ни „литературы“. Ко всему этому прибавьте полуголодное существованіе и тысячи нравственныхъ обидъ. Нетрудно догадаться, какая тяжелая, душная атмосфера создается на почвѣ всего этого въ каждой колоніи, какія непріятности, стычки между въ конецъ разнервничавшимися товарищами... Вотъ такая атмосфера была въ ссылкѣ, когда начали сыпаться, какъ манна небесная, циркуляры Кутайсова. Но вся эта тяжелая атмосфера, отнюдь не убила въ рабочихъ — и это я особенно подчеркиваю — той доли сознанія необходимости борьбы, которую они принесли съ собой съ воли и изъ тюрьмы. Въ Енисейской губ., гдѣ теперь, по преимуществу, еврейскій пролетаріатъ изъ „черты осѣдлости“, который, въ значительной своей части, не умѣетъ и прочесть циркуляровъ, и тамъ большинство отказалось отъ подписи даже перваго циркуляра, въ сущности котораго сразу и не разобрались, — а о дальнѣйшихъ циркулярахъ ужъ и говорить нечего... Вмѣстѣ съ тѣмъ пошли толки, колоніальныя собранія, посвященныя вопросу о необходимости должной борьбы противъ всѣхъ репрессій. Но организовать эту борьбу въ высшей степени трудно. Протестъ пяти, шести, самое большее, десяти человѣкъ — разъ нѣтъ возможности сорганизоваться товарищамъ, хотя бы одного уѣзда, одного стана — весьма многихъ разочаровывалъ. Но вопросъ все таки продолжалъ и продолжаетъ существовать и требуетъ разрѣшенія.

Отдѣльныя колоніи, какъ, напримѣръ, Братскій Острогъ, правда, еще задолго до якутской трагедіи, посылали губернатору именныя заявленія угрожающаго характера, въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ неизмѣненія режима ссылки они будутъ систематически нарушать даже дѣйствующій уставъ о поднадзорныхъ. Почти во всѣхъ колоніяхъ, несмотря ни на какія угрозы, бойкотировали „надзирателей“ (шпіоновъ), не позволяя имъ появляться у себя на квартирѣ.

Нечего говорить, что и въ ссылкѣ раздаются *голоса* „трезвыхъ“ товарищей разводящихъ все ту же канитель, что въ ссылкѣ не имѣетъ смысла *бороться*, что, коли не удрать, такъ ужъ лучше „потерпѣть“, а тамъ въ Россіи... и т. д. А между тѣмъ, трудно себѣ представить, какое растлѣвающее вліяніе оказываетъ ссылка съ ея вынужденнымъ бездѣліемъ на большинство неокрѣпшихъ еще товарищей. И пассивное отношеніе ко всѣмъ репрессіямъ окончательно убило бы въ массѣ товарищей ссылки всякое сознаніе революціонной чести, собственнаго достоинства. 57 героевъ якутской трагедіи поступили такъ, какъ можно и должно было поступить. Надо, во что бы то ни стало, положить конецъ всѣмъ этимъ драконовымъ мѣрамъ, надо дать возможность товарищамъ въ ссылкѣ зажить такой же тѣсной жизнью, какъ и въ тюрьмѣ! Задача сознательнаго элемента ссылки та же, что и въ тюрьмѣ: вести пропаганду среди малосознательныхъ рабочихъ, дѣлать ихъ сознательными революціонерами. Тѣ 47 ссыльныхъ, которые отказались защищать баррикады, воздвигнутые въ „Романовкѣ“, показали только свое непониманіе значенія этой борьбы, задачъ современной ссылки вообще, а своимъ „знаменитымъ“ заявленіемъ дали прокуратурѣ для предстоящаго процесса документъ, — значеніе котораго мы не хотимъ здѣсь точно характеризовать... И какъ жалка та защита этихъ господъ, которую предприняла „Революціонная Россія“ съ своимъ арсеналомъ громкихъ словъ и таинственнымъ кивкомъ въ сторону департамента Боевой Организаціи: „Ничего молъ, дорогіе товарищи, потерпите маленько, ибо мы уже занесли въ формулярный списокъ Кутайсова всѣ его дѣянія и ваша кровь вопіетъ о мщеніи!!!..“ и т. д. въ этомъ родѣ.

Только *свобода общенія въ ссылкѣ* даетъ и тамъ возможность товарищамъ продолжать ту же работу, которую они дѣлали на волѣ. Мы *должны въ ссылкѣ* знать точно составъ каждой колоніи, стремиться, чтобы въ тѣ изъ нихъ, гдѣ нѣтъ интеллигентовъ, переводились сознательные товарищи изъ такихъ колоній, гдѣ интеллигентовъ достаточно, чтобы наиболѣе знающіе товарищи, пользуясь правомъ безпрепятственнаго передвиженія по уѣзду, разъѣзжали съ рефератами и т. д. Только такимъ образомъ мы поднимемъ духъ и самосознаніе ссылки, придемъ на помощь тѣмъ нашимъ ссыльнымъ товарищамъ-рабочимъ, которые вѣчно жаждутъ знаній, но никогда ихъ не получаютъ. На Сибирскій Союзъ падаетъ задача матеріальной и духовной поддержки ссылки. Въ колоніяхъ полное отсутствіе литературы а между тѣмъ Красноярскій и Иркутскій Комитеты, какъ я въ этомъ убѣдился, могли бы изыскивать много разныхъ путей для доставленія литературы, полученіе которой всегда такъ оживляетъ и радуетъ колонію, отодвигая на задній планъ всѣ будничные интересы и мелкія дрязги. На Сибирскій же Союзъ падаетъ задача возможно болѣе полно разъяснять сибирскому обществу физіономію современной ссылки, ея духовныя нужды и запросы, помогать ссыльнымъ въ ихъ организаціи борьбы.

Вотъ какъ представляется мнѣ современная борьба въ тюрьмѣ и ссылкѣ, вотъ какой она должна быть: она плоть отъ плоти, кость отъ кости нашего современнаго рабочаго движенія. Она должна быть подчинена ему по своимъ цѣлямъ и по своимъ методамъ!

А. Бертовъ.

12 іюля 1904 года.

---

[1]) Извѣстно, что постановляя приговоръ *по каждому политическому дѣлу*, правительство классифицируетъ обвиняемыхъ по національностямъ: евреи ссылаются почти исключительно въ Восточную Сибирь, не-евреи также и въ сѣверо-восточныя окраины Европ. Россіи. Этимъ и объясняется, что въ Сибири евреи представлены непропорціонально обильно.

тики чистой воды встрѣчаются теперь только между реакціонерами.

Только послѣ съѣзда увидѣлъ я, что мое крайнее миролюбіе въ отношеніи къ Ленину и твердое намѣреніе *„не разводиться“* съ нимъ[1]) были *вредны* для нашей партіи. Только послѣ съѣзда окончательно выяснилось для меня, какое огромное вліяніе имѣла брошюра „Что дѣлать?“ на нашихъ „практиковъ“ и до какой степени она повліяла на многихъ изъ нихъ *именно своими ошибками*. Только послѣ съѣзда наблюденіе показало мнѣ, что взглядъ Ленина на рабочую массу, какъ на „неисторическій элементъ исторіи“, какъ на „Матерію“, движимую къ соціализму дѣйствующимъ *извнѣ* „Духомъ“, что этотъ ошибочный взглядъ въ значительной степени опредѣлилъ собою *тактическія* и *организаціонныя* понятія какъ самого Ленина, такъ и многихъ нашихъ „твердыхъ“ практиковъ[2]). Наконецъ, только послѣ съѣзда понялъ я, какъ горько я ошибался, приписывая Ленину движеніе *„впередъ“*. На самомъ дѣлѣ онъ и не думалъ идти въ этомъ направленіи. Какъ нельзя болѣе довольный той популярностью, которую создало ему его отклоненіе отъ марксизма, сдѣлавшее его идеи болѣе доступными для наименѣе подготовленныхъ къ *пониманію* марксизма „практиковъ“, онъ не только не отложилъ въ сторону палки, искривленной имъ въ полемикѣ съ „экономистами“, но сѣлъ верхомъ на эту кривую палку и обнаружилъ самое недвусмысленное намѣреніе ѣхать на ней, — при восторженныхъ кликахъ всѣхъ совѣтниковъ Ивановыхъ нашей партіи, — въ сторону... *„диктатуры“*. Все это кореннымъ образомъ измѣнило въ моихъ глазахъ положеніе дѣлъ, и я рѣшилъ бороться и спорить, слѣдуя неоспоримо вѣрному въ данномъ случаѣ правилу: *лучше поздно, чѣмъ никогда*.

Въ одномъ изъ послѣдующихъ №№ „Искры“ я покажу ошибочность взгляда Ленина на отношеніе *„политики“* къ *экономической* борьбѣ, а потомъ разоблачу связь его *теоретическихъ* ошибокъ съ его *организаціонными* планами. Не нахожу нужнымъ скрывать, что и въ этой критической работѣ я буду исходить изъ твердаго убѣжденія въ необходимости ликвидировать „четвертый“ періодъ нашей партійной исторіи, забросивъ въ кучу стараго хлама „перегнутую палку“ Ленина.

Г. Плехановъ.

---

[1]) См. въ „Протоколахъ“ мой отвѣтъ Акимову.

[2]) Эта связь ошибочной теоріи съ вредной практикой вполнѣ понятна. Люди, раздѣляющіе тотъ взглядъ, что соціальдемократическая мысль могла развиться „совершенно независимо отъ стихійнаго роста рабочаго движенія“, могутъ позволить себѣ очень большую *„независимость“* отъ рабочаго движенія вообще и въ своей практикѣ уподобиться заговорщикамъ добраго стараго времени. Въ интересахъ справедливости замѣчу, что на практическія ошибки и крайности слишкомъ „твердыхъ искровцевъ“ еще до съѣзда обращали мое вниманіе нѣкоторые товарищи, принадлежавшіе нѣкогда къ лагерю „экономистовъ“. Хотя я и самъ замѣчалъ и *отмѣчалъ* въ письмахъ въ редакцію „Искры“ иныя изъ этихъ крайностей, но показанія бывшихъ „экономистовъ“ все таки представлялись мнѣ слишкомъ преувеличенными. Теперь выходитъ, что они преувеличивали не такъ сильно, какъ я думалъ.

НА ОЧЕРЕДИ.

Какъ это ни странно на первый взглядъ, а изданный недавно законъ о порядкѣ веденія политическихъ процессовъ, преслѣдующій явную цѣль *усиленія* репрессіи по отношенію къ намъ, — этотъ самый законъ приходится признать несомнѣнной *побѣдой* революціоннаго движенія.

„Мы заставимъ васъ этимъ судить насъ“, сказалъ я какъ-то восемь лѣтъ назадъ жандармскому „слѣдователю“, сѣтовавшему на „упорное запирательство“ нашей группы обвиняемыхъ. Голубой блюститель правосудія быстро отвѣчалъ мнѣ: „дождетесь этого — въ 2000-мъ году, не раньше“, а присутствовавшій тутъ же прокуроръ прибавилъ въ поясненіе, что правительство не желаетъ возвращаться къ временамъ „дѣла Засуличъ“. Безспорно, правительство не желало разставаться съ столь удобной для него формой борьбы съ революціей, какой являлся „административный порядокъ“. Меньше всего могло оно желать снова подвергнуть свое дѣло всѣмъ „случайностямъ“ какой-бы то ни было судебной процедуры, всему риску, связанному для него съ возможностью превращенія актовъ суда въ продолженіе политической борьбы, ведущейся противъ него „на свободѣ“ россійской жизни.

И все таки мы „дождались“! То, что вчера было для правительства худшимъ зломъ, сегодня стало явной необходимостью. Административный порядокъ пересталъ, въ виду колоссальнаго развитія революціоннаго движенія, ограждать отъ сообразительной огласки, а открытыя проявленія массовой политической борьбы сдѣлали смѣшной и безполезной всякую дальнѣйшую игру въ прятки. Ускореніе пульса революціонной борьбы обезвредило тѣ специфическія мѣры „предупрежденія“, въ видѣ гласнаго надзора и долгосрочной ссылки, которыя составляли главную практическую цѣль „административнаго порядка“: массовые побѣги и массовый „переходъ на нелегальное положеніе“ превратили работу жандармовъ по „искорененію“ въ Сизифовъ трудъ, о характерѣ котораго можно отчасти судить по длиннымъ спискамъ разыскиваемыхъ жандармеріей лицъ, время отъ времени повторяющимъ данныя о той же самой личности, разъ „разысканной“ и снова, черезъ годъ-другой, разыскивающейся новымъ циркуляромъ. „Временныя правила“ жандармской легкой артиллеріи исчерпали себя и понадобилось тяжелое орудіе; царской юстиціи. Судъ идетъ! Идетъ, чтобы санкціонировать для революціоннаго движенія *нашихъ дней* его *закономѣрность*, какъ нормальнаго явленія, предусмотрѣннаго десятками статей кодекса. „Политическое преступленіе“ перестаетъ быть частнымъ дѣломъ частнаго полицейскаго хозяйства самодержавія; оно признается постояннымъ явленіемъ общественной жизни и, какъ о таковомъ, о немъ трактуютъ новые законы, ускореннымъ темпомъ вводимые въ дѣйствіе.

Судъ идетъ! Судъ Шемякинъ, мало отличный отъ суда жандармскаго застѣнка, но все таки судъ, на которомъ, хоть въ какой либо мѣрѣ, будетъ возможна для *обвиняемыхъ тяжба* съ безчестными обвинителями, разоблаченіе полицейской системы, борьба съ жандармеріей.

Пущенные, какъ пробный камень, отдѣльные процессы о демонстраціяхъ и тайныхъ типографіяхъ дали уже намъ нѣкоторый *опытъ для* того, чтобы рѣшить вопросъ объ этой сторонѣ дѣла. Эти процессы показали, что даже при закрытыхъ дверяхъ, даже въ подтасованномъ коронномъ судѣ возможно для обвиняемыхъ разоблаченіе полицейски-шпіонскаго хозяйства. Очевидно, слѣдовательно, что активное участіе въ судебномъ слѣдствіи является обязательнымъ для привлекаемыхъ къ суду „политиковъ“, какъ бы ни стремились урѣзать это участіе прокуроры и судьи.

Такое участіе не исключаетъ *отказа отъ показаній* на томъ жандармскомъ дознаніи, которое, по новому закону, останется общей и, въ большинствѣ случаевъ, единственной формой предсудебнаго слѣдствія (см. объ этомъ въ № 70 „Искры“). Тотъ характеръ жандармскаго дознанія, который побудилъ партію требовать отъ своихъ членовъ отказа отъ показаній, не измѣняется отъ того, что это дознаніе становится прологомъ къ судебному дѣйствію. Болѣе того: поскольку прокуратурѣ предоставлено право назначать правильное предварительное слѣдствіе въ дополненіе къ дознанію, — постольку систематическій отказъ отъ показаній заставитъ самое прокуратуру нуждаться въ этомъ слѣдствіи, дабы не быть вынужденной являться на судъ съ обвиненіемъ, сотканнымъ изъ однихъ шпіонскихъ показаній.

Что касается поведенія обвиняемыхъ на самомъ судѣ, то здѣсь, само собой разумѣется, нельзя указать однородной во всѣхъ деталяхъ тактики. Партія заинтересована въ томъ, чтобы силы, которыми она располагаетъ, не тратились съ излишней щедростью. Нѣтъ никакой необходимости въ томъ, чтобы революціонеры, преданные суду безъ всякихъ серьезныхъ уликъ, признавались въ своихъ дѣйствительныхъ „преступленіяхъ“ или стѣсняли защиту въ дѣлѣ борьбы съ обвиненіемъ. Одно только желательно, — чтобы всѣ, духовно связанные съ соціальдемократіей, не скрывали передъ судомъ *этой* своей связи, открыто и прямо излагая свои политическія убѣжденія. Отъ такой политической демонстраціи никто не долженъ отказываться, что не помѣшаетъ ему, въ случаѣ надобности, отказываться отвѣчать на вопросы суда объ его „виновности“ *по отношенію* къ тому или другому конкретному дѣянію. Конечно, такое поведеніе легко можетъ побудить нашъ Шемякинъ судъ обвинить человѣка и безъ всякихъ уликъ, на основаніи одного лишь своего озлобленія противъ мужественнаго политическаго противника (такъ было, напр., въ процессѣ саратовскихъ демонстрантовъ), но въ такомъ случаѣ мы будемъ имѣть новую демонстрацію — несостоятельности царскаго „правосудія“, — которой не преминемъ воспользоваться въ агитаціи. *Такая* цѣна можетъ окупить напрасную, на первый взглядъ, жертву.

Уже изъ этого примѣра видно, что вопросъ о тактикѣ на судѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о нашей агитаціи „на волѣ“. Чтобы скамья подсудимыхъ обратилась въ политическую трибуну, необходимо пробить брешь въ глухихъ стѣнахъ, которыми новый законъ и обычная практика пытаются отдѣлить „политическихъ преступниковъ“ отъ внѣшняго міра. Въ предстоящихъ многочисленныхъ процессахъ партія получитъ обильный матеріалъ для самой разносторонней агитаціи. И этотъ матеріалъ долженъ быть использованъ не только въ формѣ самой широкой огласки преступленій царскаго „правосудія“ и политическихъ рѣчей съ „позорной“ скамьи, но и въ видѣ активныхъ политическихъ проявленій рабочихъ массъ въ связи и по поводу политическихъ процессовъ. Пусть широкія массы пролетаріата и сочувствующихъ соціальдемократіи слоевъ населенія знаютъ о всѣхъ перипетіяхъ судебной борьбы, пусть они проникнутся страстнымъ желаніемъ поддержать такъ или иначе своихъ представителей на скамьѣ подсудимыхъ, протестовать въ той или иной формѣ противъ безобразій суда и драконовскихъ приговоровъ. И, прежде всего, пусть онѣ требуютъ всегда и вездѣ *открытія дверей суда для публики*. Этотъ практическій лозунгъ позволитъ нашимъ организаціямъ превратить каждую судебную драму въ политическое событіе, въ демонстрацію. При извѣстной ловкости, не трудно повести прямо съ фабрики массу рабочихъ къ зданію суда и устроить передъ нимъ политическій „митингъ“. Приговоры царскихъ жандармовъ по вѣдомству юстиціи должны быть заклеймены соотвѣтствующими резолюціями рабочихъ собраній или открытыми же демонстраціями. При извѣстныхъ обстоятельствахъ, можно организовывать и коллективное предъявленіе требованій объ отмѣнѣ свирѣпой кары, наложенной судомъ.

Только при такомъ взаимодѣйствіи между „улицей“ и судебной камерой, новая эра политическихъ процессовъ дастъ намъ все то, что можетъ дать этотъ рѣшительный переломъ въ тактикѣ правительства, знаменующій его растерянность передъ все растущими волнами массоваго революціоннаго движенія. Если отъ послѣднихъ политическихъ процессовъ прошлаго періода (военные суды надъ военными — не въ счетъ) долж

нена для нихъ катор
тыми головами. Одинъ
прочимъ, слѣдующее:
эти кандалы, потому что
другихъ товарищей, я вс
Въ предреволюціонный п
пребываніе въ тюрьмѣ б
чѣмъ гдѣ либо, означаетъ
и дѣйствія наши здѣсь до
и ясны, какъ и дѣйствія
одинъ вопросъ.

гой. Они были въ кандалахъ и съ бри-
изъ нихъ сказалъ на прощаніе, между
Товарищи, съ легкой душой я ношу
вѣрю, что скоро, вмѣстѣ съ тысячью
трѣчусь лицомъ къ лицу съ врагомъ!“
ріодъ, который мы переживаемъ, наше
льшими количествами, покуда болѣе,
встрѣчу съ врагомъ лицомъ къ лицу,
жны быть такъ же точны, открыты
умирающаго на баррикадахъ!.. Еще

Какъ же должны себя связать всякія „мѣстныя“ организа-
ціи съ товарищами, борющимися въ тюрьмѣ? В
въ самомъ дѣлѣ предоставить —
въ тюрьмѣ наше дѣло. св
словомъ и дѣ
ясно для
тич

ѣдь нельзя же,
товарищей, продолжающихъ
имъ себѣ и только себѣ. Надо, и
, придти имъ на помощь! Это совершенно
всѣхъ — и вопросъ лежитъ всецѣло въ области прак-
ческаго разрѣшенія. Извѣстная предпосылка, и очень важная для его разрѣшенія, имѣется: значительно облегченныя сношенія съ тюрьмой. Благодаря этому, легко установить полную возможность для мѣстныхъ организацій знать какъ причины борьбы въ тюрьмѣ, такъ и теченіе ея, количество и настроеніе борющихся, наблюдать за настроеніемъ „начальства“ и, по мѣрѣ возможности, узнавать его намѣренія, т. е., какъ оно готовится отвѣтить борющимся. Задачи „мѣстной“ организаціи должны сводиться къ безпрестанной поддержкѣ борющихся нравственно и матеріально. Какъ только начинается голодовка, заранѣе извѣщенный комитетъ самъ извѣщаетъ о ней, о ея причинахъ и о количествѣ голодающихъ все населеніе. Если борьба продолжительная, комитетъ долженъ, по мѣрѣ возможности, часто выпускать бюллетени, какъ о *самомъ ходѣ* борьбы, такъ и о голодающихъ, долженъ стремиться организовать демонстрацію у тюрьмы или въ городѣ. Если борьба должна принять форму открытаго бунта, комитетъ тоже долженъ быть объ этомъ заранѣе оповѣщенъ, чтобы извѣстить населеніе, чтобы, по крайней мѣрѣ, родные и товарищи были у тюрьмы въ то время, когда ихъ братьевъ, сестеръ, сыновей будутъ бить, таскать въ карцеръ, одѣвать въ „сумашедшія“ рубахи, для того, чтобы демонстрирующая толпа своимъ присутствіемъ показала солдатамъ, которыхъ будутъ вводить для усмиренія, кого они будутъ усмирять. Вотъ какъ мнѣ *представляется* возможной раціональная постановка организаціи помощи и дѣйственнаго сочувствія внѣ тюремныхъ стѣнъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, ограничиться жиденькой прокламаціей или корреспонденціей post factum! Пора же понять мѣстнымъ организаціямъ, что современная борьба въ тюрьмахъ, болѣе, чѣмъ когда либо, — часть всей нашей революціонной жизни, что молчаливо игнорировать эту борьбу непозволительно, что за невниманіе къ ней каждый будетъ въ отвѣтѣ передъ партіей.

II. Борьба въ ссылкѣ.

Вопросъ о борьбѣ въ ссылкѣ, объ ея необходимости и возможности совершенно не существовалъ за *предѣлами разныхъ сибирскихъ* колоній. Только ссыльные, непосредственно чувствующіе на себѣ всѣ прелести прозябанья въ медвѣжьихъ углахъ за десятокъ тысячъ верстъ отъ настоящей жизни, ежечасно испытывающіе всю мерзость постояннаго столкновенія съ урядниками и съ нарочито приставленными „надзирателями“, по одному на каждыхъ пять ссыльныхъ, — только они, предоставленные самимъ себѣ, судятъ да рядятъ, какъ быть. Недавняя якутская трагедія, послѣдній актъ которой еще не разыгрался, всколыхнула насъ немного и заставила призадуматься. Но опять толки и разсужденія касаются этого факта, взятаго въ отдѣльности, да еще того отрицательнаго поступка 47 ссыльныхъ, который имѣлъ мѣсто въ этой исторіи. Всѣ знали о томъ, что въ послѣднее время „политическихъ“ сотнями отправляютъ въ Сибирь, что количество ссыльныхъ возросло здѣсь до 3000 человѣкъ, что Кутайсовскіе циркуляры превращаютъ Сибирь въ каторгу, а, между тѣмъ, ни одного слова о томъ, что такое современная ссылка, каковы ея нужды, какъ ей быть, какъ организоваться для борьбы. Чѣмъ больше росли ея страданія, тѣмъ больше она чувствовала свое круглое сиротство. А между тѣмъ какъ ни ужасна *послѣдняя* кровавая бойня въ Якутскѣ, она въ сущности только „планомѣрный“ результатъ длинной цѣпи фактовъ и явленій.

Физіономія ссылки по тѣмъ же причинамъ, что и тюрьмы, за послѣдніе годы сильно демократизировалась. Сибирскій купецъ, „интеллигентъ“, „челдонъ“, исправникъ и прочее начальство были поражены этимъ новымъ явленіемъ, не понимали, да и до сихъ поръ не понимаютъ его. Что такое? Сначала все доктора, юристы, учителя, акушерки — все пріятные собесѣдники, можно даже сказать, „знатные иностранцы“ — „съ печатью думы на челѣ“, а теперь-то какой все „мелкій“ народъ пошелъ: сапожники, портные, слесаря... хоть отбавляй. А главное, еще куда не глянь — все „жиды“[1]. Это явленіе сразу измѣнило отношеніе къ ссылкѣ. А тутъ еще на помощь населенію и сибирскому начальству посыпались прямыя и косвенныя разъясненія свыше, что съ рабочими церемониться нечего — та- [illegible] распоряженіе выдавать сосланнымъ охран-
кой смыслъ
нымъ порядкомъ по два съ полтиной въ мѣсяцъ. Пошли оскорбленія, обиды и... самоуниженія. И въ этомъ ничего удивительнаго нѣтъ. Ссылка, въ отношеніи самозащиты и въ смыслѣ воздѣйствія болѣе сознательныхъ товарищей на менѣе сознательныхъ, находится куда въ худшемъ положеніи, чѣмъ тюрьма. Каждая колонія представляетъ собой „мелкую“ ссыльную „единицу“. Связей даже между колоніями одного уѣзда, въ виду громадности сибирскихъ разстояній, вовсе не существуетъ или въ лучшемъ случаѣ, онѣ крайне слабы. Когда въ концѣ прошлаго года всю Осинскую колонію (Оса — Балаганскаго уѣзда, Иркутской губ.) выслали, за сопротивленіе уряднику, намѣревавшемуся произвести безъ всякаго основанія обыскъ, въ Якутку, сосѣднія съ ней колоніи долго не знали объ этомъ. И даже когда узнали — ни откуда ни слова, ни звука протеста.

Въ Сибири разыгрывается на всемъ ея протяженіи множество психологическихъ драмъ и это „массовое явленіе“ тоже стоитъ въ тѣсной связи съ ростомъ нашего движенія. Сотни рабочихъ, особенно изъ западнаго края, прибываютъ послѣ долгаго заключенія въ тюрьмѣ совершенно неподготовленными, безграмотными, малосознательными. Здѣсь, предоставленные на долгіе годы самимъ себѣ, они чувствуютъ съ невыразимой остротой отсутствіе у себя даже самыхъ основныхъ свѣдѣній; они стремятся оглянуться на себя, отнестись критически ко всему своему прошлому, къ явленіямъ настоящаго... А со стороны подчасъ ни звука, ни слова, ни книгъ, ни „литературы“. Ко всему этому прибавьте полуголодное существованіе и тысячи нравственныхъ обидъ. Нетрудно догадаться, какая тяжелая, душная атмосфера создается на почвѣ всего этого въ каждой колоніи, какія непріятности, стычки между въ конецъ разнервничавшимися товарищами... Вотъ такая атмосфера была въ ссылкѣ, когда начали сыпаться, какъ манна небесная, циркуляры Кутайсова. Но вся эта тяжелая атмосфера, отнюдь не убила въ рабочихъ — и это я особенно подчеркиваю — той доли сознанія необходимости борьбы, которую они принесли съ собой съ воли и изъ тюрьмы. Въ Енисейской губ., гдѣ теперь, по преимуществу, еврейскій пролетаріатъ изъ „черты осѣдлости“, который, въ значительной своей части, не умѣетъ и прочесть циркуляровъ, и тамъ большинство отказалось отъ подписи даже перваго циркуляра, въ сущности котораго сразу и не разобрались, — а о дальнѣйшихъ циркулярахъ ужъ и говоритъ нечего... Вмѣстѣ съ тѣмъ пошли толки, колоніальныя собранія, посвященныя вопросу о *необходимости должной борьбы* противъ всѣхъ репрессій. Но организовать эту борьбу въ высшей степени трудно. Протестъ пяти, шести, самое большее, десяти человѣкъ — разъ нѣтъ возможности съорганизоваться товарищамъ, хотя бы одного уѣзда, одного стана — весьма многихъ разочаровывалъ. Но вопросъ все таки продолжалъ и продолжаетъ существовать и требуетъ разрѣшенія.

Отдѣльныя колоніи, какъ, напримѣръ, Братскій Острогъ, правда, еще задолго до якутской трагедіи, посылали губернатору именныя заявленія угрожающаго характера, въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ неизмѣненія режима ссылки они будутъ систематически нарушать даже дѣйствующій уставъ о поднадзорныхъ. Почти во всѣхъ колоніяхъ, несмотря ни на какія угрозы, бойкотировали „надзирателей“ (шпіоновъ), не позволяя имъ *появляться* у себя на квартирѣ.

Нечего говорить, что и въ ссылкѣ раздаются голоса „трезвыхъ“ товарищей разводящихъ все ту же канитель, что въ ссылкѣ не имѣетъ смысла бороться, что, коли не удрать, такъ ужъ лучше „потерпѣть“, а тамъ въ Россіи... и т. д. А между тѣмъ, трудно себѣ представить, какое растлѣвающее вліяніе оказываетъ ссылка съ *ея вынужденнымъ* бездѣліемъ на большинство неокрѣпшихъ еще товарищей. И пассивное отношеніе ко всѣмъ *репрессіямъ окончательно* убило бы въ массѣ товарищей ссылки всякое сознаніе революціонной чести, собственнаго достоинства. 57 героевъ якутской трагедіи поступили такъ, какъ можно и должно было поступить. Надо, во что бы то ни стало, положить конецъ всѣмъ этимъ драконовымъ мѣрамъ, надо дать возможность товарищамъ въ ссылкѣ зажить такой же тѣсной жизнью, какъ и въ тюрьмѣ! Задача сознательнаго элемента ссылки та же, что и въ тюрьмѣ: вести пропаганду среди малосознательныхъ рабочихъ, дѣлать ихъ сознательными революціонерами. Тѣ 47 ссыльныхъ, которые отказались защищать баррикады, воздвигнутые въ „Романовкѣ“, показали только свое непониманіе *значенія* этой борьбы, задачъ современной ссылки вообще, а своимъ „знаменитымъ“ заявленіемъ дали прокуратурѣ для предстоящаго процесса документъ, — значеніе котораго мы не хотимъ здѣсь точно характеризовать... И какъ жалка та защита этихъ господъ, которую предприняла „Революціонная Россія“ съ своимъ арсеналомъ громкихъ словъ и таинственнымъ кивкомъ въ сторону департамента Боевой Организаціи: „Ничего молъ, дорогіе товарищи, потерпите маленько, ибо мы уже занесли въ формулярный списокъ Кутайсова всѣ его дѣянія и ваша кровь вопіетъ о мщеніи!!!..“ и т. д. въ этомъ родѣ.

Только *свобода общенія въ ссылкѣ* даетъ и тамъ *возможность* товарищамъ продолжать ту же работу, которую они дѣлали на волѣ. Мы должны въ ссылкѣ знать точно составъ каждой колоніи, стремиться, чтобы въ тѣ изъ нихъ, гдѣ нѣтъ интеллигентовъ, переводились сознательные товарищи изъ такихъ колоній, гдѣ интеллигентовъ достаточно, чтобы наиболѣе знающіе товарищи, пользуясь правомъ безпрепятственнаго передвиженія по уѣзду, разъѣзжали съ рефератами и т. д. Только такимъ образомъ мы поднимемъ духъ и самосознаніе ссылки, придемъ на помощь тѣмъ нашимъ ссыльнымъ товарищамъ-рабочимъ, которые вѣчно жаждутъ знаній, *но* никогда ихъ не получаютъ. На Сибирскій Союзъ падаетъ задача матеріальной и духовной поддержки ссылки. Въ колоніяхъ полное отсутствіе литературы а между тѣмъ Красноярскій и Иркутскій Комитеты, какъ я въ этомъ убѣдился, могли бы изыскивать много разныхъ путей для доставленія литературы, полученіе которой всегда такъ оживляетъ и радуетъ колонію, отодвигая на задній планъ всѣ будничные интересы и мелкія дрязги. На Сибирскій же Союзъ падаетъ задача возможно болѣе полно разъяснять сибирскому обществу физіономію современной ссылки, ея духовныя нужды и запросы, помогать ссыльнымъ въ ихъ организаціи борьбы.

Вотъ какъ представляется мнѣ современная борьба въ тюрьмѣ и ссылкѣ, вотъ какой она должна быть: она плоть отъ плоти, кость отъ кости нашего современнаго рабочаго движенія. Она должна быть подчинена ему по своимъ цѣлямъ и по своимъ методамъ!

А. Вертовъ.

12 іюля 1904 года.

---

[1] Извѣстно, что постановляя приговоръ по каждому политическому дѣлу, правительство классифицируетъ обвиняемыхъ по національностямъ: евреи ссылаются почти исключительно въ Восточную Сибирь, не-евреи также и въ сѣверо-восточныя окраины Европ. Россіи. Этимъ и объясняется, что въ Сибири евреи представлены непропорціонально обильно.

тики чистой воды *встрѣчаются* теперь только между реакціонерами.

Только послѣ съѣзда увидѣлъ *я*, что мое крайнее миролюбіе въ отношеніи къ Ленину и твердое намѣреніе „*не разводиться*“ съ нимъ[1] были *вредны* для нашей партіи. Только послѣ съѣзда окончательно выяснилось для меня, какое огромное вліяніе имѣла брошюра „Что дѣлать?“ на нашихъ „практиковъ“ и до какой степени она повліяла на многихъ изъ нихъ *именно своими ошибками*. Только послѣ съѣзда наблюденіе показало мнѣ, что взглядъ Ленина на рабочую массу, какъ на „неисторическій элементъ исторіи“, какъ на „Матерію“, движимую къ соціализму дѣйствующимъ *извнѣ* „Духомъ“, что этотъ ошибочный взглядъ въ значительной степени опредѣлилъ собою *тактическія* и *организаціонныя* понятія какъ самого Ленина, такъ и многихъ нашихъ „твердыхъ“ практиковъ[2]. Наконецъ, только послѣ съѣзда понялъ *я*, какъ горько я ошибался, приписывая Ленину движеніе „*впередъ*“. На самомъ дѣлѣ онъ и не думалъ идти въ этомъ направленіи. Какъ нельзя болѣе довольный той популярностью, которую создало ему его отклоненіе отъ марксизма, сдѣлавшее его идеи болѣе доступными для наименѣе подготовленныхъ къ пониманію марксизма „практиковъ“, онъ не только не отложилъ въ сторону палки, искривленной имъ въ полемикѣ съ „экономистами“, но сѣлъ верхомъ на эту кривую палку и обнаружилъ самое недвусмысленное намѣреніе ѣхать на ней, — при восторженныхъ кликахъ всѣхъ совѣтниковъ Ивановыхъ нашей партіи, — въ сторону... „*диктатуры*“. Все это кореннымъ образомъ измѣнило въ моихъ глазахъ положеніе дѣлъ, и *я* рѣшилъ бороться и спорить, слѣдуя неоспоримо вѣрному въ данномъ случаѣ правилу: *лучше поздно, чѣмъ никогда*.

Въ одномъ изъ послѣдующихъ №№ „Искры“ я покажу ошибочность взгляда Ленина на отношеніе „*политики*“ къ *экономической* борьбѣ, а потомъ разоблачу связь его *теоретическихъ* ошибокъ съ его *организаціонными* планами. Не нахожу нужнымъ скрывать, что и въ этой критической работѣ я буду исходить изъ твердаго убѣжденія въ необходимости ликвидировать „четвертый“ періодъ нашей партійной исторіи, забросивъ въ кучу стараго хлама „перегнутую палку“ Ленина.

Г. Плехановъ.

---

[1] См. въ „Протоколахъ“ мой отвѣтъ Акимову.

[2] Эта связь ошибочной теоріи съ вредной практикой вполнѣ понятна. Люди, раздѣляющіе тотъ взглядъ, что соціальдемократическая мысль могла развиться „совершенно независимо отъ стихійнаго роста рабочаго движенія“, могутъ позволить себѣ очень большую „*независимость*“ отъ рабочаго движенія вообще и въ своей практикѣ уподобиться заговорщикамъ добраго стараго времени. Въ интересахъ справедливости замѣчу, что на практическія ошибки и крайности слишкомъ „твердыхъ искровцевъ“ еще до съѣзда обращали мое вниманіе нѣкоторые товарищи, принадлежавшіе нѣкогда къ лагерю „экономистовъ“. Хотя я и самъ замѣчалъ и *отмѣчалъ* въ письмахъ въ редакцію „Искры“ иныя изъ этихъ крайностей, но показанія бывшихъ „экономистовъ“ все таки представлялись мнѣ слишкомъ преувеличенными. Теперь выходитъ, что они преувеличивали не такъ сильно, какъ я думалъ.

НА ОЧЕРЕДИ.

Какъ это ни странно на первый взглядъ, а изданный недавно законъ о порядкѣ веденія политическихъ процессовъ, преслѣдующій явную цѣль *усиленія* репрессіи по отношенію къ намъ, — этотъ самый законъ приходится признать несомнѣнной *побѣдой* революціоннаго движенія.

„Мы заставимъ васъ этимъ судить насъ“, сказалъ я какъ-то восемь лѣтъ назадъ жандармскому „слѣдователю“, сѣтовавшему на „упорное запирательство“ нашей группы обвиняемыхъ. Голубой блюститель правосудія быстро отвѣчалъ мнѣ: „дождетесь этого — въ 2000-мъ году, не раньше“, а присутствовавшій тутъ же прокуроръ прибавилъ въ поясненіе, что правительство не желаетъ возвращаться къ временамъ „дѣла Засуличъ“. Безспорно, правительство не желало разставаться съ столь удобной для него формой борьбы съ революціей, какой являлся „административный порядокъ“. Меньше всего могло оно желать снова подвергнуть свое дѣло всѣмъ „случайностямъ“ какой-бы то ни было судебной процедуры, всему риску, связанному для него съ возможностью превращенія актовъ суда въ продолженіе политической борьбы, ведущейся противъ него „на свободѣ“ россійской жизни.

И все таки мы „дождались“! То, что вчера было для правительства худшимъ зломъ, сегодня стало явной необходимостью. Административный порядокъ пересталъ, въ виду колоссальнаго развитія революціоннаго движенія, ограждать отъ соблазнительной огласки, а открытыя проявленія массовой политической борьбы сдѣлали смѣшной и безполезной всякую дальнѣйшую игру въ прятки. Ускореніе пульса революціонной борьбы обезвредило тѣ специфическія мѣры „предупрежденія“, въ видѣ гласнаго надзора и долгосрочной ссылки, которыя составляли главную практическую цѣль „административнаго порядка“: массовые побѣги и массовый „переходъ на нелегальное положеніе“ превратили работу жандармовъ по „искорененію“ въ Сизифовъ трудъ, о характерѣ котораго можно отчасти судить по длиннымъ спискамъ разыскиваемыхъ жандармеріей лицъ, время отъ времени повторяющимъ данныя о той же самой личности, разъ „разысканной“ и снова, черезъ годъ-другой, разыскивающейся новымъ циркуляромъ. „Временныя правила“ жандармской легкой артиллеріи исчерпали себя и понадобилось тяжелое орудіе царской юстиціи. Судъ идетъ! Идетъ, чтобы санкціонировать для революціоннаго движенія *нашихъ дней* его *закономѣрность*, какъ нормальнаго явленія, предусмотрѣннаго десятками статей кодекса. „Политическое преступленіе“ перестаетъ быть частнымъ дѣломъ частнаго полицейскаго хозяйства самодержавія; оно признается постояннымъ явленіемъ общественной жизни и, какъ о таковомъ, о немъ трактуютъ новые законы, ускореннымъ темпомъ вводимые въ дѣйствіе.

Судъ идетъ! Судъ Шемякинъ, мало отличный отъ суда жандармскаго застѣнка, но все таки судъ, на которомъ, *хоть въ какой либо мѣрѣ*, будетъ возможна для обвиняемыхъ тяжба съ безчестными обвинителями, разоблаченіе полицейской системы, борьба съ жандармеріей.

Пущенные, какъ пробный камень, отдѣльные процессы о демонстраціяхъ и тайныхъ типографіяхъ дали уже намъ нѣкоторый опытъ для того, чтобы рѣшить вопросъ объ этой сторонѣ дѣла. Эти процессы показали, что даже при закрытыхъ дверяхъ, даже въ подтасованномъ коронномъ судѣ возможно для обвиняемыхъ разоблаченіе полицейски-шпіонскаго хозяйства. Очевидно, слѣдовательно, что активное участіе въ судебномъ слѣдствіи является обязательнымъ для привлекаемыхъ къ суду „политиковъ“, какъ бы ни стремились урѣзать это участіе прокуроры и судьи.

Такое участіе не исключаетъ *отказа отъ показаній* на томъ жандармскомъ дознаніи, которое, по новому закону, останется общей и, въ большинствѣ случаевъ, единственной формой предсудебнаго слѣдствія (см. объ этомъ въ № 70 „Искры“). Тотъ характеръ жандармскаго дознанія, который побудилъ партію требовать отъ своихъ членовъ отказа отъ показаній, не измѣняется отъ того, что это дознаніе становится прологомъ къ судебному дѣйствію. Болѣе того: поскольку прокуратурѣ предоставлено право назначать правильное предварительное слѣдствіе въ дополненіе къ дознанію, — постольку систематическій отказъ отъ показаній заставитъ самое прокуратуру нуждаться въ этомъ слѣдствіи, дабы не быть *вынужденной являться* на судъ съ обвиненіемъ, сотканнымъ изъ однихъ шпіонскихъ показаній.

Что касается поведенія обвиняемыхъ на самомъ судѣ, то здѣсь, само собой разумѣется, нельзя указать однородной во всѣхъ деталяхъ тактики. Партія заинтересована въ томъ, чтобы силы, которыми она располагаетъ, не тратились съ излишней щедростью. Нѣтъ никакой необходимости въ томъ, чтобы революціонеры, преданные суду безъ всякихъ серьезныхъ уликъ, признавались въ своихъ дѣйствительныхъ „преступленіяхъ“ или стѣсняли защиту въ дѣлѣ борьбы съ обвиненіемъ. Одно только желательно, — чтобы всѣ, духовно связанные съ соціальдемократіей, не скрывали передъ судомъ *этой* своей связи, открыто и прямо излагая свои политическія убѣжденія. Отъ такой политической демонстраціи никто не долженъ отказываться, что не помѣшаетъ ему, въ случаѣ надобности, отказываться отвѣчать на вопросы суда объ его „виновности“ по отношенію къ тому или другому конкретному дѣянію. Конечно, такое поведеніе легко можетъ побудить нашъ Шемякинъ судъ обвинить человѣка и безъ всякихъ уликъ, на основаніи одного лишь своего озлобленія противъ мужественнаго политическаго противника (такъ было, напр., въ процессѣ саратовскихъ демонстрантовъ), но въ такомъ случаѣ мы будемъ имѣть новую демонстрацію — несостоятельности царскаго „правосудія“, — которой не преминемъ воспользоваться въ агитаціи. *Такія* цѣна можетъ окупить напрасную, на первый взглядъ, жертву.

Уже изъ этого примѣра видно, что вопросъ о тактикѣ на судѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о нашей агитаціи „на волѣ“. Чтобы скамья подсудимыхъ обратилась въ политическую трибуну, необходимо пробить брешь въ глухихъ стѣнахъ, которыми новый законъ и обычная практика *пытаются отдѣлить* „политическихъ преступниковъ“ отъ внѣшняго міра. Въ предстоящихъ многочисленныхъ процессахъ партія получитъ обильный матеріалъ для самой разносторонней агитаціи. И этотъ матеріалъ долженъ быть использованъ не только въ формѣ самой широкой огласки преступленій царскаго „правосудія“ и политическихъ рѣчей съ „позорной“ скамьи, но и въ видѣ активныхъ политическихъ проявленій рабочихъ массъ въ связи и по поводу политическихъ процессовъ. Пусть широкія массы пролетаріата и сочувствующихъ соціальдемократіи слоевъ населенія знаютъ о всѣхъ перипетіяхъ судебной борьбы, пусть они проникнутся страстнымъ желаніемъ поддержать такъ или иначе своихъ представителей на скамьѣ подсудимыхъ, протестовать въ той или иной формѣ противъ безобразій суда и драконовскихъ приговоровъ. И, прежде всего, пусть онѣ требуютъ всегда и вездѣ *открытія дверей суда для публики*. Этотъ практическій лозунгъ позволитъ нашимъ организаціямъ превратить каждую судебную драму въ политическое событіе, въ демонстрацію. При извѣстной ловкости, не трудно повести прямо съ фабрики массу рабочихъ къ зданію суда и устроить передъ нимъ политическій „митингъ“. Приговоры царскихъ жандармовъ по вѣдомству юстиціи должны быть заклеймены соотвѣтствующими резолюціями рабочихъ собраній или открытыми же демонстраціями. При извѣстныхъ обстоятельствахъ, можно организовывать и коллективное предъявленіе требованій объ отмѣнѣ свирѣпой кары, наложенной судомъ.

Только при такомъ взаимодѣйствіи между „улицей“ и судебной камерой, новая эра политическихъ процессовъ дастъ намъ все то, что можетъ дать этотъ рѣшительный переломъ въ тактикѣ правительства, знаменующій его растерянность передъ все растущими волнами массового революціоннаго движенія. Если отъ послѣднихъ политическихъ процессовъ прошлаго періода (военные суды надъ военными — не въ счетъ) долж

было пройти 15 лѣтъ келейной „административной“ расправы до новаго ихъ возрожденія, то, при умѣлой нашей тактикѣ, правительству, быть можетъ, будетъ достаточно 15-ти мѣсяцевъ чтобы убѣдиться въ обоюдоостромъ характерѣ вновь примѣняемаго имъ и заново отточеннаго оружія.

Судъ идетъ! Будемъ же готовы встрѣтить его во всеоружіи. Давая тысячамъ нашихъ товарищей, нынѣ сидящихъ по тюрьмамъ, полномочіе превратить судъ надъ ними въ судъ надъ самодержавіемъ и современнымъ общественнымъ порядкомъ, — будемъ готовить тотъ высшій судъ, передъ которымъ эти товарищи выступятъ въ роли обвинителей. Этотъ судъ будетъ судомъ „улицы“, и наше дѣло — мобилизовать политически эту „улицу“.

Л. М.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Военный судъ въ Варшавѣ [1]).

2 августа н. ст. въ Варшавскомъ окружномъ военномъ судѣ началось разбирательство дѣла о вооруженномъ сопротивленіи, оказанномъ при нападеніи полиціи на типографію С.-Д. Ц. П. и Л. Обвиняются рабочій Марцинъ Каспржакъ и инженеръ Бенедиктъ Гурцманъ въ убійствѣ ротмистра Винничука, помощника пристава Ордановскаго и двухъ полицейскихъ. Составъ суда: предсѣдатель генералъ Стрѣльниковъ (тотъ самый, который отличился въ процессѣ „Пролетаріата“ въ 1885 г. и братъ того прокурора, который былъ въ 1882 г. убитъ Желваковымъ и Халтуринымъ) и судьи — лейбъ-гвардіи полковники: Богацкій, Пьечина, Гоффъ и Бояновскій. Обвиняетъ прокуроръ генералъ Мухинъ.

Оба обвиняемые имѣютъ защитниковъ въ лицѣ присяжныхъ повѣренныхъ: г.г. Патека и Кіенскаго изъ Варшавы и г. Андреевскаго изъ Петербурга.

Необходимо замѣтить, что въ самомъ началѣ дѣло направлено было въ окружной судъ, но спустя нѣкоторое время генералъ губернаторъ Чертковъ передалъ его въ военный судъ, а прокуратура подвела подсудимыхъ подъ дѣйствіе § 279 уст. военнаго судопроизводства, что равносильно смертному приговору: военный судъ именно и понадобился для того, чтобы на „законномъ основаніи“ воздвигнуть висѣлицы для Каспржака и Гурцмана.

Еще до начала судебнаго засѣданія, судьи собрались въ 9 ч. утра для обсужденія предложенія защиты, поставившей вопросъ о компетенціи военнаго суда въ этомъ дѣлѣ. Основываясь на новомъ законѣ, защита оспариваетъ въ данномъ случаѣ за военнымъ судомъ компетенцію. Военные судьи, тѣмъ не менѣе, рѣшаютъ, что это дѣло подсудное имъ. Начинается чтеніе обвинительнаго акта, содержаніе котораго въ общихъ чертахъ таково:

27 апрѣля с. г. на улицѣ Дворянской были убиты при исполненіи служебныхъ обязанностей: жандармскій ротмистръ Винничукъ, пом. пристава Ордановскій и двое полицейскихъ, третій же полицейскій тяжело раненъ. Виновными въ совершеніи этого преступленія оказываются члены партіи, извѣстной подъ названіемъ „Соціальдемократія Царства Польскаго и Литвы“: Марцинъ Каспржакъ, выдающій себя за Вильгельма Христіана Мейера и инженеръ-технологъ Бенедиктъ Гурцманъ. — Въ упомянутый день Каспржакъ пришелъ въ 9 часовъ утра въ квартиру Павляковъ и, удалившись въ отдѣльную комнату, занялся типографской работой. Спустя нѣкоторое время туда же явился бывшій студенъ политехническаго института Файнштейнъ, а вслѣдъ за нимъ Гурцманъ. Вскорѣ послѣ прихода Гурцмана Файнштейнъ вышелъ и былъ арестованъ на улицѣ, между тѣмъ какъ на улицу Дворскую отправлены были Винничукъ, Ордановскій и цѣлый нарядъ околоточныхъ и надзирателей. Пригласивши предварительно управляющаго домомъ, Винничукъ вмѣстѣ съ полицейскими ворвался въ квартиру Павлюковъ, а за тѣмъ и въ комнату, гдѣ находилась типографія.

Увидѣвши полицію, Каспржакъ закрылъ типографскій шрифтъ бумагой. Винничукъ захотѣлъ сорвать бумагу, но въ ту же минуту упалъ, сраженный пулей. Вторая пуля уложила на мѣстѣ Ордановскаго. Затѣмъ Каспржакъ выбѣжалъ въ сосѣднюю комнату и отсюда мѣткими выстрѣлами убилъ еще двухъ городовыхъ. Остальные городовые и околоточные, а также и управляющій дома, въ числѣ свыше 10 человѣкъ, выбѣжали — одни на улицу, другіе во дворъ. Однако, одинъ городовой, Бовбіель, вернулся, бросился на Каспржака и повалилъ его на землю. Тогда Каспржакъ выстрѣлилъ въ него изъ револьвера и попалъ ему въ руку. Когда же Бовбіель вырвалъ у него револьверъ, Каспржакъ схватилъ ножъ, которымъ ранилъ Бовбіеля. Основываясь, исключительно на показаніяхъ Бовбіеля, обвинительный актъ признаетъ другого подсудимаго Гурцмана, соучастникомъ въ убійствѣ. На жандармскомъ слѣдствіи Бовбіель, который слыветъ силачемъ и которому не хотѣлось терять престижа въ этомъ отношеніи, утверждалъ, что вслѣдъ за тѣмъ, какъ онъ повалилъ Каспржака на землю, къ нему подскочилъ Гурцманъ, схватилъ его за воротъ и силою оттащилъ его, давши, такимъ образомъ, возможность высвободиться Каспржаку, который началъ ему, Бовбіелю, наносить раны ножомъ. На судѣ Бовбіель показываетъ совершено иначе: онъ не рѣшается-де навѣрное утверждать, что Гурцманъ оттащилъ его, онъ помнитъ только, какъ Гурцманъ „дернулъ“ его, а Гурцманъ могъ, конечно, „дернуть“, пробѣгая мимо него...

Приступаютъ къ допросу подсудимыхъ. Каспржакъ беретъ всю вину на себя, говоря, что онъ одинъ, безъ чьего бы то ни было содѣйствія, убилъ и ранилъ представителей жандармеріи и полиціи. Гурцманъ заявляетъ, что онъ уже два года считаетъ себя соціальдемократомъ, что полъ года тому назадъ, онъ сдѣлался дѣятельнымъ членомъ партіи С. Д.-Ц. П. и Л., въ рядахъ которой онъ работалъ съ полнымъ сознаніемъ, отдавая ей всѣ свои силы. Онъ, однако, категорически отрицаетъ показанія полицейскаго Бовбіеля, т. к. послѣ первыхъ же выстрѣловъ онъ перескочилъ черезъ тѣла убитыхъ и убѣжалъ, скорѣе даже слетѣлъ съ быстротою молніи по лѣстницѣ во дворъ, гдѣ и былъ схваченъ. — Это подтверждаютъ и другіе свидѣтели.

Второй день процесса начинается безконечно-длиннымъ объясненіемъ эксперта-хирурга, который въ теченіе трехъ часовъ излагаетъ мельчайшія подробности о всѣхъ ранахъ, нанесенныхъ пяти „представителямъ власти“. Послѣ этого защитникъ Каспржака представляетъ мотивированное предложеніе о необходимости медицинской экспертизы относительно психическаго состоянія его кліента. Прокуроръ Мухинъ, конечно, противится этому требованію защиты и въ раздраженіи кричитъ: „вѣдь Каспржакъ одинъ разъ уже былъ отданъ подъ наблюденіе психіатровъ [2]) и воспользовался этимъ, чтобы убѣжать изъ заведенія“. На это прис. повѣрен. Патекъ возражаетъ: „Право, россійское правительство было бы достойно сожалѣнія, если бы оно не сумѣло услѣдить за однимъ душевно-больнымъ“. Военные судьи удаляются для обсужденія предложенія защиты и послѣ часового совѣщанія выносятъ рѣшеніе о назначеніи экспертизы для изслѣдованія душевнаго состоянія Каспржака. Это рѣшеніе, котораго никто не ожидалъ, вызываетъ общее изумленіе, а прокурора Мухина оно буквально приводитъ въ бѣшенство: „что вы сдѣлали — вопитъ онъ внѣ себя — „что случилось? Вы за это поплатитесь“! „Нѣтъ“, — отвѣчаетъ съ улыбкой Стрѣльниковъ, — „это рѣшеніе принято нами единогласно“: Въ виду такого постановленія суда, дальнѣйшій разборъ дѣла отложенъ впредь до окончанія экспертизы.

Поневолѣ является вопросъ, отчего военный судъ, приговоръ котораго несомнѣнно былъ предрѣшенъ, такъ внезапно перемѣнилъ тактику и сразу согласился на требованіе защитника. Фактъ передачи дѣла военному суду, назначеніе Стрѣльникова, набившаго руку въ подписываніи смертныхъ приговоровъ, предсѣдателемъ этого суда — все это безусловно свидѣтельствовало объ опредѣленномъ намѣреніи правительства круто расправиться съ двумя попавшимися въ его лапы революціонерами. Явившееся для всѣхъ полной неожиданностью „единогласное рѣшеніе“ заставляетъ полагать, что въ самый послѣдній моментъ судъ почувствовалъ нѣкоторое колебаніе и радъ былъ ухватиться за первую возможность, чтобы отложить дѣло не для выясненія умственныхъ способностей Каспржака, а до тѣхъ поръ, пока выяснится „курсъ“ внутренней политики, выбитой въ данную минуту изъ колеи взрывомъ бомбы 15-го іюля...

Вся Варшава, и въ особенности рабочая Варшава, съ крайнимъ возбужденіемъ прислушивается ко всѣмъ перипетіямъ этого политическаго процесса; вѣдь герой послѣдняго, тов. Каспржакъ, въ исторіи польскаго соціалистическаго движенія игралъ выдающуюся роль; это имя хорошо знакомо рабочимъ Польши! Жизнь Каспржака — это жизнь неутомимаго революціонера-рабочаго. Уже 20 лѣтъ тому назадъ, какъ прусскій подданный, онъ началъ работать для дѣла соціализма въ Познани, въ тѣ времена, когда нѣмецкая соціальдемократія находилась подъ тяжелымъ гнетомъ исключительныхъ законовъ. Приговоренный въ 1887 году познанскимъ судомъ къ тюремному заключенію, онъ удачно спасается бѣгствомъ изъ прусской тюрьмы и отправляется въ Варшаву; въ Варшавѣ въ продолженіе пяти лѣтъ онъ является однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ агитаторовъ тогдашней соціалистической партіи „Пролетаріатъ“. Въ 1893 году онъ попадается въ цѣпкія руки варшавскихъ жандармовъ, которые держатъ его цѣлыхъ два съ пол. года въ цитадели; вслѣдствіе нервнаго разстройства, его переводятъ, наконецъ, въ больницу Яна Божія. Неутомимый революціонеръ перепиливаетъ здѣсь желѣзную рѣшетку и бѣжитъ за границу въ Германію. Едва вырвавшись изъ когтей царской полиціи, онъ скоро очутился въ лапахъ прусскаго правительства, которое не забыло ему его бѣгства изъ познанской тюрмы и заставляетъ отсидѣть весь назначенный по суду срокъ, хотя исключительные законы давно уже уничтожены. Выбравшись на волю, Каспржакъ снова начинаетъ агитацію въ Познани, съ энтузіазмомъ отдается дѣлу организаціи рабочихъ, и въ 1901 году познанскіе рабочіе ставятъ его кандидатуру во время дополнительныхъ выборовъ въ парламентъ. Наконецъ, въ 1904 году, уже въ высшемъ градусѣ чахотки, Каспржакъ ѣдетъ въ Варшаву, чтобы отдать послѣдній остатокъ своихъ силъ С.-Д. Ц. П. и Л. И здѣсь, какъ всегда, на посту, въ партійной типографіи, разыгрался послѣдній кровавый актъ 20-лѣтней революціонной борьбы...

Каспржакъ имѣлъ непримиримыхъ враговъ не только въ лицѣ прусскихъ и русскихъ жандармовъ; гораздо болѣе коварными врагами, отравлявшими послѣдніе 12 лѣтъ его жизни — были политическіе противники! Гнусная клевета, сознательно распространяемая, преслѣдовала его повсюду! По поводу этихъ позорныхъ инсинуацій поднимаетъ голосъ въ своей прокламаціи къ рабочимъ Цен. Ком. П. С.-Д. „Противъ всякой очевидности люди, тоже называющіе себя соціалистами, повторяли на всѣ лады свою клевету въ теченіе 12 лѣтъ, доносили на Каспржака, какъ на человѣка, якобы имѣющаго связи съ полиціей, въ польской и нѣмецкой печати, въ своихъ грязныхъ журналахъ и газетахъ. Еще недавно когда Каспржакъ отправился въ Варшаву, чтобы еще разъ выступить на борьбу съ самодержавіемъ, эти люди снова закидали его грязью въ галиційскихъ газетахъ называя его воромъ. Всего за четыре дня до послѣдняго драматическаго ареста Каспржака, какой-то негодяй писалъ въ буржуазной варшавской „Правдѣ“, будто Каспржакъ бѣжалъ изъ Познани изъ-за мошенническихъ продѣлокъ. Товарищи! Ошибаться можетъ всякій человѣкъ и всякая партія. Но тутъ не было ошибки. Тутъ совершено было гнусное моральное убійство съ холоднымъ разсчетомъ, что если не инымъ какимъ-нибудь, такъ этимъ путемъ устраненъ будетъ политическій противникъ, обладавшій вліяніемъ на рабочіе массы и неутомимой энергіей.. Но въ защиту Каспржака подняли немедленно голосъ всѣ сознательные рабочіе Варшавы, протестовали рабочіе Бреславля и Познани; Каспржакъ нашелъ защитниковъ въ лицѣ соціалистовъ русскихъ, въ лицѣ вожаковъ германской соціальдемократіи, главное управленіе которой призвало еще въ 1901 году клеветниковъ Каспржака на судъ, и когда послѣдніе не были въ состояніи представить ни малѣйшаго довода, выразило имъ свое публичное презрѣніе. И нынѣ этотъ судъ царскихъ жандармовъ надъ Каспржакомъ является одновременно и *судомъ надъ нравственной гнилью соціальпатріотовъ*“.

Въ воскресенье 7-го августа, въ 10 часовъ утра варшавскіе рабочіе устроили демонстрацію въ честь Каспржака. Выставивши красное знамя съ надписями: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ Каспржакъ!“, „Да здравствуетъ С. Д. Ц. П. Л!“ — демонстранты пошли по направленію къ зданію военнаго суда и дошли до Краковскаго предмѣстья. Во время шествія демонстранты разбрасывали среди публики прокламаціи изданыя П. С.-Д. Арестовано нѣсколько человѣкъ.

Съ театра войны. Какъ подготовлялся разгромъ. Городъ Дальній, теперь занятый японцами, строился молодымъ инженеромъ путей сообщенія, получившимъ это порученіе, благодаря протекціи своей жены, дочери генеральнаго полководца. Онъ былъ снабженъ высшими полномочіями и десятками милліоновъ руб.

Помощникомъ его состоялъ инженеръ путей сообщенія Тимъ.

На мѣстѣ теперешняго Дальняго стояли японскія фанзы; ихъ срыли, склонъ горы сравняли и стали строить городъ — склады, конторы, казармы, портъ, дома для всякихъ чиновъ, клубы, кафе-шантаны... но, казалось, послѣднюю заботу составляли укрѣпленія. Городъ росъ и ждалъ жителей. Инженеры со своими женами и содержанками наѣзжали изъ Портъ-Артура кутить и, не зная чѣмъ превзойти прежнія попойки, часто садились среди улицы и на глазахъ снующихъ рабочихъ забавлялись фонтанами изъ шампанскихъ бутылокъ; потомъ возвращались въ Артуръ и тогда городовые метались подъ окнами ресторана, прося публику держаться подальше, такъ-какъ градоначальникъ Артура и строители Дальняго гуляютъ, а у нихъ привычка пустыя бутылки выбрасывать черезъ окна, разбивая стекла въ рамахъ“.

Широкая жизнь „строителей“ вошла въ поговорку, хищеніе возведено было въ открытое правило. Любовница Тима была центромъ веселой беззаботной жизни, она щедро угощала блестящее общество „строителей“ и сама утопала въ роскоши и лести. Она просила Тима дать мѣсто ея брату. Его выписали и дали ему мѣсто смотрителя складовъ съ окладомъ жалованья въ 100 рублей въ мѣсяцъ. увѣряя его, что мѣсто это — золотое дно. Новый смотритель оказался честнымъ молодымъ человѣкомъ; онъ усердно служилъ, но всегда передъ 20 числомъ приходилъ къ своей сестрѣ перехватить до получки, жалуясь, что жизнь въ Артурѣ страшно дорога, особенно въ обществѣ „строителей“. Сестра обращается съ просьбою къ Тиму, чтобы далъ ему лучшее мѣсто. „Да, отвѣчаетъ Тимъ, я и то хотѣлъ тебѣ сказать, что переведу его на много худшее мѣсто, хотя и съ большимъ жалованьемъ!“ — „Ты имъ недоволенъ?“ — Нѣтъ, онъ очень аккуратенъ и много работаетъ, но зря занимаетъ мѣсто; на этомъ мѣстѣ другой обезпечилъ бы себя, а онъ даромъ его занимаетъ“. Честный молодой человѣкъ былъ переведенъ подальше отъ отвѣтственнаго дѣла, а на его мѣсто назначенъ извѣстный воръ.

Городъ былъ построенъ и Тимъ поѣхалъ въ Петербургъ. Оттуда онъ просилъ полицію очистить его квартиру отъ его бывшей любовницы и охранять ее. Онъ вернулся съ молодой женой, которую окружилъ царскою роскошью. Однако, общественное мнѣніе рѣшило, что ей не удалось перещеголять въ роскоши жену Сахарова.

Судебный слѣдователь по особоважнымъ дѣламъ явился къ Тиму и предложилъ ему обезпечить женщину, девять лѣтъ бывшую хозяйкою его дома, а теперь живущую въ крайней нуждѣ, конторщицей въ небольшомъ магазинѣ. Тимъ отвѣтилъ что онъ не можетъ содержать всѣхъ женщинъ, съ которыми онъ былъ въ связи.

Девизъ служащихъ и промышляющихъ на Дальнемъ Востокѣ былъ — нажива. Для нее всѣ готовы были все продать и совѣсть и родину. Это были дѣйствительные „враги Россіи“, а рядомъ съ ними жили толпы озлобленныхъ на русское правительство иновѣрцевъ и инородцевъ, аборигеновъ Квантуна. Вотъ кто долженъ былъ обезпечить Россіи „оборону ея интересовъ отъ коварнаго японца“! Не мудрено, что оборона была подготовлена такъ блестяще.

Здѣсь процвѣтало „Общество Восточно-Азіатской Компаніи“. Запросто его моряки зовутъ „Датскимъ Обществомъ“. Шефомъ его и главнымъ пайщикомъ состоитъ Марія Θеодоровна. Всѣ лучшія мѣста этого общества и мѣста капитановъ всѣхъ пароходовъ были заняты датчанами и чухонцами. Они открыто говорили: „что-же, что мы плаваемъ подъ русскимъ флагомъ! Мы не русскіе“. Въ настоящее время въ русскомъ консульствѣ въ Шанхаѣ ведется слѣдствіе по дѣлу, произведшему сильное впечатлѣніе на Дальнемъ Востокѣ. Наканунѣ перваго нападенія японской эскадры на Портъ-Артуръ, изъ Шанхая вышелъ пароходъ Восточно-Азіатской Компаніи — Манчжурія (не смѣшивать съ пароходомъ того же имени Восточно-Китайской желѣзной дороги.) Капитанъ и вся каютъ-кампанія — датчане. Грузъ — важные боевые припасы. Пароходъ получилъ приказаніе идти наискорѣйшимъ ходомъ въ Портъ-Артуръ. Теперь обнаружено, что имѣя возможность идти шесть миль въ часъ, пароходъ шелъ со скоростью полъ мили въ часъ; увидѣвъ въ открытомъ море группу русскихъ судовъ, „Манчжурія“ свернула со своего пути и скрылась отъ нихъ, а когда встрѣтила японскую эскадру, направилась прямо къ ней и сдалась.

Съ Востока. Безпрерывная ѣзда въ теченіе трехъ мѣсяцевъ на территоріи между Кишиневомъ и Челябинскомъ, Петербургомъ и Астраханью, въ вагонахъ и на пароходахъ, оставляетъ очень опредѣленное впечатлѣніе. Совсѣмъ ужъ не такъ у насъ благополучно и патріотично, какъ можно было бы предполагать, даже не придавая значенія нововременскимъ старьевщикамъ и ихъ заявленіямъ о готовности жертвовать. Три мѣсяца назадъ говорили о войнѣ безъ внутренняго раздраженія, какъ о самой обыкновенной злобѣ дня; слышалась и увѣренность въ нашей непобѣдимости и желаніе показать японцу, что мы не ктокто, терпѣливы, великодушны, но справедливы, и хоть накажемъ за дерзость, но потомъ и помилуемъ — всякому жить надобно. Такого настроенія теперь нѣтъ и помину. Плачъ и стонъ стоитъ на востокѣ Руси: мобилизуютъ запасъ. Плачутъ матери, жены, дѣти; нерѣдко реветъ бѣлугой и самъ запасъ, а если не реветъ, то старается пить возможно больше, чтобы хоть этимъ возстановить нарушенное равновѣсіе. По Вяземской и Самарской дорогамъ невозможно ѣздить ввиду скопленія запасныхъ, провожающихъ, пьянства и слезъ, не говоря уже о томъ, что количество подвижного состава сведено до минимума и ѣдутъ какъ сельди въ бочкѣ. Кругомъ разсказы о томъ или иномъ злоупотребленіи Кр. Креста съ обычными, разумѣется, обывательскими прибавленіями, принимающими форму сплетни. Часто слышатся разсказы о той или иной осиротѣвшей семьѣ и объ отсутствіи ей помощи, несмотря на обѣщанія начальства, причемъ вѣры этому послѣднему не замѣтно и на ломаный грошъ. Разсказываютъ о томъ или иномъ случаѣ самоубійства запасныхъ, которые должны были оставить на улицѣ своихъ малыхъ дѣтей и получили отъ начальства обѣщаніе для нихъ крупы, муки и пр., а они просили ухода... Нескрываемый скептицизмъ по адресу неудобствъ перевозки солдатъ въ скотскихъ вагонахъ и ихъ достаточнаго продовольствія.

Оставшаяся безъ варіацій исторія гибели въ самомъ началѣ войны чуть ли не половины флота теперь снова всплываетъ въ сознаніи и получаетъ опредѣленную окраску.

Недовѣріе къ властямъ, чиновникамъ, начальству полное; надеждъ на батюшку царя не слышно. Слухи о томъ, что онъ долженъ появиться въ Пензѣ, Самарѣ, Оренбургѣ для благословенія, волнуетъ больше нелегальныхъ и поднадзорныхъ, чѣмъ обыватели. При мобилизаціи, разумѣется, вскрываются всевозможныя злоупотребленія на этой почвѣ. Въ Самарѣ побили полицію во главѣ съ полиціймейстеромъ за то, что нѣкоторые капиталисты изъ запаса были заблаговременно записаны въ околодочные. Архіерея перевели (сверху) за продажу такимъ же запаснымъ мѣстъ псаломщиковъ; но потребность публичнаго порицанія, свойственную толпѣ, удовлетворить нельзя.

Въ Уральскѣ волновались пролетаріи-казаки по поводу покупки капиталистами замѣстителей. Въ Оренбургѣ то же самое. Разные слои, разумѣется, относятся къ войнѣ различно, но это различіе заключается лишь въ интенсивности отношенія къ войнѣ, а не въ характерѣ этого отношенія: послѣднее всегда и у всѣхъ, кромѣ, кажется, служителей алтаря, отрицательное.

Все то, что раньше скользило по сознанію, лишь оставляя слѣдъ, но не останавливая вниманія, всѣ тѣ жизненныя мелочи изъ которыхъ, при ихъ разрозненности и отсутствіи логической связи, нельзя было вынести какого-либо заключенія, теперь припоминаются, группируются, составляютъ цѣлыя опредѣленныя картины. Тѣ классовыя противорѣчія, которыя раньше были замѣтны идеологамъ, а въ жизни складывались по мелочамъ и незамѣтно, теперь вырисовываются во всей своей неприкрашенности. Разсужденія о войнѣ всегда подчеркиваютъ характерную классовую точку зрѣнія говорящаго именно потому, что разсужденія эти инстинктивны въ силу яркости и напряженности переживаемаго момента. Наибольшее отчаяніе съ примѣсью (мнѣ казалось) неопредѣленаго раздраженія и сдерживаемаго озлобленія наблюдается среди крестьянъ. Во многихъ мѣстахъ, не говоря уже о массѣ осиротѣвшихъ семей, остаются несѣянными поля, а съ посѣянныхъ „некому будетъ собирать“, какъ часто слышится въ причитаньяхъ провожающихъ бабъ. Въ отвѣтъ на причитанья окружающихъ, публика угрюмо молчитъ, а у многихъ появляются слезы.

Настроеніе обывателя носитъ отпечатокъ растерянности: патріотическія ожиданія не сбылись, вѣра иссякла, а въ политическихъ перспективахъ онъ не искушенъ. Газетныя извѣстія и виды на будущее такъ спутаны, что на нихъ совершенно нельзя обосновываться и опытному. Квасные патріоты и тѣ могутъ говорить о войнѣ только отъ послѣдняго номера Суворина, взять же сразу два номера — это значитъ натолкнуться на противорѣчія и утратить какую бы то ни было точку опоры.

Буржуазія и чиновничество въ разговорахъ о войнѣ многозначительно отмалчиваются или пускаютъ реплики „по службѣ“. Опредѣленности въ сужденіяхъ и ожиданіяхъ нѣтъ и здѣсь „съ одной стороны... и съ другой стороны“... вотъ чаще всего ихъ вялыя разсужденія.

Торговое сословіе кряхтитъ — товаръ нейдетъ, закрываетъ лавочку, но разсуждать объ этомъ опасается, лишь грустно вздыхаетъ и тоже отмалчивается. Но въ тѣсныхъ кружкахъ капитальной и чиновной буржуазіи передаются сплетни о связи съ гибелью „Петропавловска“ пребыванія на немъ князя Кирилла и его летучей оперетки, о выстрѣлѣ другого князя Бориса въ Куропаткина и о многихъ другихъ придворныхъ авантюрахъ. Но протеста, ни даже смягченія этихъ часто анекдотовъ не слышится, какъ бы дики они иной разъ ни были. Все то, что скандализируетъ священный домъ Романовыхъ, принимается на вѣру.

Но въ концѣ концовъ, все же больно и обидно смотрѣть, какъ запасъ, усталый, запыленный и обтрепанный, въ желтыхъ казенныхъ сапогахъ маршируетъ по улицамъ сборныхъ городовъ. Или онъ же, пьяный и плачущій кричитъ „ура“ изъ скотскихъ вагоновъ, проѣзжая мимо большой станціи. Это его „ура“ есть ничто иное, какъ желаніе заглушить въ себѣ внутренній протестъ противъ совершаемаго надъ нимъ насилія. Публика на эти крики молчитъ и разрушаетъ тѣмъ его вѣру въ дѣйствительность этого средства.

Двинскъ. Нынѣшняя война даетъ особенно обильную жатву всѣмъ хищникамъ, пріютившимся подъ сѣнью самодержавія. Недавно сюда прибыла партія жертвъ этихъ слугъ отечества.

---

[1]) На основаніи матеріаловъ, доставленныхъ редакціей „Czervony Standar“.

[2]) Въ 1895 г.

было пройти 15 лѣтъ келейной „административной“ расправы до новаго ихъ возрожденія, то, при умѣлой нашей тактикѣ, правительству, быть можетъ, будетъ достаточно 15-ти мѣсяцевъ чтобы убѣдиться въ обоюдоостромъ характерѣ вновь примѣняемаго имъ и заново отточеннаго оружія.

Судъ идетъ! Будемъ же готовы встрѣтить его во всеоружіи. Давая тысячамъ нашихъ товарищей, нынѣ сидящихъ по тюрьмамъ, полномочіе превратить судъ надъ ними въ судъ надъ самодержавіемъ и современнымъ общественнымъ порядкомъ, — будемъ готовить тотъ высшій судъ, передъ которымъ эти товарищи выступятъ въ роли обвинителей. Этотъ судъ будетъ судомъ „улицы“, и наше дѣло — мобилизовать политически эту „улицу“.

Л. М.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Военный судъ въ Варшавѣ [1]).

2 августа н. ст. въ Варшавскомъ окружномъ военномъ судѣ началось разбирательство дѣла о вооруженномъ сопротивленіи, оказанномъ при нападеніи полиціи на типографію С.-Д. Ц. П. и Л. Обвиняются рабочій Марцинъ Каспржакъ и инженеръ Бенедиктъ Гурцманъ въ убійствѣ ротмистра Винничука, помощника пристава Ордановскаго и двухъ полицейскихъ. Составъ суда: предсѣдатель генералъ Стрѣльниковъ (тотъ самый, который отличился въ процессѣ „Пролетаріата“ въ 1885 г. и братъ того прокурора, который былъ въ 1882 г. убитъ Желваковымъ и Халтуринымъ) и судьи — лейбъ-гвардіи полковники: Богацкій, Пьечина, Гоффъ и Бояновскій. Обвиняетъ прокуроръ генералъ Мухинъ.

Оба обвиняемые имѣютъ защитниковъ въ лицѣ присяжныхъ повѣренныхъ: г.г. Патека и Кіенскаго изъ Варшавы и г. Андреевскаго изъ Петербурга.

Необходимо замѣтить, что въ самомъ началѣ дѣло направлено было въ окружной судъ, но спустя нѣкоторое время генералъ губернаторъ Чертковъ передалъ его въ военный судъ, а прокуратура подвела подсудимыхъ подъ дѣйствіе § 279 уст. военнаго судопроизводства, что равносильно смертному приговору: военный судъ именно и понадобился для того, чтобы на „законномъ основаніи“ воздвигнуть висѣлицы для Каспржака и Гурцмана.

Еще до начала судебнаго засѣданія, судьи собрались въ 9 ч. утра для обсужденія предложенія защиты, поставившей вопросъ о компетенціи военнаго суда въ этомъ дѣлѣ. Основываясь на новомъ законѣ, защита оспариваетъ въ данномъ случаѣ за военнымъ судомъ компетенцію. Военные судьи, тѣмъ не менѣе, рѣшаютъ, что это дѣло подсудное имъ. Начинается чтеніе обвинительнаго акта, содержаніе котораго въ общихъ чертахъ таково:

27 апрѣля с. г. на улицѣ Дворянской были убиты при исполненіи служебныхъ обязанностей: жандармскій ротмистръ Винничукъ, пом. пристава Ордановскій и двое полицейскихъ, третій же полицейскій тяжело раненъ. Виновными въ совершеніи этого преступленія оказываются члены партіи, извѣстной подъ названіемъ „Соціальдемократія Царства Польскаго и Литвы“: Марцинъ Каспржакъ, выдающій себя за Вильгельма Христіана Мейера и инженеръ-технологъ Бенедиктъ Гурцманъ. — Въ упомянутый день Каспржакъ пришелъ въ 9 часовъ утра въ квартиру Павляковъ и, удалившись въ отдѣльную комнату, занялся типографской работой. Спустя нѣкоторое время туда же явился бывшій студенъ политехническаго института Файнштейнъ, а вслѣдъ за нимъ Гурцманъ. Вскорѣ послѣ прихода Гурцмана Файнштейнъ вышелъ и былъ арестованъ на улицѣ, между тѣмъ какъ на улицу Дворскую отправлены были Винничукъ, Ордановскій и цѣлый нарядъ околоточныхъ и надзирателей. Пригласивши предварительно управляющаго домомъ, Винничукъ вмѣстѣ съ полицейскими ворвался въ квартиру Павлюковъ, а за тѣмъ и въ комнату, гдѣ находилась типографія.

Увидѣвши полицію, Каспржакъ закрылъ типографскій шрифтъ бумагой. Винничукъ захотѣлъ сорвать бумагу, но въ ту же минуту упалъ, сраженный пулей. Вторая пуля уложила на мѣстѣ Ордановскаго. Затѣмъ Каспржакъ выбѣжалъ въ сосѣднюю комнату и отсюда мѣткими выстрѣлами убилъ еще двухъ городовыхъ. Остальные городовые и околоточные, а также и управляющій дома, въ числѣ свыше 10 человѣкъ, выбѣжали — одни на улицу, другіе во дворъ. Однако, одинъ городовой, Бовбіель, вернулся, бросился на Каспржака и повалилъ его на землю. Тогда Каспржакъ выстрѣлилъ въ него изъ револьвера и попалъ ему въ руку. Когда же Бовбіель вырвалъ у него револьверъ, Каспржакъ схватилъ ножъ, которымъ ранилъ Бовбіеля. Основываясь, исключительно на показаніяхъ Бовбіеля, обвинительный актъ признаетъ другого подсудимаго Гурцмана, соучастникомъ въ убійствѣ. На жандармскомъ слѣдствіи Бовбіель, который слыветъ силачемъ и которому не хотѣлось терять престижа въ этомъ отношеніи, утверждалъ, что вслѣдъ за тѣмъ, какъ онъ повалилъ Каспржака на землю, къ нему подскочилъ Гурцманъ, схватилъ его за воротъ и силою оттащилъ его, давши, такимъ образомъ, возможность высвободиться Каспржаку, который началъ ему, Бовбіелю, наносить раны ножомъ. На судѣ Бовбіель показываетъ совершено иначе: онъ не рѣшается-де навѣрное утверждать, что Гурцманъ оттащилъ его, онъ помнитъ только, какъ Гурцманъ „дернулъ“ его, а Гурцманъ могъ, конечно, „дернуть“, пробѣгая мимо него...

Приступаютъ къ допросу подсудимыхъ. Каспржакъ беретъ всю вину на себя, говоря, что онъ одинъ, безъ чьего бы то ни было содѣйствія, убилъ и ранилъ представителей жандармеріи и полиціи. Гурцманъ заявляетъ, что онъ уже два года считаетъ себя соціальдемократомъ, что полъ года тому назадъ, онъ сдѣлался дѣятельнымъ членомъ партіи С. Д.-Ц. П. и Л., въ рядахъ которой онъ работалъ съ полнымъ сознаніемъ, отдавая ей всѣ свои силы. Онъ, однако, категорически отрицаетъ показанія полицейскаго Бовбіеля, т. к. послѣ первыхъ же выстрѣловъ онъ перескочилъ черезъ тѣла убитыхъ и убѣжалъ, скорѣе даже слетѣлъ съ быстротою молніи по лѣстницѣ во дворъ, гдѣ и былъ схваченъ. — Это подтверждаютъ и другіе свидѣтели.

Второй день процесса начинается безконечно-длиннымъ объясненіемъ эксперта-хирурга, который въ теченіе трехъ часовъ излагаетъ мельчайшія подробности о всѣхъ ранахъ, нанесенныхъ пяти „представителямъ власти“. Послѣ этого защитникъ Каспржака представляетъ мотивированное предложеніе о необходимости медицинской экспертизы относительно психическаго состоянія его кліента. Прокуроръ Мухинъ, конечно, противится этому требованію защиты и въ раздраженіи кричитъ: „вѣдь Каспржакъ одинъ разъ уже былъ отданъ подъ наблюденіе психіатровъ [2]) и воспользовался этимъ, чтобы убѣжать изъ заведенія“. На это прис. повѣрен. Патекъ возражаетъ: „Право, россійское правительство было бы достойно сожалѣнія, если бы оно не сумѣло услѣдить за однимъ душевно-больнымъ“. Военные судьи удаляются для обсужденія предложенія защиты и послѣ часового совѣщанія выносятъ рѣшеніе о назначеніи экспертизы для изслѣдованія душевнаго состоянія Каспржака. Это рѣшеніе, котораго никто не ожидалъ, вызываетъ общее изумленіе, а прокурора Мухина оно буквально приводитъ въ бѣшенство: „что вы сдѣлали — вопитъ онъ внѣ себя — „что случилось? Вы за это поплатитесь“! „Нѣтъ“, — отвѣчаетъ съ улыбкой Стрѣльниковъ, — „это рѣшеніе принято нами единогласно“: Въ виду такого постановленія суда, дальнѣйшій разборъ дѣла отложенъ впредь до окончанія экспертизы.

Поневолѣ является вопросъ, отчего военный судъ, приговоръ котораго несомнѣнно былъ предрѣшенъ, такъ внезапно перемѣнилъ тактику и сразу согласился на требованіе защитника. Фактъ передачи дѣла военному суду, назначеніе Стрѣльникова, набившаго руку въ подписываніи смертныхъ приговоровъ, предсѣдателемъ этого суда — все это безусловно свидѣтельствовало объ опредѣленномъ намѣреніи правительства круто расправиться съ двумя попавшимися въ его лапы революціонерами. Явившееся для всѣхъ полной неожиданностью „единогласное рѣшеніе“ заставляетъ полагать, что въ самый послѣдній моментъ судъ почувствовалъ нѣкоторое колебаніе и радъ былъ ухватиться за первую возможность, чтобы отложить дѣло не для выясненія умственныхъ способностей Каспржака, а до тѣхъ поръ, пока выяснится „курсъ“ внутренней политики, выбитой въ данную минуту изъ колеи взрывомъ бомбы 15-го іюля...

Вся Варшава, и въ особенности рабочая Варшава, съ крайнимъ возбужденіемъ прислушивается ко всѣмъ перипетіямъ этого политическаго процесса; вѣдь герой послѣдняго, тов. Каспржакъ, въ исторіи польскаго соціалистическаго движенія игралъ выдающуюся роль; это имя хорошо знакомо рабочимъ Польши! Жизнь Каспржака — это жизнь неутомимаго революціонера-рабочаго. Уже 20 лѣтъ тому назадъ, какъ прусскій подданный, онъ началъ работать для дѣла соціализма въ Познани, въ тѣ времена, когда нѣмецкая соціальдемократія находилась подъ тяжелымъ гнетомъ исключительныхъ законовъ. Приговоренный въ 1887 году познанскимъ судомъ къ тюремному заключенію, онъ удачно спасается бѣгствомъ изъ прусской тюрьмы и отправляется въ Варшаву; въ Варшавѣ въ продолженіе пяти лѣтъ онъ является однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ агитаторовъ тогдашней соціалистической партіи „Пролетаріатъ“. Въ 1893 году онъ попадается въ цѣпкія руки варшавскихъ жандармовъ, которые держатъ его цѣлыхъ два съ пол. года въ цитадели; вслѣдствіе нервнаго раастройства, его переводятъ, наконецъ, въ больницу Яна Божія. Неутомимый революціонеръ перепиливаетъ здѣсь желѣзную рѣшетку и бѣжитъ за границу въ Германію. Едва вырвавшись изъ когтей царской полиціи, онъ скоро очутился въ лапахъ прусскаго правительства, которое не забыло ему его бѣгства изъ познанской тюрьмы и заставляетъ отсидѣть весь наазначенный по суду срокъ, хотя исключительные законы давно уже уничтожены. Выбравшись на волю, Каспржакъ снова начинаетъ агитацію въ Познани, съ энтузіазмомъ отдается дѣлу организаціи рабочихъ, и въ 1901 году познанскіе рабочіе ставятъ его кандидатуру во время дополнительныхъ выборовъ въ парламентъ. Наконецъ, въ 1904 году, уже въ высшемъ градусѣ чахотки, Каспржакъ ѣдетъ въ Варшаву, чтобы отдать послѣдній остатокъ своихъ силъ С.-Д. Ц. П. и Л. И здѣсь, какъ всегда, на посту, въ партійной типографіи, разыгрался послѣдній кровавый актъ 20-лѣтней революціонной борьбы...

„Каспржакъ имѣлъ непримиримыхъ враговъ не только въ лицѣ прусскихъ и русскихъ жандармовъ; гораздо болѣе коварными врагами, отравлявшими послѣдніе 12 лѣтъ его жизни — были политическіе противники! Гнусная клевета, сознательно распространяемая, преслѣдовала его повсюду! По поводу этихъ позорныхъ инсинуацій поднимаетъ голосъ въ своей прокламаціи къ рабочимъ Цен. Ком. П. С.-Д. „Противъ всякой очевидности люди, тоже называющіе себя соціалистами, повторяли на всѣ лады свою клевету въ теченіе 12 лѣтъ, доносили на Каспржака, какъ на человѣка, якобы имѣющаго связи съ полиціей, въ польской и нѣмецкой печати, въ своихъ грязныхъ журналахъ и газетахъ. Еще недавно когда Каспржакъ отправился въ Варшаву, чтобы еще разъ выступить на борьбу съ самодержавіемъ, эти люди снова закидали его грязью въ галиційскихъ газетахъ называя его воромъ. Всего за четыре дня до послѣдняго драматическаго ареста Каспржака, какой-то негодяй писалъ въ буржуазной варшавской „Правдѣ“, будто Каспржакъ бѣжалъ изъ Познани изъ за мошенническихъ продѣлокъ. Товарищи! Ошибаться можетъ всякій человѣкъ и всякая партія. Но тутъ не было ошибки. Тутъ совершено было гнусное моральное убійство съ холоднымъ разсчетомъ, что если не инымъ какимъ-нибудь, такъ этимъ путемъ устраненъ будетъ политическій противникъ, обладавшій вліяніемъ на рабочіе массы и неутомимой энергіей.. Но въ защиту Каспржака подняли немедленно голосъ всѣ сознательные рабочіе Варшавы, протестовали рабочіе Бреславля и Познани; Каспржакъ нашелъ защитниковъ въ лицѣ соціалистовъ русскихъ, въ лицѣ вожаковъ германской соціальдемократіи, главное управленіе которой призвало еще въ 1901 году клеветниковъ Каспржака на судъ, и когда послѣдніе не были въ состояніи представить ни малѣйшаго довода, выразило имъ свое публичное презрѣніе. И нынѣ этотъ судъ царскихъ жандармовъ надъ Каспржакомъ является одновременно и *судомъ надъ нравственной гнилью соціальпатріотовъ*“.

Въ воскресенье 7-го августа, въ 10 часовъ утра варшавскіе рабочіе устроили демонстрацію въ честь Каспржака. Выставивши красное знамя съ надписями: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ Каспржакъ!“, „Да здравствуетъ С. Д. Ц. П. Л!“ — демонстранты пошли по направленію къ зданію военнаго суда и дошли до Краковскаго предмѣстья. Во время шествія демонстранты разбрасывали среди публики прокламаціи изданныя П. С.-Д. Арестовано нѣсколько человѣкъ.

Съ театра войны. Какъ подготовлялся разгромъ. Городъ Дальній, теперь занятый японцами, строился молодымъ инженеромъ путей сообщенія, получившимъ это порученіе, благодаря протекціи своей жены, дочери генеральнаго полководца. Онъ былъ снабженъ высшими полномочіями и десятками милліоновъ руб.

Помощникомъ его состоялъ инженеръ путей сообщенія Тимъ.

На мѣстѣ теперешняго Дальняго стояли японскія фанзы; ихъ срыли, склонъ горы сравняли и стали строить городъ — склады, конторы, казармы, портъ, дома для всякихъ чиновъ, клубы, кафе-шантаны... но, казалось, послѣднюю заботу составляли укрѣпленія. Городъ росъ и ждалъ жителей. Инженеры со своими женами и содержанками наѣзжали изъ Портъ-Артура кутить и, не зная чѣмъ превзойти прежнія попойки, часто садились среди улицы и на глазахъ снующихъ рабочихъ забавлялись фонтанами изъ шампанскихъ бутылокъ; потомъ возвращались въ Артуръ и тогда городовые метались подъ окнами ресторана, прося публику держаться подальше, такъ-какъ градоначальникъ Артура и строители Дальняго гуляютъ, а у нихъ привычка пустыя бутылки выбрасывать черезъ окна, разбивая стекла въ рамахъ“.

Широкая жизнь „строителей“ вошла въ поговорку, хищеніе возведено было въ открытое правило. Любовница Тима была центромъ веселой беззаботной жизни, она щедро угощала блестящее общество „строителей“ и сама утопала въ роскоши и лести. Она просила Тима дать мѣсто ея брату. Его выписали и дали ему мѣсто смотрителя складовъ съ окладомъ жалованья въ 100 рублей въ мѣсяцъ, увѣряя его, что мѣсто это — золотое дно. Новый смотритель оказался честнымъ молодымъ человѣкомъ; онъ усердно служилъ, но всегда передъ 20 числомъ приходилъ къ своей сестрѣ перехватить до получки, жалуясь, что жизнь въ Артурѣ страшно дорога, особенно въ обществѣ „строителей“. Сестра обращается съ просьбою къ Тиму, чтобы далъ ему лучшее мѣсто. „Да, отвѣчаетъ Тимъ, я и то хотѣлъ тебѣ сказать, что переведу его на много худшее мѣсто, хотя и съ большимъ жалованьемъ!“ — „Ты имъ недоволенъ?“ — Нѣтъ, онъ очень аккуратенъ и много работаетъ, но зря занимаетъ мѣсто; на этомъ мѣстѣ другой обезпечилъ бы себя, а онъ даромъ его занимаетъ“. Честный молодой человѣкъ былъ переведенъ подальше отъ отвѣтственнаго дѣла, а на его мѣсто назначенъ извѣстный воръ.

Городъ былъ построенъ и Тимъ поѣхалъ въ Петербургъ. Оттуда онъ просилъ полицію очистить его квартиру отъ его бывшей любовницы и охранять ее. Онъ вернулся съ молодой женой, которую окружилъ царскою роскошью. Однако, общественное мнѣніе рѣшило, что ей не удалось перещеголять въ роскоши жену Сахарова.

Судебный слѣдователь по особоважнымъ дѣламъ явился къ Тиму и предложилъ ему обезпечить женщину, девять лѣтъ бывшую хозяйкою его дома, а теперь живущую въ крайней нуждѣ, конторщицей въ небольшомъ магазинѣ. Тимъ отвѣтилъ что онъ не можетъ содержать всѣхъ женщинъ, съ которыми онъ былъ въ связи.

Девизъ служащихъ и промышляющихъ на Дальнемъ Востокѣ былъ — нажива. Для нее всѣ готовы были все продать и совѣсть и родину. Это были дѣйствительные „враги Россіи“, а рядомъ съ ними жили толпы озлобленныхъ на русское правительство иновѣрцевъ и инородцевъ, аборигеновъ Квантунга. Вотъ кто долженъ былъ обезпечить Россіи „оборону ея интересовъ отъ коварнаго японца“! Не мудрено, что оборона была подготовлена такъ блестяще.

Здѣсь процвѣтало „Общество Восточно-Азіатской Компаніи“. Запросто его моряки зовутъ „Датскимъ Обществомъ“. Шефомъ его и главнымъ пайщикомъ состоитъ Марія Ѳеодоровна. Всѣ лучшія мѣста этого общества и мѣста капитановъ всѣхъ пароходовъ были заняты датчанами и чухонцами. Они открыто говорили: „что-же, что мы плаваемъ подъ русскимъ флагомъ! Мы не русскіе“. Въ настоящее время въ русскомъ консульствѣ въ Шанхаѣ ведется слѣдствіе по дѣлу, произведшему сильное впечатлѣніе на Дальнемъ Востокѣ. Наканунѣ перваго нападенія японской эскадры на Портъ-Артуръ, изъ Шанхая вышелъ пароходъ Восточно-Азіатской Компаніи — Манчжурія (не смѣшивать съ пароходомъ того же имени Восточно-Китайской желѣзной дороги.) Капитанъ и вся каютъ-компанія — датчане. Грузъ — важные боевые припасы. Пароходъ получилъ приказаніе идти наискорѣйшимъ ходомъ въ Портъ-Артуръ. Теперь обнаружено, что имѣя возможность идти шесть миль въ часъ, пароходъ шелъ со скоростью полъ мили въ часъ; увидѣвъ въ открытомъ море группу русскихъ судовъ, „Манчжурія“ свернула со своего пути и скрылась отъ нихъ, а когда встрѣтила японскую эскадру, направилась прямо къ ней и сдалась.

Съ Востока. Безпрерывная ѣзда въ теченіе трехъ мѣсяцевъ на территоріи между Кишиневомъ и Челябинскомъ, Петербургомъ и Астраханью, въ вагонахъ и на пароходахъ, оставляетъ очень опредѣленное впечатлѣніе. Совсѣмъ ужъ не такъ у насъ благополучно и патріотично, какъ можно было бы предполагать, даже не придавая значенія нововременскимъ старьевщикамъ и ихъ заявленіямъ о готовности жертвовать. Три мѣсяца назадъ говорили о войнѣ безъ внутренняго раздраженія, какъ о самой обыкновенной злобѣ дня; слышалась и увѣренность въ нашей непобѣдимости и желаніе показать японцу, что мы не кое-кто, терпѣливы, великодушны, но справедливы, и хоть накажемъ за дерзость, но потомъ и помилуемъ — всякому жить надобно. Такого настроенія теперь нѣтъ и помину. Плачь и стонъ стоитъ на востокѣ Руси: мобилизуютъ запасъ. Плачутъ матери, жены, дѣти; нерѣдко ревետъ бѣлугой и самъ запасъ, а если не ревѣтъ, то старается пить возможно больше, чтобы хоть этимъ возстановить нарушенное равновѣсіе. По Вяземской и Самарской дорогамъ невозможно ѣздить ввиду скопленія запасныхъ, провожающихъ, пьянства и слезъ, не говоря уже о томъ, что количество подвижного состава сведено до минимума и ѣдутъ какъ сельди въ бочкѣ. Кругомъ разсказы о томъ или иномъ злоупотребленіи Кр. Креста съ обычными, разумѣется, обывательскими прибавленіями, принимающими форму сплетни. Часто слышатся разсказы о той или иной осиротѣвшей семьѣ и объ отсутствіи ей помощи, несмотря на обѣщанія начальства, причемъ вѣры этому послѣднему не замѣтно и на ломаный грошъ. Разсказываютъ о томъ или иномъ случаѣ самоубійства запасныхъ, которые должны были оставать на улицѣ своихъ малыхъ дѣтей и получили отъ начальства обѣщаніе для нихъ крупы, муки и пр., а они просили ухода... Нескрываемый скептицизмъ по адресу неудобствъ перевозки солдатъ въ скотскихъ вагонахъ и ихъ достаточнаго продовольствія.

Оставшаяся безъ варіацій исторія гибели въ самомъ началѣ войны чуть ли не половины флота теперь снова всплываетъ въ сознаніи и получаетъ опредѣленную окраску.

Недовѣріе къ властямъ, чиновникамъ, начальству полное; надеждъ на батюшку царя не слышно. Слухи о томъ, что онъ долженъ появиться въ Пензѣ, Самарѣ, Оренбургѣ для благословенія, волнуетъ больше нелегальныхъ и поднадзорныхъ, чѣмъ обывателя. При мобилизаціи, разумѣется, вскрываются всевозможныя злоупотребленія на этой почвѣ. Въ Самарѣ побили полицію во главѣ съ полиціймейстеромъ за то, что нѣкоторые капиталисты изъ запаса были заблаговременно записаны въ околодочные. Архіерея перевели (сверху) за продажу такимъ же запаснымъ мѣстъ псаломщиковъ; но потребность публичнаго порицанія, свойственную толпѣ, удовлетворить нельзя.

Въ Уральскѣ волновались пролетаріи-казаки по поводу покупки капиталистами замѣстителей. Въ Оренбургѣ то же самое. Разные слои, разумѣется, относятся къ войнѣ различно, но это различіе заключается лишь въ интенсивности отношенія къ войнѣ, а не въ характерѣ этого отношенія: послѣднее всегда и у всѣхъ, кромѣ, кажется, служителей алтаря, отрицательное.

Все то, что раньше скользило по сознанію, лишь оставляя слѣдъ, но не останавливая вниманія, всѣ тѣ жизненныя мелочи изъ которыхъ, при ихъ разрозненности и отсутствіи логической связи, нельзя было вынести какого-либо заключенія, теперь припоминаются, группируются, составляютъ цѣлыя опредѣленныя картины. Тѣ классовыя противорѣчія, которыя раньше были замѣтны идеологамъ, а въ жизни складывались по мелочамъ и незамѣтно, теперь вырисовываются во всей своей неприкрашенности. Разсужденія о войнѣ всегда подчеркиваютъ характерную классовую точку зрѣнія говорящаго именно потому, что разсужденія эти инстинктивны въ силу яркости и напряженности переживаемаго момента. Наибольшее отчаяніе съ примѣсью (мнѣ казалось) неопредѣленаго раздраженія и сдерживаемаго озлобленія наблюдается среди крестьянъ. „Во многихъ мѣстахъ, не говоря уже о массѣ осиротѣвшихъ семей, остаются несѣянными поля, а съ посѣянныхъ „некому будетъ собирать“, какъ часто слышится въ причитаньяхъ провожающихъ бабъ. Въ отвѣтъ на причитанья окружающихъ, публика угрюмо молчитъ, а у многихъ появляются слезы.

Настроеніе обывателя носитъ отпечатокъ растерянности: патріотическія ожиданія не сбылись, вѣра иссякла, а въ политическихъ перспективахъ онъ не искушенъ. Газетныя извѣстія и виды на будущее такъ спутаны, что на нихъ совершенно нельзя обосновываться и опытному. Квасные патріоты и тѣ могутъ говорить о войнѣ только отъ послѣдняго номера Суворина, взять же сразу два номера — это значитъ натолкнуться на противорѣчія и утратить какую бы то ни было точку опоры.

Буржуазія и чиновничество въ разговорахъ о войнѣ многозначительно отмалчиваются или пускаютъ реплики „по службѣ“. Опредѣленности въ сужденіяхъ и ожиданіяхъ нѣтъ и здѣсь — „съ одной стороны... и съ другой стороны“... вотъ чаще всего ихъ вялыя разсужденія.

Торговое сословіе кряхтитъ — товаръ нейдетъ, закрываетъ лавочку, но разсуждать объ этомъ опасается, лишь грузно вздыхаетъ и тоже отмалчивается. Но въ тѣсныхъ кружкахъ капитальной и чиновной буржуазіи передаются сплетни о связи съ гибелью „Петропавловска“ пребыванія на немъ князя Кирилла и его летучей оперетки, о выстрѣлѣ другого князя Бориса въ Куропаткина и о многихъ другихъ придворныхъ авантюрахъ. Но протеста, ни даже смягченія этихъ часто анекдотовъ не слышится, какъ бы дики они иной разъ ни были. Все то, что скандализируетъ священный домъ Романовыхъ, принимается на вѣру.

Но въ концѣ концовъ, все же больно и обидно смотрѣть, какъ запасъ, усталый, запыленный и обтрепанный, въ желтыхъ казенныхъ сапогахъ маршируетъ по улицамъ сборныхъ городовъ. Или онъ же, пьяный и плачущій кричитъ „ура“ изъ скотскихъ вагоновъ, проѣзжая мимо большой станціи. Это его „ура“ есть ничто иное, какъ желаніе заглушить въ себѣ внутренній протестъ противъ совершаемаго надъ нимъ насилія. Публика на эти крики молчитъ и разрушаетъ тѣмъ его вѣру въ дѣйствительность этого средства.

Двинскъ. Нынѣшняя война даетъ особенно обильную жатву всѣмъ хищникамъ, пріютившимся подъ сѣнью самодержавія. Недавно сюда прибыла партія жертвъ этихъ слугъ отечества.

---

[1]) На основаніи матеріаловъ, доставленныхъ редакціей „Czervony Standar“.

[2]) Въ 1895 г.

было пройти 15 лѣтъ келейной „административной“ расправы до новаго ихъ возрожденія, то, при умѣлой нашей тактикѣ, правительству, быть можетъ, будетъ достаточно 15-ти мѣсяцевъ чтобы убѣдиться въ обоюдоостромъ характерѣ вновь примѣняемаго имъ и заново отточеннаго оружія.

Судъ идетъ! Будемъ же готовы встрѣтить его во всеоружіи. Давая тысячамъ нашихъ товарищей, нынѣ сидящихъ по тюрьмамъ, полномочіе превратить судъ надъ ними въ судъ надъ самодержавіемъ и современнымъ общественнымъ порядкомъ, — будемъ готовить тотъ высшій судъ, передъ которымъ эти товарищи выступятъ въ роли обвинителей. Этотъ судъ будетъ судомъ „улицы“, и наше дѣло — мобилизовать политически эту „улицу“.

Л. М.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Военный судъ въ Варшавѣ [1].

2 августа н. ст. въ Варшавскомъ окружномъ военномъ судѣ началось разбирательство дѣла о вооруженномъ сопротивленіи, оказанномъ при нападеніи полиціи на типографію С.-Д. Ц. П. и Л. Обвиняются рабочій Марцинъ Каспржакъ и инженеръ Бенедиктъ Гурцманъ въ убійствѣ ротмистра Винничука, помощника пристава Ордановскаго и двухъ полицейскихъ. Составъ суда: предсѣдатель генералъ Стрѣльниковъ (тотъ самый, который отличился въ процессѣ „Пролетаріата“ въ 1885 г. и братъ того прокурора, который былъ въ 1882 г. убитъ Желваковымъ и Халтуринымъ) и судьи — лейбъ-гвардіи полковники: Богацкій, Пьечина, Гоффъ и Бояновскій. Обвиняетъ прокуроръ генералъ Мухинъ.

Оба обвиняемые имѣютъ защитниковъ въ лицѣ присяжныхъ повѣренныхъ: г.г. Патека и Кіенскаго изъ Варшавы и г. Андреевскаго изъ Петербурга.

Необходимо замѣтить, что въ самомъ началѣ дѣло направлено было въ окружной судъ, но спустя нѣкоторое время генералъ губернаторъ Чертковъ передалъ его въ военный судъ, а прокуратура подвела подсудимыхъ подъ дѣйствіе § 279 уст. военнаго судопроизводства, что равносильно смертному приговору: военный судъ именно и понадобился для того, чтобы на „законномъ основаніи“ воздвигнуть висѣлицы для Каспржака и Гурцмана.

Еще до начала судебнаго засѣданія, судьи собрались въ 9 ч. утра для обсужденія предложенія защиты, поставившей вопросъ о компетенціи военнаго суда въ этомъ дѣлѣ. Основываясь на новомъ законѣ, защита оспариваетъ въ данномъ случаѣ за военнымъ судомъ компетенцію. Военные судьи, тѣмъ не менѣе, рѣшаютъ, что это дѣло подсудное имъ. Начинается чтеніе обвинительнаго акта, содержаніе котораго въ общихъ чертахъ таково:

27 апрѣля с. г. на улицѣ Дворянской были убиты при исполненіи служебныхъ обязанностей: жандармскій ротмистръ Винничукъ, пом. пристава Ордановскій и двое полицейскихъ, третій же полицейскій тяжело раненъ. Виновными въ совершеніи этого преступленія оказываются члены партіи, извѣстной подъ названіемъ „Соціальдемократія Царства Польскаго и Литвы“: Марцинъ Каспржакъ, выдающій себя за Вильгельма Христіана Мейера и инженеръ-технологъ Бенедиктъ Гурцманъ. — Въ упомянутый день Каспржакъ пришелъ въ 9 часовъ утра въ квартиру Павляковъ и, удалившись въ отдѣльную комнату, занялся типографской работой. Спустя нѣкоторое время туда же явился бывшій студенъ политехническаго института Файнштейнъ, а вслѣдъ за нимъ Гурцманъ. Вскорѣ послѣ прихода Гурцмана Файнштейнъ вышелъ и былъ арестованъ на улицѣ, между тѣмъ какъ на улицу Дворскую отправлены были Винничукъ, Ордановскій и цѣлый нарядъ околоточныхъ и надзирателей. Пригласивши предварительно управляющаго домомъ, Винничукъ вмѣстѣ съ полицейскими ворвался въ квартиру Павлюковъ, а за тѣмъ и въ комнату, гдѣ находилась типографія.

Увидѣвши полицію, Каспржакъ закрылъ типографскій шрифтъ бумагой. Винничукъ захотѣлъ сорвать бумагу, но въ ту же минуту упалъ, сраженный пулей. Вторая пуля уложила на мѣстѣ Ордановскаго. Затѣмъ Каспржакъ выбѣжалъ въ сосѣднюю комнату и отсюда мѣткими выстрѣлами убилъ еще двухъ городовыхъ. Остальные городовые и околоточные, а такъ же и управляющій дома, въ числѣ свыше 10 человѣкъ, выбѣжали — одни на улицу, другіе во дворъ. Однако, одинъ городовой, Бовбіель, вернулся, бросился на Каспржака и повалилъ его на землю. Тогда Каспржакъ выстрѣлилъ въ него изъ револьвера и попалъ ему въ руку. Когда же Бовбіель вырвалъ у него револьверъ, Каспржакъ схватилъ ножъ, которымъ ранилъ Бовбіеля. Основываясь, исключительно на показаніяхъ Бовбіеля, обвинительный актъ признаетъ другого подсудимаго Гурцмана, соучастникомъ въ убійствѣ. На жандармскомъ слѣдствіи Бовбіель, который слыветъ силачемъ и которому не хотѣлось терять престижа въ этомъ отношеніи, утверждалъ, что вслѣдъ за тѣмъ, какъ онъ повалилъ Каспржака на землю, къ нему подскочилъ Гурцманъ, схватилъ его за воротъ и силою оттащилъ его, давши, такимъ образомъ, возможность высвободиться Каспржаку, который началъ ему, Бовбіелю, наносить раны ножомъ. На судѣ Бовбіель показываетъ совершено иначе: онъ не рѣшается-де навѣрное утверждать, что Гурцманъ оттащилъ его, онъ помнитъ только, какъ Гурцманъ „дернулъ“ его, а Гурцманъ могъ, конечно, „дернуть“, пробѣгая мимо него...

Приступаютъ къ допросу подсудимыхъ. Каспржакъ беретъ всю вину на себя, говоря, что онъ одинъ, безъ чьего бы то ни было содѣйствія, убилъ и ранилъ представителей жандармеріи и полиціи. Гурцманъ заявляетъ, что онъ уже два года считаетъ себя соціальдемократомъ, что полъ года тому назадъ, онъ сдѣлался дѣятельнымъ членомъ партіи С. Д.-Ц. П. и Л., въ рядахъ которой онъ работалъ съ полнымъ сознаніемъ, отдавая ей всѣ свои силы. Онъ, однако, категорически отрицаетъ показанія полицейскаго Бовбіеля, т. к. послѣ первыхъ же выстрѣловъ онъ перескочилъ черезъ тѣла убитыхъ и убѣжалъ, скорѣе даже слетѣлъ съ быстротою молніи по лѣстницѣ во дворъ, гдѣ и былъ схваченъ. — Это подтверждаютъ и другіе свидѣтели.

Второй день процесса начинается безконечно-длиннымъ объясненіемъ эксперта-хирурга, который въ теченіе трехъ часовъ излагаетъ мельчайшія подробности о всѣхъ ранахъ, нанесенныхъ *пяти* „представителямъ власти“. Послѣ этого защитникъ Каспржака представляетъ мотивированное предложеніе о необходимости медицинской экспертизы относительно психическаго состоянія его кліента. Прокуроръ Мухинъ, конечно, противится этому требованію защиты и въ раздраженіи кричитъ: „вѣдь Каспржакъ одинъ разъ уже былъ отданъ подъ наблюденіе психіатровъ [2] и воспользовался этимъ, чтобы убѣжать изъ заведенія“. На это прис. повѣрен. Патекъ возражаетъ: „Право, россійское правительство было бы достойно сожалѣнія, если бы оно не сумѣло услѣдить за однимъ душевно-больнымъ“. Военные судьи удаляются для обсужденія предложенія защиты и послѣ часового совѣщанія выносятъ рѣшеніе о назначеніи экспертизы для изслѣдованія душевнаго состоянія Каспржака. Это рѣшеніе, котораго никто не ожидалъ, вызываетъ общее изумленіе, а прокурора Мухина оно буквально приводитъ въ бѣшенство: „что вы сдѣлали — вопитъ онъ внѣ себя — „что случилось? Вы за это поплатитесь“! „Нѣтъ“, — отвѣчаетъ съ улыбкой Стрѣльниковъ, — „это рѣшеніе принято нами единогласно“: Въ виду такого постановленія суда, дальнѣйшій разборъ дѣла отложенъ впредь до окончанія экспертизы.

Поневолѣ *является* вопросъ, отчего военный судъ, приговоръ котораго несомнѣнно былъ предрѣшенъ, такъ внезапно перемѣнилъ тактику и сразу согласился на требованіе защитника. Фактъ передачи дѣла военному суду, назначеніе Стрѣльникова, набившаго руку въ подписываніи смертныхъ приговоровъ, предсѣдателемъ этого суда — все это безусловно свидѣтельствовало объ опредѣленномъ намѣреніи правительства круто расправиться съ двумя попавшимися въ его лапы революціонерами. Явившееся для всѣхъ полной неожиданностью „единогласное рѣшеніе“ заставляетъ полагать, что въ самый послѣдній моментъ судъ почувствовалъ нѣкоторое колебаніе и радъ былъ ухватиться за первую возможность, чтобы отложить дѣло не для выясненія умственныхъ способностей Каспржака, а до тѣхъ поръ, пока выяснится „курсъ“ внутренней политики, выбитой въ данную минуту изъ колеи взрывомъ бомбы 15-го іюля...

Вся Варшава, и въ особенности рабочая Варшава, съ крайнимъ возбужденіемъ прислушивается ко всѣмъ перипетіямъ этого политическаго процесса; вѣдь герой послѣдняго, тов. Каспржакъ, въ исторіи польскаго соціалистическаго движенія игралъ выдающуюся роль; это имя хорошо знакомо рабочимъ Польши! Жизнь Каспржака — это жизнь неутомимаго революціонера-рабочаго. Уже 20 лѣтъ тому назадъ, какъ прусскій подданный, онъ началъ работать для дѣла соціализма въ Познани, въ тѣ времена, когда нѣмецкая соціальдемократія находилась подъ тяжелымъ гнетомъ исключительныхъ законовъ. Приговоренный въ 1887 году познанскимъ судомъ къ тюремному заключенію, онъ удачно спасается бѣгствомъ изъ прусской тюрьмы и отправляется въ Варшаву; въ Варшавѣ въ продолженіе пяти лѣтъ онъ является однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ агитаторовъ тогдашней соціалистической партіи „Пролетаріатъ“. Въ 1893 году онъ попадается въ цѣпкія руки варшавскихъ жандармовъ, которые держатъ его цѣлыхъ два съ пол. года въ цитадели; вслѣдствіе нервнаго разстройства, его переводятъ, наконецъ, въ больницу Яна Божія. Неутомимый революціонеръ перепиливаетъ здѣсь желѣзную рѣшетку и бѣжитъ за границу въ Германію. Едва вырвавшись изъ когтей царской полиціи, онъ скоро очутился въ лапахъ прусскаго правительства, которое не забыло ему его бѣгства изъ познанской тюрмы и заставляетъ отсидѣть весь назначенный по суду срокъ, хотя исключительные законы давно уже уничтожены. Выбравшись на волю, Каспржакъ снова начинаетъ агитацію въ Познани, съ энтузіазмомъ отдается дѣлу организаціи рабочихъ, и въ 1901 году познанскіе рабочіе ставятъ его кандидатуру во время дополнительныхъ выборовъ въ парламентъ. Наконецъ, въ 1904 году, уже въ высшемъ градусѣ чахотки, Каспржакъ ѣдетъ въ Варшаву, чтобы отдать послѣдній остатокъ своихъ силъ С.-Д. Ц. П. и Л. И здѣсь, какъ всегда, на посту, въ партійной типографіи, разыгрался послѣдній кровавый актъ 20-лѣтней революціонной борьбы...

Каспржакъ имѣлъ непримиримыхъ враговъ не только въ лицѣ прусскихъ и русскихъ жандармовъ; гораздо болѣе коварными врагами, отравлявшими послѣдніе 12 лѣтъ его жизни — были политическіе противники! Гнусная клевета, сознательно распространяемая, преслѣдовала его повсюду! По поводу этихъ позорныхъ инсинуацій поднимаетъ голосъ въ своей прокламаціи къ рабочимъ Цен. Ком. П. С.-Д. „Противъ всякой очевидности люди, тоже называющіе себя соціалистами, повторяли на всѣ лады свою клевету въ теченіе 12 лѣтъ, доносили на Каспржака, какъ на человѣка, якобы имѣющаго связи съ полиціей, въ польской и нѣмецкой печати, въ своихъ грязныхъ журналахъ и газетахъ. Еще недавно когда Каспржакъ отправился въ Варшаву, чтобы еще разъ выступить на борьбу съ самодержавіемъ, эти люди снова закидали его грязью въ галиційскихъ газетахъ называя его воромъ. Всего за четыре дня до послѣдняго драматическаго ареста Каспржака, какой-то негодяй писалъ въ буржуазной варшавской „Правдѣ“, будто Каспржакъ бѣжалъ изъ Познани изъ за мошенническихъ продѣлокъ. Товарищи! Ошибаться можетъ всякій человѣкъ и всякая партія. Но тутъ не было ошибки. Тутъ совершено было гнусное моральное убійство съ холоднымъ разсчетомъ, что если не инымъ какимъ-нибудь, такъ этимъ путемъ устраненъ будетъ политическій противникъ, обладавшій вліяніемъ на рабочіе массы и неутомимой энергіей.. Но въ защиту Каспржака подняли немедленно голосъ всѣ сознательные рабочіе Варшавы, протестовали рабочіе Бреславля и Познани; Каспржакъ нашелъ защитниковъ въ лицѣ соціалистовъ русскихъ, въ лицѣ вожаковъ германской соціальдемократіи, главное управленіе которой призвало еще въ 1901 году клеветниковъ Каспржака на судъ, и когда послѣдніе не были въ состояніи представить ни малѣйшаго довода, выразило имъ свое публичное презрѣніе. И нынѣ этотъ судъ царскихъ жандармовъ надъ Каспржакомъ является одновременно и *судомъ надъ нравственной гнилью соціальпатріотовъ*“.

Въ воскресенье 7-го августа, въ 10 часовъ утра варшавскіе рабочіе устроили демонстрацію въ честь Каспржака. Выставивши красное знамя съ надписями: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ Каспржакъ!“, „Да здравствуетъ С. Д. Ц. П. Л!“ — демонстранты пошли по направленію къ зданію военнаго суда и дошли до Краковскаго предмѣстья. Во время шествія демонстранты разбрасывали среди публики прокламаціи изданныя П. С.-Д. Арестовано нѣсколько человѣкъ.

Съ театра войны. Какъ подготовлялся разгромъ. Городъ Дальній, теперь занятый японцами, строился молодымъ инженеромъ путей сообщенія, получившимъ это порученіе, благодаря протекціи своей жены, дочери генеральнаго полководца. Онъ былъ снабженъ высшими полномочіями и десятками милліоновъ руб.

Помощникомъ его состоялъ инжинеръ путей сообщенія Тимъ.

На мѣстѣ теперешняго Дальняго стояли японскія фанзы; ихъ срыли, склонъ горы сравняли и стали строить городъ — склады, конторы, казармы, портъ, дома для всякихъ чиновъ, клубы, кафе-шантаны... но, казалось, послѣднюю заботу составляли укрѣпленія. Городъ росъ и ждалъ жителей. Инженеры со своими женами и содержанками наѣзжали изъ Портъ-Артура кутить и, не зная чѣмъ превзойти прежнія попойки, часто садились среди улицы и на глазахъ снующихъ рабочихъ забавлялись фонтанами изъ шампанскихъ бутылокъ; потомъ возвращались въ Артуръ и тогда городовые метались подъ окнами ресторана, прося публику держаться подальше, такъ-какъ градоначальникъ Артура и строители Дальняго гуляютъ, а у нихъ привычка пустыя бутылки выбрасывать черезъ окна, разбивая стекла въ рамахъ“.

Широкая жизнь „строителей“ вошла въ поговорку, хищеніе возведено было въ открытое правило. Любовница Тима была центромъ веселой беззаботной жизни, она щедро угощала блестящее общество „строителей“ и сама утопала въ роскоши и лести. Она просила Тима дать мѣсто ея брату. Его выписали и дали ему мѣсто смотрителя складовъ съ окладомъ жалованья въ 100 рублей въ мѣсяцъ, увѣряя его, что мѣсто это — золотое дно. Новый смотритель оказался честнымъ молодымъ человѣкомъ; онъ усердно служилъ, но всегда передъ 20 числомъ приходилъ къ своей сестрѣ перехватить до получки, жалуясь, что жизнь въ Артурѣ страшно дорога, особенно въ обществѣ „строителей“. Сестра обращается съ просьбою къ Тиму, чтобы далъ ему лучшее мѣсто. „Да, отвѣчаетъ Тимъ, я и то хотѣлъ тебѣ сказать, что переведу его на много худшее мѣсто, хотя и съ большимъ жалованьемъ!“ — „Ты имъ недоволенъ?“ — Нѣтъ, онъ очень аккуратенъ и много работаетъ, но зря занимаетъ мѣсто; на этомъ мѣстѣ другой обезпечилъ бы себя, а онъ даромъ его занимаетъ“. Честный молодой человѣкъ былъ переведенъ подальше отъ отвѣтственнаго дѣла, а на его мѣсто назначенъ извѣстный воръ.

Городъ былъ построенъ и Тимъ поѣхалъ въ Петербургъ. Оттуда онъ просилъ полицію очистить его квартиру отъ его бывшей любовницы и охранять ее. Онъ вернулся съ молодой женой, которую окружилъ царскою роскошью. Однако, общественное мнѣніе рѣшило, что ей не удалось перещеголять въ роскоши жену Сахарова.

Судебный слѣдователь по особоважнымъ дѣламъ явился къ Тиму и предложилъ ему обезпечить женщину, девять лѣтъ бывшую хозяйкою его дома, а теперь живущую въ крайней нуждѣ, конторщицей въ небольшомъ магазинѣ. Тимъ отвѣтилъ что онъ не можетъ содержать всѣхъ женщинъ, съ которыми онъ былъ въ связи.

Девизъ служащихъ и промышляющихъ на Дальнемъ Востокѣ былъ — нажива. Для нее всѣ готовы были все продать и совѣсть и родину. Это были дѣйствительные „враги Россіи“, а рядомъ съ ними жили толпы озлобленныхъ на русское правительство иновѣрцевъ и инородцевъ, аборигеновъ Квантунга. Вотъ кто долженъ былъ обезпечить Россіи „оборону ея интересовъ отъ коварнаго японца“! Не мудрено, что оборона была подготовлена такъ блестяще.

Здѣсь процвѣтало „Общество Восточно-Азіатской Компаніи“. Запросто его моряки зовутъ „Датскимъ Обществомъ“. Шефомъ его и главнымъ пайщикомъ состоитъ Марія Ѳеодоровна. Всѣ лучшія мѣста этого общества и мѣста капитановъ всѣхъ пароходовъ были заняты датчанами и чухонцами. Они открыто говорили: „что-же, что мы плаваемъ подъ русскимъ флагомъ! Мы не русскіе“. Въ настоящее время въ русскомъ консульствѣ въ Шанхаѣ ведется слѣдствіе по дѣлу, произведшему сильное впечатлѣніе на Дальнемъ Востокѣ. Наканунѣ перваго нападенія японской эскадры на Портъ-Артуръ, изъ Шанхая вышелъ пароходъ Восточно-Азіатской Компаніи — Манчжурія (не смѣшивать съ пароходомъ того же имени Восточно-Китайской желѣзной дороги.) Капитанъ и вся каютъ-кампанія — датчане. Грузъ — важные боевые припасы. Пароходъ получилъ приказаніе идти наискорѣйшимъ ходомъ въ Портъ-Артуръ. Теперь обнаружено, что имѣя возможность идти шесть миль въ часъ, пароходъ шелъ со скоростью полъ мили въ часъ; увидѣвъ въ открытомъ море группу русскихъ судовъ, „Манчжурія“ свернула со своего пути и скрылась отъ нихъ, а когда встрѣтила японскую эскадру, направилась прямо къ ней и сдалась.

Съ Востока. Безпрерывная ѣзда въ теченіе трехъ мѣсяцевъ на территоріи между Кишиневомъ и Челябинскомъ, Петербургомъ и Астраханью, въ вагонахъ и на пароходахъ, оставляетъ очень опредѣленное впечатлѣніе. Совсѣмъ ужъ не такъ у насъ благополучно и патріотично, какъ можно было бы предполагать, даже не придавая значенія нововременскимъ старьевщикамъ и ихъ заявленіямъ о готовности жертвовать. Три мѣсяца назадъ говорили о войнѣ безъ внутренняго раздраженія, какъ о самой обыкновенной злобѣ дня; слышалась и увѣренность въ нашей непобѣдимости и желаніе показать японцу, что мы не кое-кто, терпѣливы, великодушны, но справедливы, и хоть накажемъ за дерзость, но потомъ и помилуемъ — всякому жить надобно. Такого настроенія теперь нѣтъ и помину. Плачъ и стонъ стоитъ на востокѣ Руси: мобилизуютъ запасъ. Плачутъ матери, жены, дѣти; нерѣдко реветъ бѣлугой и самъ запасъ, а если не реветъ, то старается пить возможно больше, чтобы хоть этимъ возстановить нарушенное равновѣсіе. По Вяземской и Самарской дорогамъ невозможно ѣздить ввиду скопленія запасныхъ, провожающихъ, пьянства и слезъ, не говоря уже о томъ, что количество подвижного состава сведено до минимума и ѣдутъ какъ сельди въ бочкѣ. Кругомъ разсказы о томъ или иномъ злоупотребленіи Кр. Креста съ обычными, разумѣется, обывательскими прибавленіями, принимающими форму сплетни. Часто слышатся разсказы о той или иной осиротѣвшей семьѣ и объ отсутствіи ей помощи, несмотря на обѣщанія начальства, причемъ вѣры этому послѣднему не замѣтно и на ломаный грошъ. Разсказываютъ о томъ или иномъ случаѣ самоубійства запасныхъ, которые должны были оставить на улицѣ своихъ малыхъ дѣтей и получили отъ начальства обѣщаніе для нихъ крупы, муки и пр., а они просили ухода... Нескрываемый скептицизмъ по адресу неудобствъ перевозки солдатъ въ скотскихъ вагонахъ и ихъ достаточнаго продовольствія.

Оставшаяся безъ варіацій исторія гибели въ самомъ началѣ войны чуть ли не половины флота теперь снова всплываетъ въ сознаніи и получаетъ опредѣленную окраску.

Недовѣріе къ властямъ, чиновникамъ, начальству полное; надеждъ на батющку царя не слышно. Слухи о томъ, что онъ долженъ появиться въ Пензѣ, Самарѣ, Оренбургѣ для благословенія, волнуетъ больше нелегальныхъ и поднадзорныхъ, чѣмъ обывателя. При мобилизаціи, разумѣется, вскрываются всевозможныя злоупотребленія на этой почвѣ. Въ Самарѣ побили полицію во главѣ съ полиціймейстеромъ за то, что нѣкоторые капиталисты изъ запаса были заблаговременно записаны въ околодочные. Архіерея перевели (сверху) за продажу такимъ же запаснымъ мѣстъ псаломщиковъ; но потребность публичнаго порицанія, свойственную толпѣ, удовлетворить нельзя.

Въ Уральскѣ волновались пролетаріи-казаки по поводу покупки капиталистами замѣстителей. Въ Оренбургѣ то же самое. Разные слои, разумѣется, относятся къ войнѣ различно, но это различіе заключается лишь въ интенсивности отношенія къ войнѣ, а не въ характерѣ этого отношенія: послѣднее всегда и у всѣхъ, кромѣ, кажется, служителей алтаря, отрицательное.

Все то, что раньше скользило по сознанію, лишь оставляя слѣдъ, но не останавливая вниманія, всѣ тѣ жизненныя мелочи изъ которыхъ, при ихъ разрозненности и отсутствіи логической связи, нельзя было вынести какого либо заключенія, теперь припоминаются, группируются, составляютъ цѣлыя опредѣленныя картины. Тѣ классовыя противорѣчія, которыя раньше были замѣтны идеологамъ, а въ жизни складывались по мелочамъ и незамѣтно, теперь вырисовываются во всей своей неприкрашенности. Разсужденія о войнѣ всегда подчеркиваютъ характерную классовую точку зрѣнія говорящаго именно потому, что разсужденія эти инстинктивны въ силу яркости и напряженности переживаемаго момента. Наибольшее отчаяніе съ примѣсью (мнѣ казалось) неопредѣленаго раздраженія и сдерживаемаго озлобленія наблюдается среди крестьянъ. „Во многихъ мѣстахъ, не говоря уже о массѣ осиротѣвшихъ семей, остаются несѣянными поля, а съ посѣянныхъ „некому будетъ собирать“, какъ часто слышится въ причитаньяхъ провожающихъ бабъ. Въ отвѣтъ на причитанья окружающихъ, публика угрюмо молчитъ, а у многихъ появляются слезы.

Настроеніе обывателя носитъ отпечатокъ растерянности: патріотическія ожиданія не сбылись, вѣра изсякла, а въ политическихъ перспективахъ онъ не искушенъ. Газетныя извѣстія и виды на будущее такъ спутаны, что на нихъ совершенно нельзя обосновываться и опытному. Квасные патріоты и тѣ могутъ говорить о войнѣ только отъ послѣдняго номера Суворина, взять же сразу два номера — это значитъ натолкнуться на противорѣчія и утратить какую бы то ни было точку опоры.

Буржуазія и чиновничество въ разговорахъ о войнѣ многозначительно отмалчиваются или пускаютъ реплики „по службѣ“. Опредѣленности въ сужденіяхъ и ожиданіяхъ нѣтъ и здѣсь — „съ одной стороны... и съ другой стороны“... вотъ чаще всего ихъ вялыя разсужденія.

Торговое сословіе кряхтитъ — товаръ нейдетъ, закрываетъ лавочку, но разсуждать объ этомъ опасается, лишь грузно вздыхаетъ и тоже отмалчивается. Но въ тѣсныхъ кружкахъ капитальной и чиновной буржуазіи передаются сплетни о связи съ гибелью „Петропавловска“ пребыванія на немъ князя Кирилла и его летучей оперетки, о выстрѣлѣ другого князя Бориса въ Куропаткина и о многихъ другихъ придворныхъ авантюрахъ. Но протеста, ни даже смягченія этихъ часто анекдотовъ не слышится, какъ бы дики они иной разъ ни были. Все то, что скандализируетъ священный домъ Романовыхъ, принимается на вѣру.

Но въ концѣ концовъ, все же больно и обидно смотрѣть, какъ запасъ, усталый, запыленный и обтрепанный, въ желтыхъ казенныхъ сапогахъ маршируетъ по улицамъ сборныхъ городовъ. Или онъ же, пьяный и плачущій кричитъ „ура“ изъ скотскихъ вагоновъ, проѣзжая мимо большой станціи. Это его „ура“ есть ничто иное, какъ желаніе заглушить въ себѣ внутренній протестъ противъ совершаемаго надъ нимъ насилія. Публика на эти крики молчитъ и разрушаетъ тѣмъ его вѣру въ дѣйствительность этого средства.

Двинскъ. Нынѣшняя война даетъ особенно обильную жатву всѣмъ хищникамъ, пріютившимся подъ сѣнью самодержавія. Недавно сюда прибыла партія жертвъ этихъ слугъ отечества.

---

[1] На основаніи матеріаловъ, доставленныхъ редакціей „Czervony Standar“.

[2] Въ 1895 г.

было пройти 15 лѣтъ келейной „административной“ расправы до новаго ихъ возрожденія, то, при умѣлой нашей тактикѣ, правительству, быть можетъ, будетъ достаточно 15-ти мѣсяцевъ чтобы убѣдиться въ обоюдоостромъ характерѣ вновь примѣняемаго имъ и заново отточеннаго оружія.

Судъ идетъ! Будемъ же готовы встрѣтить его во всеоружіи. Давая тысячамъ нашихъ товарищей, нынѣ сидящихъ по тюрьмамъ, полномочіе превратить судъ надъ ними въ судъ надъ самодержавіемъ и современнымъ общественнымъ порядкомъ, — будемъ готовить тотъ высшій судъ, передъ которымъ эти товарищи выступятъ въ роли обвинителей. Этотъ судъ будетъ судомъ „улицы“, и наше дѣло — мобилизовать политически эту „улицу“.

Л. М.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Военный судъ въ Варшавѣ[1].

2 августа н. ст. въ Варшавскомъ окружномъ военномъ судѣ началось разбирательство дѣла о вооруженномъ сопротивленіи, оказанномъ при нападеніи полиціи на типографію С.-Д. Ц. П. и Л. Обвиняются рабочій Марцинъ Каспржакъ и инженеръ Бенедиктъ Гурцманъ въ убійствѣ ротмистра Винничука, помощника пристава Ордановскаго и двухъ полицейскихъ. Составъ суда: предсѣдатель генералъ Стрѣльниковъ (тотъ самый, который отличился въ процессѣ „Пролетаріата“ въ 1885 г. и братъ того прокурора, который былъ въ 1882 г. убитъ Желваковымъ и Халтуринымъ) и судьи — лейбъ-гвардіи полковники: Богацкій, Пьечина, Гоффъ и Бояновскій. Обвиняетъ прокуроръ генералъ Мухинъ.

Оба обвиняемые имѣютъ защитниковъ въ лицѣ присяжныхъ повѣренныхъ: г.г. Патека и Кіенскаго изъ Варшавы и г. Андреевскаго изъ Петербурга.

Необходимо замѣтить, что въ самомъ началѣ дѣло направлено было въ окружной судъ, но спустя нѣкоторое время генералъ-губернаторъ Чертковъ передалъ его въ военный судъ, а прокуратура подвела подсудимыхъ подъ дѣйствіе § 279 уст. военнаго судопроизводства, что равносильно смертному приговору: военный судъ именно и понадобился для того, чтобы на „законномъ основаніи“ воздвигнуть висѣлицы для Каспржака и Гурцмана.

Еще до начала судебнаго засѣданія, судьи собрались въ 9 ч. утра для обсужденія предложенія защиты, поставившей вопросъ о компетенціи военнаго суда въ этомъ дѣлѣ. Основываясь на новомъ законѣ, защита оспариваетъ въ данномъ случаѣ за военнымъ судомъ компетенцію. Военные судьи, тѣмъ не менѣе, рѣшаютъ, что это дѣло подсудное имъ. Начинается чтеніе обвинительнаго акта, содержаніе котораго въ общихъ чертахъ таково:

27 апрѣля с. г. на улицѣ Дворянской были убиты при исполненіи служебныхъ обязанностей: жандармскій ротмистръ Винничукъ, пом. пристава Ордановскій и двое полицейскихъ, третій же полицейскій тяжело раненъ. Виновными въ совершеніи этого преступленія оказываются члены партіи, извѣстной подъ названіемъ „Соціальдемократія Царства Польскаго и Литвы“: Марцинъ Каспржакъ, выдающій себя за Вильгельма Христіана Мейера и инженеръ-технологъ Бенедиктъ Гурцманъ. — Въ упомянутый день Каспржакъ пришелъ въ 9 часовъ утра въ квартиру Павлякова и, удалившись въ отдѣльную комнату, занялся типографской работой. Спустя нѣкоторое время туда же явился бывшій студентъ политехническаго института Файнштейнъ, а вслѣдъ за нимъ Гурцманъ. Вскорѣ послѣ прихода Гурцмана Файнштейнъ вышелъ и былъ арестованъ на улицѣ, между тѣмъ какъ на улицу Дворскую отправлены были Винничукъ, Ордановскій и цѣлый нарядъ околоточныхъ и надзирателей. Пригласивши предварительно управляющаго домомъ, Винничукъ вмѣстѣ съ полицейскими ворвался въ квартиру Павлюкова, а за тѣмъ и въ комнату, гдѣ находилась типографія.

Увидѣвши полицію, Касаржакъ закрылъ типографскій шрифтъ бумагой. Винничукъ захотѣлъ сорвать бумагу, но въ ту же минуту упалъ, сраженный пулей. Вторая пуля уложила на мѣстѣ Ордановскаго. Затѣмъ Касаржакъ выбѣжалъ въ сосѣднюю комнату и оттуда мѣткими выстрѣлами убилъ еще двухъ городовыхъ. Остальные городовые и околоточные, а также и управляющій дома, въ числѣ свыше 10 человѣкъ, выбѣжали — одни на улицу, другіе во дворъ. Однако, одинъ городовой, Бовбіель, вернулся, бросился на Каспржака и повалилъ его на землю. Тогда Каспржакъ выстрѣлилъ въ него изъ револьвера и попалъ ему въ руку. Когда же Бовбіель вырвалъ у него револьверъ, Каспржакъ схватилъ ножъ, которымъ ранилъ Бовбіеля. Основываясь, исключительно на показаніяхъ Бовбіеля, обвинительный актъ признаетъ другого подсудимаго Гурцмана, соучастникомъ въ убійствѣ. На жандармскомъ слѣдствіи Бовбіель, который слыветъ силачемъ и которому не хотѣлось терять престижа въ этомъ отношеніи, утверждалъ, что вслѣдъ за тѣмъ, какъ онъ повалилъ Касаржака на землю, къ нему подскочилъ Гурцманъ, схватилъ его за воротъ и силою оттащилъ его, давши, такимъ образомъ, возможность высвободиться Каспржаку, который началъ ему, Бовбіелю, наносить раны ножомъ. На судѣ Бовбіель показываетъ совершено иначе: онъ не рѣшается-де навѣрное утверждать, что Гурцманъ оттащилъ его, онъ помнитъ только, какъ Гурцманъ „дернулъ“ его, а Гурцманъ могъ, конечно, „дернуть“, пробѣгая мимо него...

Приступаютъ къ допросу подсудимыхъ. Каспржакъ беретъ всю вину на себя, говоря, что онъ одинъ, безъ чьего бы то ни было содѣйствія, убилъ и ранилъ представителей жандармеріи и полиціи. Гурцманъ заявляетъ, что онъ уже два года считаетъ себя соціальдемократомъ, что полъ года тому назадъ, онъ сдѣлался дѣятельнымъ членомъ партіи С.-Д.-Ц. П. и Л., въ рядахъ которой онъ работалъ съ полнымъ сознаніемъ, отдавая ей всѣ свои силы. Онъ, однако, категорически отрицаетъ показанія полицейскаго Бовбіеля, т. к. послѣ первыхъ же выстрѣловъ онъ перескочилъ черезъ тѣла убитыхъ и убѣжалъ, скорѣе даже слетѣлъ съ быстротою молніи по лѣстницѣ во дворъ, гдѣ и былъ схваченъ. — Это подтверждаютъ и другіе свидѣтели.

Второй день процесса начинается безконечно длиннымъ объясненіемъ эксперта-хирурга, который въ теченіе трехъ часовъ излагаетъ мельчайшія подробности о всѣхъ ранахъ, нанесенныхъ пяти „представителямъ власти“. Послѣ этого защитникъ Каспржака представляетъ мотивированное предложеніе о необходимости медицинской экспертизы относительно психическаго состоянія его кліента. Прокуроръ Мухинъ, конечно, противится этому требованію защиты и въ раздраженіи кричитъ: „вѣдь Каспржакъ одинъ разъ уже былъ отданъ подъ наблюденіе психіатровъ[2] и воспользовался этимъ, чтобы убѣжать изъ заведенія“. На это прис. повѣрен. Патекъ возражаетъ: „Право, россійское правительство было бы достойно сожалѣнія, если бы оно не сумѣло услѣдить за однимъ душевно больнымъ“. Военные судьи удаляются для обсужденія предложенія защиты и послѣ часового совѣщанія выносятъ рѣшеніе о назначеніи экспертизы для изслѣдованія душевнаго состоянія Каспржака. Это рѣшеніе, котораго никто не ожидалъ, вызываетъ общее изумленіе, а прокурора Мухина оно буквально приводитъ въ бѣшенство: „что вы сдѣлали — вопитъ онъ внѣ себя — что случилось? Вы за это поплатитесь“! „Нѣтъ“, — отвѣчаетъ съ улыбкой Стрѣльниковъ, — „это рѣшеніе принято нами единогласно“. Въ виду такого постановленія суда, дальнѣйшій разборъ дѣла отложенъ впредь до окончанія экспертизы.

Поневолѣ является вопросъ, отчего военный судъ, приговоръ котораго несомнѣнно былъ предрѣшенъ, такъ внезапно перемѣнилъ тактику и сразу согласился на требованіе защитника. Фактъ передачи дѣла военному суду, назначеніе Стрѣльникова, набившаго руку въ подписываніи смертныхъ приговоровъ, предсѣдателемъ этого суда — все это безусловно свидѣтельствовало объ опредѣленномъ намѣреніи правительства круто расправиться съ двумя попавшимися въ его лапы революціонерами. Явившееся для всѣхъ полной неожиданностью „единогласное рѣшеніе“ заставляетъ полагать, что въ самый послѣдній моментъ судъ почувствовалъ нѣкоторое колебаніе и радъ былъ ухватиться за первую возможность, чтобы отложить дѣло не для выясненія умственныхъ способностей Каспржака, а до тѣхъ поръ, пока выяснится „курсъ“ внутренней политики, выбитой въ данную минуту изъ колеи взрывомъ бомбы 15-го іюля...

Вся Варшава, и въ особенности рабочая Варшава, съ крайнимъ возбужденіемъ прислушивается ко всѣмъ перипетіямъ этого политическаго процесса; вѣдь герой послѣдняго, тов. Каспржакъ, въ исторіи польскаго соціалистическаго движенія игралъ выдающуюся роль; это имя хорошо знакомо рабочимъ Польши! Жизнь Каспржака — это жизнь неутомимаго революціонера-рабочаго. Уже 20 лѣтъ тому назадъ, какъ прусскій подданный, онъ началъ работать для дѣла соціализма въ Познани, въ тѣ времена, когда нѣмецкая соціальдемократія находилась подъ тяжелымъ гнетомъ исключительныхъ законовъ. Приговоренный въ 1887 году познанскимъ судомъ къ тюремному заключенію, онъ удачно спасается бѣгствомъ изъ прусской тюрьмы и отправляется въ Варшаву; въ Варшавѣ въ продолженіе пяти лѣтъ онъ является однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ агитаторовъ тогдашней соціалистической партіи „Пролетаріатъ“. Въ 1893 году онъ попадается въ цѣпкія руки варшавскихъ жандармовъ, которые держатъ его цѣлыхъ два съ пол. года въ цитадели; вслѣдствіе нервнаго разстройства, его переводятъ, наконецъ, въ больницу Яна Божія. Неутомимый революціонеръ перепиливаетъ здѣсь желѣзную рѣшетку и бѣжитъ за границу въ Германію. Едва вырвавшись изъ когтей царской полиціи, онъ скоро очутился въ лапахъ прусскаго правительства, которое не забыло ему его бѣгства изъ познанской тюрьмы и заставляетъ отсидѣть весь назначенный по суду срокъ, хотя исключительные законы давно уже уничтожены. Выбравшись на волю, Каспржакъ снова начинаетъ агитацію въ Познани, съ энтузіазмомъ отдается дѣлу организаціи рабочихъ, и въ 1901 году познанскіе рабочіе ставятъ его кандидатуру во время дополнительныхъ выборовъ въ парламентъ. Наконецъ, въ 1904 году, уже въ высшемъ градусѣ чахотки, Каспржакъ ѣдетъ въ Варшаву, чтобы отдать послѣдній остатокъ своихъ силъ С.-Д. Ц. П. и Л. И здѣсь, какъ всегда, на посту, въ партійной типографіи, разыгрался послѣдній кровавый актъ 20-лѣтней революціонной борьбы...

„Каспржакъ имѣлъ непримиримыхъ враговъ не только въ лицѣ прусскихъ и русскихъ жандармовъ: гораздо болѣе коварными врагами, отравлявшими послѣдніе 12 лѣтъ его жизни — были политическіе противники! Гнусная клевета, сознательно распространяемая, преслѣдовала его повсюду! По поводу этихъ позорныхъ инсинуацій поднимаетъ голосъ въ своей прокламаціи къ рабочимъ Цен. Ком. П. С.-Д.: „Противъ всякой очевидности люди, тоже называющіе себя соціалистами, повторяли на всѣ лады свою клевету въ теченіе 12 лѣтъ, доносили на Каспржака, какъ на человѣка, якобы имѣющаго связи съ полиціей, въ польской и нѣмецкой печати, въ своихъ грязныхъ журналахъ и газетахъ. Еще недавно когда Каспржакъ отправился въ Варшаву, чтобы еще разъ выступить на борьбу съ самодержавіемъ, эти люди снова закидали его грязью въ галиційскихъ газетахъ называя его воромъ. Всего за четыре дня до послѣдняго драматическаго ареста Каспржака, какой-то негодяй писалъ въ буржуазной варшавской „Правдѣ“, будто Каспржакъ бѣжалъ изъ Познани изъ-за мошенническихъ продѣлокъ. Товарищи! Ошибаться можетъ всякій человѣкъ и всякая партія. Но тутъ не было ошибки. Тутъ совершено было гнусное моральное убійство съ холоднымъ разсчетомъ, что если не инымъ какимъ-нибудь, такъ этимъ путемъ устраненъ будетъ политическій противникъ, обладавшій вліяніемъ на рабочіе массы и неутомимой энергіей. Но въ защиту Каспржака подняли немедленно голосъ всѣ сознательные рабочіе Варшавы, протестовали рабочіе Бреславля и Познани; Каспржакъ нашелъ защитниковъ въ лицѣ соціалистовъ русскихъ, въ лицѣ вождей германской соціальдемократіи, главное управленіе которой призвало еще въ 1901 году клеветниковъ Каспржака на судъ, и когда послѣдніе не были въ состояніи представить ни малѣйшаго довода, выразило имъ свое публичное презрѣніе. И нынѣ этотъ судъ царскихъ жандармовъ надъ Каспржакомъ является одновременно и *судомъ надъ нравственной гнилью соціальпатріотовъ*“.

Въ воскресенье 7-го августа, въ 10 часовъ утра варшавскіе рабочіе устроили демонстрацію въ честь Каспржака. Выставивши красное знамя съ надписями: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ Каспржакъ!“, „Да здравствуетъ С.-Д. Ц. П. и Л.!“ — демонстранты пошли по направленію къ зданію военнаго суда и дошли до Краковскаго предмѣстья. Во время шествія демонстранты разбрасывали среди публики прокламаціи изданныя П. С.-Д. Арестовано нѣсколько человѣкъ.

Съ театра войны. Какъ подготовлялся разгромъ. Городъ Дальній, теперь занятый японцами, строился молодымъ инженеромъ путей сообщенія, получившимъ это порученіе, благодаря протекціи своей жены, дочери генеральнаго полководца. Онъ былъ снабженъ высшими полномочіями и десятками милліоновъ руб.

Помощникомъ его состоялъ инженеръ путей сообщенія Тимъ.

На мѣстѣ теперешняго Дальняго стояли японскія фанзы; ихъ срыли, склонъ горы сравняли и стали строить городъ — склады, конторы, казармы, портъ, дома для всякихъ чиновъ, клубы, кафе-шантаны... не, казалось, послѣднюю заботу составляли укрѣпленія. Городъ росъ и ждалъ жителей. Инженеры со своими женами и содержанками наѣзжали изъ Портъ-Артура кутить и, не зная чѣмъ превзойти прежнія попойки, часто садились среди улицы и на глазахъ снующихъ рабочихъ забавлялись фонтанами изъ шампанскихъ бутылокъ, потомъ возвращались въ Артуръ и тогда городовые метались подъ окнами ресторана, прося публику держаться подальше, такъ-какъ градоначальникъ Артура и строители Дальняго гуляютъ, а у нихъ привычка пустыя бутылки выбрасывать черезъ окна, разбивая стекла въ рамахъ“.

Широкая жизнь „строителей“ вошла въ поговорку, хищеніе возведено было въ открытое правило. Любовница Тима была центромъ веселой беззаботной жизни, она щедро угощала блестящее общество „строителей“ и сама утопала въ роскоши и лести. Она просила Тима дать мѣсто ея брату. Его выписали и дали ему мѣсто смотрителя складовъ съ окладомъ жалованья въ 100 рублей въ мѣсяцъ, увѣряя его, что мѣсто это — золотое дно. Новый смотритель оказался честнымъ молодымъ человѣкомъ; онъ усердно служилъ, но всегда передъ 20 числомъ приходилъ къ своей сестрѣ перехватить до получки, жалуясь, что жизнь въ Артурѣ страшно дорога, особенно въ обществѣ „строителей“. Сестра обращается съ просьбою къ Тиму, чтобы далъ ему лучшее мѣсто. „Да, отвѣчаетъ Тимъ, я и то хотѣлъ тебѣ сказать, что переведу его на много худшее мѣсто, хотя и съ большимъ жалованьемъ!“ — „Ты имъ недоволенъ?“ — „Нѣтъ, онъ очень аккуратенъ и много работаетъ, но зря занимаетъ мѣсто; на этомъ мѣстѣ другой обезпечилъ бы себя, а онъ даромъ его занимаетъ“. Честный молодой человѣкъ былъ переведенъ подальше отъ отвѣтственнаго дѣла, а на его мѣсто назначенъ извѣстный воръ.

Городъ былъ построенъ и Тимъ поѣхалъ въ Петербургъ. Оттуда онъ просилъ полицію очистить его квартиру отъ его бывшей любовницы и охранять ее. Онъ вернулся съ молодой женой, которую окружилъ царскою роскошью. Однако, общественное мнѣніе рѣшило, что ей не удалось перещеголять въ роскоши жену Сахарова.

Судебный слѣдователь по особоважнымъ дѣламъ явился къ Тиму и предложилъ ему обезпечить женщину, девять лѣтъ бывшую хозяйкою его дома, а теперь живущую въ крайней нуждѣ, конторщицей въ небольшомъ магазинѣ. Тимъ отвѣтилъ что онъ не можетъ содержать всѣхъ женщинъ, съ которыми онъ былъ въ связи.

Девизъ служащихъ и промышляющихъ на Дальнемъ Востокѣ былъ — нажива. Для нее всѣ готовы были все продать и совѣсть и родину. Это были дѣйствительные „враги Россіи“, а рядомъ съ ними жили толпы озлобленныхъ на русское правительство иновѣрцевъ и инородцевъ, аборигеновъ Квантунга. Вотъ кто долженъ былъ обезпечить Россіи „оборону ея интересовъ отъ коварнаго японца“! Не мудрено, что оборона была подготовлена такъ блестяще.

Здѣсь процвѣтало „Общество Восточно-Азіатской Компаніи“. Запросто его моряки зовутъ „Датскимъ Обществомъ“. Шефомъ его и главнымъ пайщикомъ состоитъ Марія Ѳеодоровна. Всѣ лучшія мѣста этого общества и мѣста капитановъ всѣхъ пароходовъ были заняты датчанами и чухонцами. Они открыто говорили: „что-же, что мы плаваемъ подъ русскимъ флагомъ! Мы не русскіе“. Въ настоящее время въ русскомъ консульствѣ въ Шанхаѣ ведется слѣдствіе по дѣлу, произведшему сильное впечатлѣніе на Дальнемъ Востокѣ. Наканунѣ перваго нападенія японской эскадры на Портъ-Артуръ, изъ Шанхая вышелъ пароходъ Восточно-Азіатской Компаніи — Манчжурія (не смѣшивать съ пароходомъ того же имени Восточно-Китайской желѣзной дороги.) Капитанъ и вся каютъ-кампанія — датчане. Грузъ — важные боевые припасы. Пароходъ получилъ приказаніе идти наискорѣйшимъ ходомъ въ Портъ-Артуръ. Теперь обнаружено, что имѣя возможность идти шесть миль въ часъ, пароходъ шелъ со скоростью полъ мили въ часъ: увидѣвъ въ открытомъ море группу русскихъ судовъ, „Манчжурія“ свернула со своего пути и скрылась отъ нихъ, а когда встрѣтила японскую эскадру, направилась прямо къ ней и сдалась.

Съ Востока. Безпрерывная ѣзда въ теченіе трехъ мѣсяцевъ на территоріи между Кишиневомъ и Челябинскомъ, Петербургомъ и Астраханью, въ вагонахъ и на пароходахъ, оставляетъ очень опредѣленное впечатлѣніе. Совсѣмъ ужъ не такъ у насъ благополучно и патріотично, какъ можно было бы предполагать, даже не придавая значенія нововременскимъ старьевщикамъ и ихъ заявленіямъ о готовности жертвовать. Три мѣсяца назадъ говорили о войнѣ безъ внутренняго раздраженія, какъ о самой обыкновенной злобѣ дня; слышалась и увѣренность въ нашей непобѣдимости и желаніе показать японцу, что мы не кое-кто, терпѣливы, великодушны, но справедливы, и хоть накажемъ за дерзость, но потомъ и помилуемъ — всякому жить надобно. Такого настроенія теперь нѣтъ и помину. Плачъ и стонъ стоитъ на востокѣ Руси: мобилизуютъ запасъ. Плачутъ матери, жены, дѣти; нерѣдко реветъ бѣлугой и самъ запасный, а если не реветъ, то старается пить возможно больше, чтобы хоть этимъ возстановить нарушенное равновѣсіе. По Вяземской и Самарской дорогамъ невозможно ѣздить ввиду скопленія запасныхъ, провожающихъ, пьянства и слезъ, не говоря уже о томъ, что количество подвижного состава сведено до минимума и ѣдутъ какъ сельди въ бочкѣ. Кругомъ разсказы о томъ или иномъ злоупотребленіи Кр. Креста съ обычными, разумѣется, обывательскими прибавленіями, принимающими форму сплетни. Часто слышатся разсказы о той или иной осиротѣвшей семьѣ и объ отсутствіи ей помощи, несмотря на обѣщанія начальства, причемъ вѣры этому послѣднему не замѣтно и на ломаный грошъ. Разсказываютъ о томъ или иномъ случаѣ самоубійства запасныхъ, которые должны были оставить на улицѣ своихъ малыхъ дѣтей и получили отъ начальства обѣщаніе для нихъ крупы, муки и пр., а они просили ухода... Нескрываемый скептицизмъ по адресу неудобствъ перевозки солдатъ въ скотскихъ вагонахъ и ихъ достаточнаго продовольствія.

Оставшаяся безъ варіацій исторія гибели въ самомъ началѣ войны чуть ли не половины флота теперь снова всплываетъ въ сознаніи и получаетъ опредѣленную окраску.

Недовѣріе къ властямъ, чиновникамъ, начальству полное, надеждъ на батюшку царя не слышно. Слухи о томъ, что онъ долженъ появиться въ Пензѣ, Самарѣ, Оренбургѣ для благословенія, волнуетъ больше нелегальныхъ и поднадзорныхъ, чѣмъ обывателя. При мобилизаціи, разумѣется, вскрываются всевозможныя злоупотребленія на этой почвѣ. Въ Самарѣ побили полицію во главѣ съ полиціймейстеромъ за то, что нѣкоторые капиталисты изъ запаса были заблаговременно записаны въ околодочные. Архіерея перевели (сверху) за продажу такимъ же запаснымъ мѣстъ псаломщиковъ; но потребность публичнаго порицанія, свойственную толпѣ, удовлетворить нельзя.

Въ Уральскѣ волновались пролетаріи-казаки по поводу покупки капиталистами замѣстителей. Въ Оренбургѣ то же самое. Разные слои, разумѣется, относятся къ войнѣ различно, но это различіе заключается лишь въ интенсивности отношенія къ войнѣ, а не въ характерѣ этого отношенія: послѣднее всегда и у всѣхъ, кромѣ, кажется, служителей алтаря, отрицательно.

Все то, что раньше скользило по сознанію, лишь оставляя слѣдъ, но не останавливая вниманія, всѣ тѣ жизненныя мелочи изъ которыхъ, при ихъ разрозненности и отсутствіи логической связи, нельзя было вынести какого-либо заключенія, теперь припоминаются, группируются, составляютъ цѣлыя опредѣленныя картины. Тѣ классовыя противорѣчія, которыя раньше были замѣтны идеологамъ, а въ жизни складывались по мелочамъ и незамѣтно, теперь вырисовываются во всей своей неприкрашенности. Разсужденія о войнѣ всегда подчеркиваютъ характерную классовую точку зрѣнія говорящаго именно потому, что разсужденія эти инстинктивны въ силу яркости и напряженности переживаемаго момента. Наибольшее отчаяніе съ примѣсью мнѣ казалось неопредѣленнаго раздраженія и сдерживаемаго озлобленія наблюдается среди крестьянъ. Во многихъ мѣстахъ, не говоря уже о массѣ осиротѣвшихъ семей, остаются несѣянными поля, а съ посѣянныхъ „некому будетъ собирать“, какъ часто слышится въ причитаніяхъ провожающихъ бабъ. Въ отвѣтъ на причитанія окружающихъ, публика угрюмо молчитъ, а у многихъ появляются слезы.

Настроеніе обывателя носитъ отпечатокъ растерянности: патріотическія ожиданія не сбылись, вѣра изсякла, а въ политическихъ перспективахъ онъ не искушенъ. Газетныя извѣстія и виды на будущее такъ спутаны, что на нихъ совершенно нельзя обосновываться и опытному. Квасные патріоты и т. п. могутъ говорить о войнѣ только отъ послѣдняго номера Суворина, взять же сразу два номера — это значитъ натолкнуться на противорѣчія и утратить какую бы то ни было точку опоры.

Буржуазія и чиновничество въ разговорахъ о войнѣ многозначительно отмалчиваются или пускаютъ реплики „по службѣ“. Опредѣленности въ сужденіяхъ и ожиданіяхъ нѣтъ и здѣсь — „съ одной стороны... и съ другой стороны“... вотъ чаще всего ихъ вялыя разсужденія.

Торговое сословіе кряхтитъ — товаръ нейдетъ, закрываетъ лавочку, но разсуждать объ этомъ опасается, лишь грустно вздыхаетъ и тоже отмалчивается. Но въ тѣсныхъ кружкахъ капитальной и чиновной буржуазіи передаются сплетни о связи съ гибелью „Петропавловска“ пребыванія на немъ князя Кирилла и его летучей оперетки, о выстрѣлѣ другого князя Бориса въ Куропаткина и о многихъ другихъ придворныхъ авантюрахъ. Но протеста, ни даже смягченія этихъ часто анекдотовъ не слышится, какъ бы дики они иной разъ ни были. Все то, что скандализируетъ священный домъ Романовыхъ, принимается на вѣру.

Но въ *концѣ концовъ*, все же больно и обидно смотрѣть, какъ запасъ, усталый, запыленный и обтрепанный, въ желтыхъ казенныхъ сапогахъ маршируетъ по улицамъ сборныхъ городовъ. Или онъ же, пьяный и плачущій кричитъ „ура“ изъ скотскихъ вагоновъ, проѣзжая мимо большой станціи. Это его „ура“ есть ничто иное, какъ желаніе заглушить въ себѣ внутренній протестъ противъ совершаемаго надъ нимъ насилія. Публика на эти крики молчитъ и разрушаетъ тѣмъ его вѣру въ дѣйствительность этого средства.

Двинскъ. Нынѣшняя война даетъ особенно обильную жатву всѣмъ хищникамъ, пріютившимся подъ сѣнью самодержавія. Недавно сюда прибыла партія жертвъ этихъ слугъ отечества.

---

[1] На основаніи матеріаловъ, доставленныхъ редакціей „Czervony Standar“.

[2] Въ 1895 г.

Не успѣвъ еще доѣхать до непріятеля, солдатики, надѣленные негодной одеждой, негодными помѣщеніями, негоднымъ провіантомъ, должны были быть возвращены на леченіе въ Двинскъ.

А вотъ еще подвигъ „внутреннихъ враговъ“. На дняхъ здѣсь загорѣлся крѣпостной ружейный арсеналъ. Пріѣхали, конечно, пожарные, потушили громадные ящики съ ружьями и уѣхали. Кажется, чего проще и естественнѣе? Но почему комендантъ крѣпостного склада ругался и кричалъ завѣдующему ружейнымъ отдѣленіемъ, что завтра у него съ нимъ будетъ особый разговоръ? Какимъ это образомъ могъ загорѣться домъ, построенный исключительно изъ желѣза и кирпича, безъ малѣйшаго признака дерева, и наполненный только ящиками съ ружьями? И почему въ крѣпости, стоящей на берегу Двины, крѣпости, обильно снабженной водой, послѣдняя подавалась пожарнымъ въ крайне ограниченномъ количествѣ?

Въ отвѣтъ на это злые языки (а гдѣ ихъ нѣтъ теперь?) упорно утверждаютъ, что объ этомъ постаралось наше интендантство. Они говорятъ, что послѣднее предвидѣло, что въ скоромъ времени съ него потребуютъ все количество ружей, которое должно находиться въ крѣпости; что въ наличности имѣлось на много меньше, чѣмъ числилось; что комендантъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія, о томъ, какъ ведется крѣпостное хозяйство; что интендантство разсудило... и догадалось. А говорятъ еще, что у насъ въ Россіи умныхъ людей со свѣчей искать!...

Севастополь. Рѣчь вновь назначеннаго на мѣсто Скрыдлова главнаго командира Черноморскаго флота (унтеръ-офицерамъ-матросамъ), г. Чухнина.

„Унтеръ-офицеры! Я вызвалъ васъ, чтобы познакомиться съ вами и васъ познакомить съ собой.

Съ сегодняшняго дня я буду служить съ вами; не знаю, понравитесь ли вы мнѣ или я вамъ, — это покажетъ будущее. Прежде всего я скажу вамъ, что я — дисциплинаренъ и люблю дисциплину, люблю чинопочитаніе и уваженіе начальства. Я сказалъ, что я дисциплинаренъ: этого требуетъ служба. Безъ дисциплины не могло бы существовать не только ни одно государство, но и ни одно маленькое общество, преслѣдующее какія бы то ни было цѣли, а поэтому, если бы не было дисциплины, не было бы государства.

Помните, я говорю вамъ это потому, что вы унтеръ офицеры. Унтеръ-офицеры — это громкое слово. Сознавая это, каждый изъ васъ долженъ придти въ ужасъ: недавно былъ мужикъ, пахалъ землю, а тутъ вдругъ унтеръ-офицеръ, ближайшій помощникъ офицера. Да, вы ближайшіе помощники гг. офицеровъ, на васъ возлагается большая обязанность, на васъ довѣряется часто цѣлое казенное имущество. Вы должны служить честно и вѣрно, вы должны гордиться. Поскольку на васъ возлагается обязанность, постольку и вы должны требовать съ подвластныхъ себѣ. Вѣдь у васъ есть подчиненные; вы въ правѣ распоряжаться ими, можете, что угодно дѣлать съ ними, требовать отъ нихъ также дисциплины, требовать чинопочитанія, уваженія къ начальству, а также къ себѣ. Если бы рядовые противились всѣмъ этимъ требованіямъ, вы должны были бы строго взыскивать и доносить мнѣ, или ближайшему своему начальству. Помните! малѣйшее упущеніе съ вашей стороны, я буду съ васъ строго взыскивать; вы не должны входить ни въ какія сношенія съ нижнимъ чиномъ; вы не должны говорить съ подчиненными вамъ, иначе это будетъ подрывъ дисциплины, а это будетъ противъ устава.

Еще я хотѣлъ поговорить съ вами объ одномъ. Въ прошломъ году у васъ здѣсь завелись нехорошіе люди, самые лютые враги не только государства, но и васъ всѣхъ. И что жъ они сдѣлали? — ихъ арестовали, сидятъ они теперь въ тюрьмѣ и тамъ погніютъ. Измѣнить теперешній порядокъ никому не удастся. Мы, офицеры, не по васъ, мы въ тысячу разъ умнѣе васъ, образованнѣе васъ, и то не беремся за это дѣло, — а куда же вы лѣзете съ вашими бараньими головами? Эти люди недовольны, они мало имѣютъ, такъ стараются, чтобъ и другой не имѣлъ, однимъ словомъ: у насъ нѣтъ, такъ чтобъ и у васъ не было; они сами не хотятъ признавать никого, и васъ учатъ не повиноваться начальству, а подумайте, что бы было, если бы не повиновались начальству. Смотрите, мы, офицеры, дворяне, образованные всѣ одинаково, а вотъ я — командиръ главный, а мнѣ всѣ офицеры подчиняются и исполняютъ мои приказанія.

Эти люди еще устраиваютъ стачки, и что они получаютъ? сами остаются голодными и другіе, довѣрчивые имъ; и въ концѣ концовъ опять же идутъ просить у того же работы, противъ кого они возставали. Вотъ вы должны быть поумнѣе ихъ, вы должны на каждомъ шагу преслѣдовать такихъ людей, чуть что замѣтите, сейчасъ же заявляйте своему ротному командиру, и васъ за это будутъ награждать и поощрять по службѣ, какъ вѣрныхъ сыновъ отечества, слугъ государства. Надѣюсь, что вы будете исправными служаками, и все, что я предлагаю, требую выполнить. До свиданія“.

Вновь назначенный главнокомандующій посѣтилъ портовыя мастерскія. Зайдя къ ученикамъ слесарно-сборочной мастерской, онъ возмущался платой въ 60 коп. „Что вы разорить казну хотите? — обратился онъ къ сопровождавшему его инженеру: „ученикамъ плата 30-40 коп.“ „1 р. 40 — говорилъ онъ дальше, можно платить мастеровому лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда человѣкъ 20 лѣтъ проработалъ!“

Посѣтивъ арестный домъ, гдѣ теперь сидятъ 8 матросовъ политическихъ, онъ заходилъ къ каждому въ камеру и разспрашивалъ о дѣлѣ. Увидя матроса, арестованнаго всего на прошлой недѣлѣ по доносу товарища, которому онъ якобы давалъ на храненіе литературу, Чухнинъ удивился: „какъ? значитъ и теперь еще такими дѣлами во флотѣ занимаются?“ Выстроивъ всѣхъ арестованныхъ, онъ предложилъ имъ въ рѣчи указать настоящихъ виновниковъ. „Вы посидѣли, теперь пусть они посидятъ“.

Ростовъ на Дону. Ростовъ и вся Донская область находится въ нервномъ ожиданіи объявленія мобилизаціи. Упорные слухи пріурочиваютъ ее къ концу іюля, когда ожидается въ Новочеркасскъ „Ника-Милуша“, чтобы потомковъ тѣхъ самыхъ казаковъ, которые умирали за вольность казацкую, благословить иконой на смерть за православіе, царя и самодержавіе. Какой пріемъ встрѣтитъ коронованный гастролеръ у казаковъ, не беремся предсказывать, но врядъ ли ему понравится, если онъ наткнется на такое же отношеніе къ мобилизаціи, какое проявилось здѣсь въ воскресенье 4 іюля. Отправляли 100 съ лишнимъ человѣкъ, запасныхъ флотскихъ, (всего съ округа отправлено 286 челов.). На вокзалѣ при отправленіи ропотъ отправляемыхъ принялъ такіе размѣры, что понадобилось вмѣшательство воинскаго начальника: „что вы — недовольны? чѣмъ“? — „Зачѣмъ насъ отправляютъ на войну? Зачѣмъ намъ чужая земля, у насъ своей довольно“. Приходилось успокаивать: „Васъ туда не отправляютъ, отправляютъ тѣхъ, которые теперь на дѣйствительной службѣ, а вы лишь заступаете ихъ мѣсто въ Севастополѣ“. — Но успокоительныя заявленія не подѣйствовали. Дали знать градоначальнику. Всю публику удалили, явилась сотня казаковъ. Невольно напрашивается вопросъ: когда же наступитъ конецъ мобилизаціи, если на каждую сотню мобилизуемыхъ требуется сотня уже мобилизованныхъ?

Въ pendant къ предстоящей мобилизаціи, Дон. Ком. было распространены листки „Искры“ „къ запаснымъ рядовымъ“ въ количествѣ 3,800 экз. Листки очень понравились рабочимъ и, что ими особенно оттѣнялось, — ихъ общепонятность. Сравненіе въ этомъ смыслѣ съ листками „ко всему рабочему народу“ было не въ пользу послѣднихъ.

Кременчугъ. Страшный переполохъ среди мѣстныхъ властей вызвалъ назначенный на 5 мая пріѣздъ царя. Съ послѣднихъ чиселъ апрѣля начались приготовленія къ торжественному пріему. Всѣ неблагонадежные элементы были изъяты изъ обращенія и переполнили тюрьму и участки. *Во всѣхъ* дворахъ, магазинахъ, сараяхъ и погребахъ главныхъ улицъ города произведены были тщательные обыски изъ опасенія какого-нибудь подкопа или засады. Понятно, ничего подобнаго не нашлось. Все же власти пребывали въ страшномъ безпокойствѣ, еще усилившемся вслѣдствіе распространенія въ ночь съ 30-го апрѣля на 1-ое мая майскихъ прокламацій Ц. К. Полицеймейстеръ два дня рыскалъ по городу съ цѣлью открыть источникъ этой крамолы, задерживалъ, обыскивалъ и опрашивалъ всѣхъ проходящихъ, до еврейскихъ мальчишекъ включительно, — но ничего не нашелъ. Мѣры строгости были усилены. Несмотря на безрезультатность обысковъ, у всѣхъ владѣльцевъ домовъ, магазиновъ и погребовъ отобрана была подписка, что они отвѣчаютъ *жизнью и имуществомъ*, если „что-либо“ случится, и что никому не будутъ въ эти дни давать ключей отъ погребовъ, а, въ случаѣ надобности, отпирать и запирать ихъ сами. Несмотря на всѣ эти экстраординарныя мѣры, начальство не поручилось за благонадежность Кременчуга. Вслѣдствіе этого, „обожаемый монархъ“ даже не въѣхалъ въ городъ. На вокзалѣ его встрѣтили представители разныхъ вѣдомствъ и небольшая кучка допущенныхъ полиціей обывателей, прокричавшихъ при выходѣ царя изъ вагона жиденькое „ура“. Ограничившись отвѣтнымъ привѣтствіемъ властямъ и нѣсколькими напутственными словами отправляющимся на войну войскамъ, запуганный самодержецъ благополучно уѣхалъ изъ Кременчуга.

Вскорѣ послѣ этого произошелъ маленькій, но весьма характерный курьезный „инцидентъ“, созданный все еще находящимися въ напряженномъ состояніи властями. Пріѣхалъ изъ Кіева комми-вояжеръ фирмы „Термометръ“ и остановился въ гостиницѣ. Почему-то хозяинъ принялъ его за японца. Немедленно нагрянула полиція и произвела у несчастнаго „японца“ тщательный обыскъ. Около тысячи термометровъ, привезенныхъ имъ и тщательно завернутыхъ въ бумагу, были *всѣ* до единаго развернуты и изслѣдованы, платье распорото, и въ результатѣ, несмотря на полное отсутствіе какихъ бы то ни было признаковъ шпіонства, несмотря на то, что, имѣя при себѣ всѣ документы, комми-вояжеръ, хотя и съ трудомъ, доказалъ полицейскимъ, что онъ не японецъ, — предусмотрительное начальство все же немедленно выслало его изъ города.

Николаевъ. — Митрофанъ пробуждается — но съ просонья онъ бормочетъ весьма несуразныя вещи. Послушайте, напримѣръ, какъ разсуждаютъ наши „либеральные“ Митрофаны о войнѣ. Они желаютъ побѣды Россіи; престижъ ея въ Европѣ уже достаточно де пострадалъ, и „либеральная часть души“ этимъ удовлетворена, теперь же душа требуетъ мира и какъ можно скорѣе. А безъ побѣды мы не можемъ заключить мира — это было бы уже слишкомъ.

Вообще въ мѣстномъ „обществѣ“ никакого оживленія не замѣчается. Всѣ замкнулись въ свою скорлупу, дѣлаютъ свое маленькое „полезное“ дѣло, а выше не хватаютъ. Немного шуму надѣлали происшествія въ общественной библіотекѣ. На общественномъ собраніи г. Рохлинымъ было внесено предложеніе объ избраніи почетнымъ членомъ Калафати (соц.-демократъ, приговоренный къ ссылкѣ, былъ однимъ изъ основателей библіотеки). Предложеніе было встрѣчено долгими единодушными апплодисментами. Присутствовавшій на собраніи судебный слѣдователь пошептался съ однимъ изъ директоровъ библіотеки, пригрозилъ закрытіемъ ея и... засѣданіе было прервано и отложено на другой срокъ. На слѣдующій разъ о Калафати не было произнесено ни слова, но за то огромнымъ большинствомъ избрана была „весьма либеральная“ дирекція. Одинъ изъ избранныхъ, г. Романовичъ, не былъ утвержденъ въ должности, что объясняютъ отчасти вышеприведеннымъ инцидентомъ, отчасти тѣмъ, что отказался назвать, по требованію администраціи, фамиліи 48 евреевъ, потребовавшихъ какъ то снятія со стола читальни журнала „Наблюдатель“. Между прочимъ, въ дѣлѣ о „Наблюдателѣ“ отличилась мѣстная либеральная газета „Южная Россія“, въ редакціи которой состоятъ бывшіе ссыльные Шаргородскій и Морозовъ. Она разразилась передовицей, въ которой доказывала, что евреи не имѣютъ права указывать русскому народу, что онъ долженъ читать.

Безработица въ Николаевѣ и на всемъ югѣ страшная. Очевидно, „въ видахъ сохраненія порядка“ полиція настаиваетъ на томъ, чтобы промышленники не разсчитывали рабочихъ. Это вызываетъ, понятно, сильное неудовольствіе въ буржуазныхъ кругахъ, которые разсуждаютъ такъ: „затѣяли сами войну, — въ результатѣ кризисъ, а теперь хотятъ, чтобы рабочихъ не распускать!“

Новый законъ о разрѣшеніи политическихъ дѣлъ судебнымъ порядкомъ имѣлъ послѣдствіемъ созданіе въ Николаевѣ дѣла Комитета или тридцати пяти, куда причислена и взятая здѣсь типографія, и два болѣе мелкихъ дѣла. Суду подлежатъ всѣ арестованные въ послѣднее время и даже годъ назадъ. Въ Одессѣ предстоитъ дѣло 72-хъ. По мнѣнію прокуратуры, съ введеніемъ новаго закона значеніе шпіонскихъ показаній уменьшится.

Изъ полицейскихъ безчинствъ отмѣтимъ обыскъ у нѣкоего молодого человѣка, произнесшаго на чествованіи памяти Чехова рѣчь, вся преступность которой заключалась въ выраженіи надежды на „лучшее будущее“, по сравненію съ тѣмъ общественнымъ маразмомъ, который рисуетъ въ своихъ произведеніяхъ Чеховъ. Затѣмъ полиція потребовала отъ владѣлицы книжнаго магазина Шаха, который она почему то считаетъ центромъ неблагонадежности, очистить магазинъ отъ вредныхъ элементовъ, что и было исполнено съ большою готовностью.

Черниговъ. Въ настоящее время въ тюрьмѣ сидятъ: Зисманъ (рабочій-часовщикъ) и два молодыхъ парня изъ сосѣдней деревни (одинъ изъ нихъ былъ сторожемъ въ мѣстной обществ. библіотекѣ).

Всю зиму въ черниговской тюрьмѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ изъ другихъ городовъ (Екатеринослава, Одессы и др.) Изъ нихъ работница Левина ссылается въ Архангельскую губ. на два года. Въ тюрьмѣ была голодовка. Требовали права имѣть общую кассу. Требованіе было удовлетворено. Однако, на вновь прибывающихъ эта уступка не распространяется начальствомъ. Возмутительно было во время этой голодовки поведеніе тюремнаго врача Демидовича (онъ же занимаетъ штатное мѣсто во врачебномъ отдѣленіи губернскаго правленія).

Теперешній губернаторъ Хвостовъ, преемникъ „знаменитаго“ Андреевскаго, представляетъ второе изданіе этого послѣдняго, но только еще болѣе уродливое... Хвостову всюду мерещится крамола — и въ губернскомъ земствѣ, и въ дворянствѣ (въ лицѣ губернскаго предводителя Муханова), и въ общественной библіотекѣ. Вздумалъ, напримѣръ, Мухановъ возобновить ходатайство покойнаго губ. предв. дворянства кн. Долгорукаго объ открытіи въ Черниговѣ общества распространенія народнаго образованія. И что же? Благодаря заключенію, данному этому ходатайству Хвостовымъ, ходатайство это министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отклонено. Мухановъ увидѣлъ въ этомъ *личную* себѣ обиду: какъ! ему, губернскому предводителю дворянства, отказали, а губернатору повѣрили... Не бывать этому... И Мухановъ, какъ передаютъ, сказалъ гдѣ-то, что общество распространенія народнаго образованія будетъ въ Черниговѣ: онъ добьется этого въ Питерѣ. Интересно отмѣтить тутъ обстоятельство, характерное для либеральныхъ оппозиціонныхъ элементовъ: вмѣсто того, чтобы данный произволъ администраціи сдѣлать предметомъ для агитаціи среди общества, на земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ, и добиться того, чтобы эти сословныя организаціи заявили по поводу даннаго факта свой протестъ, господа россійскіе обыватели либеральнаго свойства предпочитаютъ систему протекціи... Нужно, впрочемъ, отдать справедливость Муханову, у него есть предѣлы терпѣнію. Прежде, чѣмъ отправить вышеупомянутое ходатайство въ Петербургъ, онъ пригласилъ къ себѣ, въ качествѣ личныхъ гостей, весьма многихъ лицъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній. Между прочимъ, въ разосланныхъ имъ приглашеніяхъ, каждому адресату предоставлялось пригласить своихъ знакомыхъ. И вотъ на это-то собраніе, совершенно частное, въ собственной квартирѣ губернскаго предводителя дворянства, губернаторъ Хвостовъ прислалъ „для порядка“ полицейскаго пристава. Терпѣть это было сверхъ всякихъ силъ: еще бы, губ. предв. дворянства приглашаетъ къ себѣ гостей и... вдругъ — полицейскій для порядка!! И Мухановъ приказалъ приставу удалиться, несмотря на объясненіе пристава, что онъ здѣсь по распоряженію губернатора...

„Добровольныя пожертвованія“ на войну идутъ и въ Черниговской губерніи. Съ крестьянъ полиція прямо *требуетъ* денегъ. Въ одной деревнѣ недалеко отъ Чернигова одинъ крестьянинъ не вытерпѣлъ и сказалъ: „что это? русскій царь сталъ уже такъ бѣденъ, что посылаетъ васъ за поборами?“ Крестьянинъ этотъ былъ представленъ „по начальству“. Также „добровольно“ раскупаются въ Черниговѣ билеты на разныя гулянья и т. п. въ пользу Краснаго Креста: полиція прямо, безъ церемоній, разноситъ билеты по лавкамъ, а также покорнымъ обывателямъ, и тѣ, конечно, берутъ...

4-го іюня въ Черниговѣ закончилось „Губернское совѣщаніе по выработкѣ законоположенія о крестьянахъ“. Совѣщаніе происходило при закрытыхъ дверяхъ. Либеральные элементы участвовавшіе въ совѣщаніи, хвалятся, что „кое-что“ имъ удалось „подпустить“, что губернаторъ часто кипятился, обрывалъ, лишалъ слова и т. д. Передаютъ, что Мухановъ сказалъ „превосходную рѣчь“ въ защиту всесословной волости, и противъ проекта министра внутреннихъ дѣлъ, чтобы крестьянство оставить обособленнымъ сословіемъ. Несмотря на желаніе губернатора, совѣщаніе, по словамъ участвовавшихъ, высказалось за всесословность. Вопросъ о тѣлесномъ наказаніи губернаторомъ не былъ допущенъ къ обсужденію.

Тула. Чулковцы, обитатели мѣстной слободы, которыхъ такъ ретиво усмирялъ памятный въ лѣтописяхъ Тулы полицейскій мужъ Лавровъ, очевидно, начинаютъ „отходить“. Недавно они грудью защищали свои права владѣнія и остались побѣдителями. Дѣло обстояло такъ: искони чулковцы пользовались выгономъ около своей слободы. И вдругъ, въ одинъ прекрасный день, явились плотники и начали возводить на чулковской землѣ срубъ. Чулковцы молчали и ждали. Вокругъ появились плуги, была проведена первая борозда. Бабы-лазутчицы принесли сенсаціонное извѣстіе: городъ сдалъ въ аренду большую часть выгона огороднику. Чулково всполошилось. Бабы звали къ „возстанію“. Масса народа бросилась къ выгону. Мигомъ былъ снесенъ срубъ, прогнали плотниковъ, выпрягли лошадей у пахарей. О „происшествіи“ дано было знать въ управу. Начальство пріѣхало. Его встрѣтили градомъ насмѣшекъ и ругательствъ. Подняли вопросъ о мѣрахъ „пресѣченія“ и „подавленія“. „Самое вѣрное средство успокоить ихъ (при этомъ жестъ въ сторону черни), это — уѣхать намъ отсюда“, заявило одно изъ лицъ, „властью облеченыхъ“. Сказано, сдѣлано. „Начальство“ отправилось во-свояси, напутствуемое шутками „повстанцевъ“ и благими пожеланіями арендатора. Чулковцы побѣдили. Что будетъ дальше — неизвѣстно, но кажется, дѣла о „сопротивленіи власти“ поднимать не намѣрены. Такъ кончился „чулковскій бунтъ“.

Въ концѣ апрѣля здѣсь была объявлена мобилизація. Объявленія о призывѣ запасныхъ были расклеены часовъ въ 10 вечера. Очевидно, это было нарочно, — полиція боялась взрыва народнаго возмущенія, боялась, что его могутъ использовать. На слѣдующій день городъ какъ то замеръ. Всюду слезы, плачъ, сумрачныя, угрюмыя лица. На другой день стали стекаться запасные изъ деревни. Около казармы толпа народа, женщинъ, дѣтей: опять слезы, плачъ. Словомъ, первая недѣля призыва — это недѣля безпросвѣтнаго горя и отчаянія. О патріотическихъ чувствахъ смѣшно и говорить, ихъ нѣтъ и въ поминѣ, наоборотъ, всюду злоба и недовольство. Мнѣ пришлось наблюдать такую сцену. Около казармы остановилась торговка.

„Что же дѣлать, голубушка, обратилась она къ двумъ заплаканнымъ деревенскимъ бабамъ, „надо послужить богу и великому государю“. „Больно ты широка, видно, никого изъ своихъ не провожаешь“ вскипѣла одна изъ бабъ, тебя бы вотъ послать служить то!“ И въ ея голосѣ была ненависть и злоба. Торговка замолчала и отошла, и этотъ разговоръ не случайный. Всюду — глухое недовольство войной.

Проводы солдатъ представляли душу раздирающую картину. Надъ вокзаломъ при движеніи уходящаго поѣзда стоялъ буквально стонъ. То и дѣло, падали въ обморокъ женщины, плакали и кричали дѣти, по загорѣлымъ лицамъ солдатъ катились слезы. Масса народа стояла безъ шапокъ, словно при похоронной процессіи. Изъ дверей товарныхъ вагоновъ, плотно прижавшись другъ къ другу, глядѣли измученныя, искаженныя горемъ лица солдатъ. Музыка, плачъ, и стоны покрывались криками „ура!“, только далеко не восторженнаго, а печальнаго и скорбнаго. Люди иначе не умѣли, не могли выразить своихъ чувствъ. Сколько въ этомъ надорванномъ крикѣ было отчаянія и горя! Смѣшно говорить о „бодромъ духѣ“ войска. Большей подавленности, большей дезорганизованности я никогда не могъ себѣ представить.

Послѣдняя драма въ Якутской области. По полученнымъ нами письмамъ подробности драмы, жертвой которой палъ товарищъ *Нафт. Шацъ*, и предшествовавшія ей событія рисуются слѣдующимъ образомъ.

Партія вышла изъ Александровской тюрьмы 15 мая подъ начальствомъ конвойнаго офицера Сикорскаго. Уже самый фактъ назначенія этого офицера предвѣщалъ недоброе. Въ свое время Сикорскій былъ изгнанъ изъ полка товарищескимъ судомъ, и теперь, когда онъ вновь вступилъ на дѣйствительную службу вслѣдствіе призыва запасныхъ, онъ не былъ принятъ иркутскимъ офицерствомъ въ свою среду. Это завзятый пьяница и развратникъ; всю дорогу онъ не протрезвлялся и на каждой ночевкѣ требовалъ отъ солдатъ, чтобы ему приводили женщинъ. Кормовыя деньги, полагающіяся арестантамъ, онъ присваивалъ себѣ. Свои обязанности въ качествѣ начальника партіи онъ понималъ, какъ особую миссію согнуть „ихъ“ въ бараній рогъ; въ обращеніи, какъ съ политическими, такъ даже и съ мѣстными властями, съ которыми онъ приходилъ въ соприкосновеніе, онъ былъ крайне грубъ и высокомѣренъ, ссылаясь все время на какія то „особыя полномочія“ и тайную инструкцію; при этомъ онъ обнаружилъ полное незнакомство не только съ установившимися этапными традиціями, но даже съ оффиціальными правилами пересылки арестантовъ.

Понятно, что съ такимъ субъектомъ должны были выйти столкновенія и — необходимо это подчеркнуть — назначая его, мѣстное начальство *не могло этого не предвидѣть*. Столкновенія, дѣйствительно, начались съ перваго же момента: офицеръ распорядился произвести обыскъ въ вещахъ политическихъ. Этого никогда не дѣлалось до сихъ поръ, да это, наконецъ, фактически невыполнимо, т. к. всѣ отправляющіеся въ В. Сиб. везутъ съ собою массу пожитковъ, распаковка, подробный просмотръ и обратная упаковка кот. потребовали бы огромнаго количества времени. Политическіе отказались подчиняться этому распоряженію, заперли вещи въ женской камерѣ и забаррикадировали ее. Явилось все начальство, и при его участіи на этотъ разъ удалось покончить миромъ: офицеръ взялъ назадъ свое распоряженіе.

На первой же дневкѣ онъ не разрѣшилъ (какъ это всегда дѣлается) старостѣ политическихъ отправиться съ конвойнымъ въ село за покупками, и самъ не позаботился о томъ, чтобы доставить имъ провизію. Партія промолчала. Къ ночи она прибыла въ с. Московку и была помѣщена въ такой тѣсной камерѣ, что многимъ пришлось улечься на полу; между тѣмъ, въ томъ же дворѣ былъ свободный баракъ. Потребовали офицера; онъ не явился, не отвѣтилъ также на посланную ему записку. Рѣшено было не двигаться дальше, пока офицеръ не пообѣщаетъ измѣнить своего обращенія. На утро Сикорскій опять не пришелъ, а послалъ лишь черезъ унтера приказаніе приготовиться къ отъѣзду. Партія отказалась, и когда явился офицеръ, предъявила ему требованіе, чтобы онъ приходилъ, когда партія желаетъ его видѣть, и отпускалъ на этапахъ одного человѣка за провизіей. То и другое было обѣщано.

Вечеромъ того же дня партія была встрѣчена ссыльными селъ Куяды и Тугутуя, пришедшими за 10 верстъ, чтобы повидаться съ товарищами. Офицеръ не разрѣшалъ имъ видѣться на дорогѣ, но обѣщалъ дать свиданіе на этапѣ. Слова своего онъ не сдержалъ и по вызову опять не явился въ партію; вышедшіе же на встрѣчу товарищи были арестованы и отпущены только послѣ ухода этапа. На утро снова было объясненіе съ офицеромъ, и подано заявленіе за подписью всѣхъ съ требованіемъ свиданій въ пути.

Слѣдующая дневка опять не обошлась безъ столкновенія. Старостѣ партіи, тов. Лурье, человѣку слабому и больному, сдѣлалось дурно; офицеръ не разрѣшилъ фельдшеру дать ему лѣкарство и лишь, когда партія отказалась тронуться въ путь, уступилъ, но все же приказалъ отправляться, не дожидаясь, пока Л. оправится. Партія заявила, что не пойдетъ; тогда онъ сдѣлалъ видъ, что будетъ стрѣлять, но такъ какъ это не подѣйствовало, ограничился тѣмъ, что велѣлъ солдатамъ растащить политическихъ и уложить больного Л. на телѣгу.

На пятый день партія прибыла въ с. Манзурское, гдѣ есть ссыльные. Рѣшено было не уѣзжать, не добившись свиданія. Предварительно потребовали разрѣшенія отъ становаго, сопровождавшаго партію, но послѣдній заявилъ, что при всемъ желаніи не можетъ итти противъ Кутайсовскихъ циркуляровъ и даже отправился впередъ предупредить манзурцевъ, чтобы они свиданія не добивались. По прибытіи въ Манзурское приставъ объявилъ, что мѣстные товарищи отказались требовать свиданія, и хотѣлъ привести одного изъ представителей колоніи, который долженъ былъ подтвердить это. Офицеръ не согласился и на такое частичное свиданіе; партія отказалась тронуться. Давъ „пять минутъ на размышленіе“, Сикорскій скомандовалъ взять насъ силой; солдаты схватили насъ, причемъ пустили въ ходъ приклады[1]). Дальше насъ повезли связанными; проѣзжая черезъ села, товарищи пѣли революціонныя пѣсни, подъѣзжая же къ с. Качугу[2]), рѣшили слѣзть съ телѣгъ и пройтись черезъ село, гдѣ есть ссыльные, съ краснымъ знаменемъ. Привести это въ исполненіе не удалось, т. к. партію остановили на другомъ берегу. Пріѣхалъ становой, передалъ поклонъ отъ качугскихъ товарищей и опять сообщилъ, что они отказались отъ свиданія съ проѣзжающими.

Начало плаванія по Ленѣ не описано въ полученныхъ нами корреспонденціяхъ. Самая же катастрофа и предшествовавшія ей событія изображены товарищемъ, присоединившемся къ партіи въ Киренскѣ.

„Въ селѣ Чечуйскомъ къ намъ вышли два товарища, живущіе тамъ. Тутъ же мы высадили одну дѣвушку — Гиршфельдъ. Все было тихо, но передъ отправкой Гиршфельдъ пришла къ намъ и принесла немного провизіи. Солдаты вздумали было передать ее намъ, но офицеръ увидѣлъ это съ своего паузка и закричалъ: „не пропускать“, а когда Г. бросила на землю къ намъ эти вещи, велѣлъ бить и загнать товарищей на паузокъ. Солдаты (около 20 ч.) бросились съ прикладами, и произошла свалка. Почти всѣхъ вогнали въ воду, т. к. по одной доскѣ нельзя было сразу всѣмъ пройти на паузокъ, и всѣ получили удары. Нѣкоторые были ранены сильно въ голову прикладами, другіе получили массу ушибовъ, одинъ раненъ штыкомъ въ бокъ легко. Когда всѣ были уже на паузкѣ, офицеръ закричалъ „пли“, солдаты сдѣлали около 20 выстрѣловъ, но въ воздухъ. Офицеръ не позволилъ фельдшеру, который ѣхалъ при партіи, придти къ намъ тотчасъ. Лишь часа черезъ два-три пришли два фельдшера: военный и чечуйскій, и сдѣлали нѣкоторымъ новыя перевязки, записавъ число раненыхъ и избитыхъ. Дверь паузка у насъ заперли и, по распоряженію офицера, никого не выпускали изнутри. Немного погодя, офицеръ вызвалъ къ себѣ старостъ нашей партіи и страшно ругался, называлъ ихъ „жидами“, „мерзавцами“, угрожая высѣчь и пр. То же повторилось и съ товарищемъ Рѣшетовымъ, который былъ вызванъ послѣ. Офицеру никто изъ нихъ ничего не отвѣчалъ. Потомъ онъ вызвалъ Ревекку Вайнерманъ, молодую дѣвушку, и повелъ себя иначе. Онъ заперъ дверь и обратился къ ней съ гнуснымъ предложеніемъ, предлагалъ деньги и всякія удобства, предлагалъ вино и угощеніе и потомъ грозилъ, что свяжетъ ее, т. к. она арестантка, и онъ можетъ дѣлать все, что хочетъ. Нечего повторять всѣ тѣ мерзости которыя онъ говорилъ. Она ничего не отвѣчала, страшно напуганная. Лишь случайность спасла ее. Къ офицеру пришелъ фельдшеръ, а вмѣстѣ съ нимъ успѣла выбѣжать и В. Офицеръ, видя, что ему не удалось, велѣлъ отвести В. обратно. Сами конвойные, которые стояли у дверей офицерской каюты, были возмущены. В. пришла къ намъ и сказала только, что мы нехорошо поступили, отпустивъ ее одну; съ ней сдѣлалась истерика. Всѣ были страшно поражены. Такъ тянулось дѣло до 7-го: мы плыли дальше, режимъ былъ по прежнему гнетущій. Въ ночь на 7 іюня часа въ три утра офицеръ прислалъ съ своего паузка лодку съ двумя солдатами, чтобы привезти къ нему В. Конвойный унтеръ-офицеръ нашего паузка понялъ намѣренія офицера и рѣшилъ не исполнять приказаній. Солдаты отплыли обратно и вернулись съ категорическимъ приказомъ привезти В., даже если придется бить и убивать товарищей, если они окажутъ сопротивленіе, В. же не бить, по возможности. Ун.-оф. опять отказался это сдѣлать, а солдаты остались у насъ на паузкѣ. Днемъ мы должны были прибыть въ Витимъ, гдѣ есть полицейскія власти, къ которымъ можно было обратиться за помощью. И вотъ происходила какая то ужасная гонка: офицерскій паузокъ то приближался къ намъ, то отставалъ, мы старались уйти. Мы всѣ не спали всю ночь, рѣшивъ защищаться до послѣдней крайности. Часа въ два пріѣхали въ Витимъ. Ковойные, по собственной иниціативѣ, послали телеграмму отъ себя начальнику своей бригады, прося защиты противъ офицера, который даетъ имъ незаконныя приказанія. Немного позже и мы отправили срочную телеграмму Ген.-Губ. и Мин. Внутр. Дѣлъ. Объ этомъ заявили и мѣстному приставу, который сначала не обратилъ было вниманія, но потомъ явился и принужденъ былъ убѣдиться въ серьезности положенія. Ночью мы отплыли дальше. Съ нами на отдѣльной лодкѣ ѣхалъ приставъ, который рѣшилъ ѣхать до конца своего участка. Офицеръ передъ отправкой получилъ какую то телеграмму, на которую отвѣтилъ длинной депешей. Дня три мы ѣхали тихо, въ непрестанномъ ожиданіи, однако, насилія. Офицеръ не ходилъ на нашъ паузокъ. Ночью 10 іюня онъ явился къ намъ, но т. к. около насъ ѣхалъ приставъ, то онъ не зашелъ внутрь, провѣрилъ лишь солдатъ и уѣхалъ. Утромъ 10 іюня приставъ оставилъ насъ, т. к. кончился его участокъ, и послалъ телеграмму въ Олекминскъ, чтобы выѣхали къ намъ навстрѣчу. Нѣкоторое время мы должны были ѣхать одни съ офицеромъ. Этимъ онъ и рѣшилъ, очевидно, воспользоваться, т. к. въ ночь на 11 іюня и произошла катастрофа. Часа въ три утра онъ пріѣхалъ опять на нашъ паузокъ, пьяный, созвалъ всѣхъ солдатъ (11 ч.), построилъ ихъ передъ входомъ внутрь паузка на носу[3]) въ боевомъ порядкѣ и отворилъ дверь. Мы въ это время стояли въ селѣ Нохтуйскомъ, Якутск. обл. Унтеръ-офицера онъ послалъ предварительно на берегъ. Самъ онъ былъ вооруженъ съ ногъ до головы: за голенищемъ кинжалъ, въ рукахъ нагайка, въ карманѣ револьверъ и т. д. Внутри паузка многіе спали, нѣкоторые же бодрствовали, т. к. всѣ предшествующія ночи были полны ожиданія насилій. Почти никто не раздѣвался. Офицеръ сдѣлалъ два шага отъ двери къ мѣсту, гдѣ спали женщины. Противъ него въ глубинѣ паузка стоялъ тов. Минскій. Онъ тотчасъ приблизился къ офицеру и въ упоръ выстрѣлилъ въ него. Пуля попала въ шею, пробила сонную артерію, и офицеръ безъ звука повалился мертвый на полъ. Проходъ въ паузкѣ очень малъ, арш. полтора въ ширину. Солдаты стояли снаружи. Послѣ выстрѣла Минскаго со стороны солдатъ послѣдовало два-три выстрѣла изъ ружей. Былъ убитъ тов. Шацъ, и раненъ въ ухо Минскій. Такъ какъ офицеръ былъ мертвъ, и унт.-оф. не было, то солдаты пріостановились со стрѣльбой. Но напуганные предстоящей отвѣтственностью за то, что допустили убійство начальника, и подчиняясь чувству солдатской дисциплины, они снова взволновались и хотѣли начать стрѣлять. Раздались ожесточенные крики: „Всѣхъ перестрѣляемъ! Никого не выпустимъ живымъ! Стрѣляйте! Чего смотрѣть!“ Когда изъ паузка хотѣли выбѣжать семьи ѣхавшихъ съ нами духоборовъ, то ихъ не пустили: „Все одно, всѣхъ перебьемъ“. Одни солдаты заряжали ружья, другіе останавливали. Тов. Минскій обратился къ нимъ со словами: „солдаты, вѣдь вы знаете, за что я убилъ офицера, вѣдь противъ васъ мы ничего не имѣемъ. Не стрѣляйте сюда, здѣсь есть посторонніе люди, есть дѣти, дайте имъ уйти; убилъ я одинъ, я и буду за все отвѣчать.“ Солдаты не слушали. Прибѣжалъ, наконецъ, унтеръ-офицеръ, еще болѣе перепуганный, и хотѣлъ сдѣлать тоже. Онъ сейчасъ же оцѣпилъ угольный паузокъ, вывелъ семейныхъ построилъ солдатъ на берегу противъ паузка и хотѣлъ командовать стрѣлять. Я не знаю, что удержало его отъ этого послѣдняго слова, но оно имъ произнесено не было. Въ одномъ изъ писемъ (отъ живущаго въ Нахтуйскѣ товарища) сказано, что его отговорилъ фельдшеръ. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ... Трупы остались на своихъ мѣстахъ. Потянулись длинные, часы томительнаго ожиданія. Мы стояли въ Нохтуйскѣ два дня пока не пріѣхали судебныя власти изъ Олекминска. Положеніе было тяжелое. Утромъ 12 іюля пріѣхалъ изъ Киренска новый офицеръ, назначенный, какъ оказалось, вслѣдствіе телеграммъ солдатъ изъ Витима. Это былъ совсѣмъ другой человѣкъ. Онъ снялъ осадное положеніе. 12-го же вечеромъ пріѣхали судебный слѣдователь, врачъ, исправникъ и такъ далѣе. Вынесли трупы и произвели предварительный осмотръ. Вечеромъ выѣхали дальше. Всѣ власти ѣдутъ съ нами. Трупы везутъ на отдѣльной лодкѣ. Минскій помѣщенъ на офицерскомъ паузкѣ. Судебныя власти уже допросили нѣкоторыхъ. Всѣ обстоятельства указываютъ, что убійство было актомъ вынужденной самообороны.

Бѣлостокъ. 18 іюля въ здѣшнюю тюрьму привезли четверыхъ политическихъ для дальнѣйшей отправки въ Ломжу: М. Готлобера и М. Залкинда (изъ Таганрога), Вл. Панченко и С. Цедербаума (бѣжалъ въ октябрѣ изъ Иркутской тюрьмы — ссылался на 10 л. въ Якут. Обл. — и арестованъ въ январѣ 1904 въ Екатеринославѣ). Пересылаемые были предупреждены, что пробудутъ въ Бѣлостокѣ 11 дней, чѣмъ они воспользовались для того, чтобы написать роднымъ о присылкѣ денегъ и пріѣздѣ для свиданій. Между тѣмъ, по пріѣздѣ ихъ въ Бѣлостокъ, имъ было заявлено, что они пойдутъ этапомъ на слѣдующій день. Вызванный заключенными врачъ призналъ одного изъ нихъ больнымъ, но 19 іюля, передъ осмотромъ другихъ заключенныхъ, чистосердечно сознался имъ, что тов. прокурора ему *приказалъ* всѣхъ ихъ признать здоровыми. Тогда всѣ четверо заявили, что добровольно не пойдутъ. Послѣ объясненій съ полиціймейстеромъ и тов. прокурора, заключенные оказали сопротивленіе прибывшему для „усмиренія“ конвою, срывали съ себя одежду, которую насильно одѣвали на нихъ конвойные. Кончилось тѣмъ, что ихъ заковали въ ручные кандалы и повели на вокзалъ. Всю дорогу небольшая партія пѣла революціонныя пѣсни и кричала „долой самодержавіе“. Собралась громадная толпа, сочувственно подхватившая эти крики. На вокзалѣ около вагона, въ которомъ находились заключенные, собралось до 200 чел., въ концѣ концовъ, разсѣянныхъ полиціей и жандармами.

Лугансвъ (письмо изъ тюрьмы). Одинъ изъ нашихъ товарищей, нелегальный, отказывался все время отъ всякихъ показаній. Когда навели справки по его документу, то оказалось, что послѣдній принадлежитъ другому лицу. Жандармерія рѣшила прибѣгнуть къ обвиненію въ бродяжничествѣ и переодѣть его въ уголовную одежду. Ему заявили, что слѣдствіе по политическому дѣлу кончено, и что теперь очередь отвѣтить за бродяжничество, а потому предложили переодѣться. Товарищъ отвѣтилъ, что статьи по его политическому дѣлу грозятъ ему болѣе суровымъ наказаніемъ, чѣмъ то, которое полагается за бродяжничество, что, поэтому, онъ имѣетъ право носить собственное платье, и категорически отказался одѣть сѣрую куртку. Тогда администрація прибѣгла къ насильственному переодѣванію, причемъ товарища избили до безпамятства. Онъ очнулся только въ темномъ карцерѣ и уже въ уголовной одеждѣ.

Товарищи, находившіеся по близости, слыша крики, конечно, не могли оставаться равнодушными и, въ видѣ протеста, стали выбивать двери. Стоялъ страшный грохотъ, пыль отъ осыпающейся извести носилась по корридору; это продолжалось часа полтора. Призвали полицію и конвой, которые стали расхаживать по корридору, ругать площадными словами заключенныхъ и даже стрѣлять въ камеры чрезъ прозорки. Выстрѣлы никому вреда не причинили, такъ какъ предварительно солдаты кричали „берегись“, и арестованные успѣвали прижаться къ стѣнкѣ. Черезъ нѣкоторое время принесли веревки и сумасшедшія рубахи. Городовые, надзиратели и конвойные врывались въ камеры и связывали, кого веревками, кого въ сумасшедшія рубахи, причемъ связанныхъ, особенно же сопротивлявшихся, немилосердно били и бросали объ полъ. Чтобы не видно было крови, лица избитыхъ затирали сажей. Четыре часа арестованные пролежали связанными на асфальтовомъ полу; но этого показалось недостаточно, и пріѣхавшій инспекторъ назначилъ еще наказанія. Трехъ товарищей посадили на семь сутокъ въ темный карцеръ, остальныхъ въ свѣтлый на хлѣбъ и воду на тотъ же срокъ. Принимавшіе участіе въ происшедшемъ нѣсколько раньше столкновеніи съ администраціей, были, кромѣ того, лишены на два мѣсяца „выписки“, книгъ, письменныхъ принадлежностей и свиданій. Наконецъ, со всѣхъ заключенныхъ постановлено было взыскать стоимость произведенныхъ ими поврежденій тюремнаго имущества, которая, по совершенно произвольной оцѣнкѣ, опредѣлена была въ 500 руб. 50 рублей инспекторъ забралъ сейчасъ же, не объявивъ даже объ этомъ собственникамъ денегъ. Эти мѣры могли только настроить товарищей на дальнѣйшій протестъ, и они рѣшили прибѣгнуть къ крайнему средству — къ голодовкѣ. Передъ этимъ рѣшено было вызвать товарища прокурора, такъ какъ къ этому времени былъ назначенъ новый начальникъ изъ Александровска, оказавшійся такимъ бурбономъ, что никто не пожелалъ съ нимъ разговаривать. Не смотря на продолжительныя шумныя требованія, товарищъ прокурора не явился, и къ голодовкѣ приступили, не заявивъ предварительно о своихъ требованіяхъ. Нѣкоторые слабохарактерные прекратили голодовку на четвертый день, остальные 27 чел. продолжали. Лишь на 6-ой день явился товарищъ прокурора, который ограничился тѣмъ, что убѣждалъ нашего выборнаго „не заставлять другихъ голодать“. Голодовка, понятно, продолжалась, пока на 11-ый день не пріѣхалъ снова товарищъ прокурора. Ему предъявлены были требованія: отмѣна наказаній, снятіе уголовной одежды съ нелегальнаго товарища, возвратъ денегъ, забранныхъ инспекторомъ, вѣжливое обращеніе, общая прогулка, оставленіе камеръ отпертыми. Наказанія обѣщано было снять съ женщинъ сейчасъ же, а съ мущинъ недѣлей позже; исключеніе сдѣлано для выписки продуктовъ, въ виду того, что на наши деньги необходимо пополнить 500 руб. убытка, но за то обѣщано принимать передачу отъ родственниковъ; общая прогулка разрѣшена только тѣмъ, кто сидитъ въ общей камерѣ; товарища переодѣть въ свою одежду обѣщали въ скоромъ времени. Остальныя требованія отвергнуты. Въ виду колеблющагося настроенія (кое-кто прекратилъ голодовку на 7-8-ой день) рѣшено было удовлетвориться этими немногими уступками. Такимъ образомъ, голодовка была сломана. Если бы дѣло происходило въ губернскомъ городѣ, то результаты были бы, вѣроятно, болѣе значительные, а то въ этомъ дрянномъ уѣздномъ городишкѣ можно умереть, и не скоро объ этомъ узнаютъ.

Новый начальникъ ввелъ новый режимъ, режимъ грубостей и отстрастки. Надзиратели по малѣйшему поводу (напр., разговоръ во время прогулки) ругаются и даже позволяютъ себѣ толкаться и грозятъ стрѣлять. На этой почвѣ происходятъ стычки, но до крупныхъ столкновеній у насъ, политиковъ, пока дѣло не дошло. Зато уголовные, выведенные изъ себя жестокостями и преслѣдованіями начальника, устроили бунтъ. Они напали на дежурнаго надзирателя, отняли у него револьверъ и ключи, заперлись и забаррикадировались въ камерѣ и потребовали исправника и прокурора. Однако, никто изъ начальства не явился, а прибыла только полицейская команда, которая стала обстрѣливать запершихся, сначала только черезъ дверь и окна; арестанты все отказывались выдать револьверъ, и только, когда, пробивъ потолокъ, осаждающіе начали обстрѣливать съ трехъ сторонъ, и начальникъ пригрозилъ перестрѣлять всѣхъ, они сдались подъ условіемъ, что ихъ не будутъ бить, а только посадятъ въ карцеръ. Это обѣщаніе имъ было дано, но, послѣ выдачи револьвера, подлѣйшимъ образомъ нарушено. Арестанты были безпощадно избиты; шесть человѣкъ пошли въ карцеръ. Такимъ образомъ, начальство осталось побѣдителемъ по всей линіи.

Митава. (Кризисъ. Сходка въ лѣсу. Бунтъ и голодовка въ тюрьмѣ). Экономическій кризисъ отразился довольно сильно и на Митавѣ. Фабрики и заводы одинъ за другимъ увольняютъ рабочихъ; одна фабрика даже сократила число ихъ на половину. За неимѣніемъ средствъ къ существованію, нѣкоторые изъ разсчитанныхъ рабочихъ сдѣлались шпіонами. Настроеніе среди рабочихъ подавленное.

Въ первыхъ числахъ іюня мѣстной латышской организаціей было устроено собраніе въ лѣсу, на которомъ присутствовало больше 90 человѣкъ (евреевъ, латышей, литовцевъ, — большей частью, учащихся). Былъ прочитанъ рефератъ: „О роли интеллигенціи въ революціонномъ движеніи“. Послѣ реферата были дебаты. Рефератъ выяснялъ необходимость присоединенія интеллигенціи къ пролетарскому движенію и невозможность для нея образовать собственную партію. Собраніе продолжалось съ трехъ часовъ утра до 11 вечера; настроеніе было приподнятое. Разошлись съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и возгласами: „Долой самодержавіе, да здравствуетъ соціализмъ“. На мѣстныя нужды собрано было 55 руб.

Послѣ того, какъ бывшій жандармскій полковникъ Кладо получилъ отставку, пріѣхалъ къ намъ на его мѣсто жандармскій полковникъ изъ Баку. Онъ нашелъ тюрьму переполненной арестованными на демонстраціи 11 апрѣля и при послѣднемъ провалѣ (34 ч.). Онъ сталъ лично руководить слѣдствіемъ. 20 мая были вызваны двое рабочихъ, отъ которыхъ онъ требовалъ признанія въ виновности въ распространеніи прокламацій. При этомъ онъ кричалъ, что сгноитъ ихъ въ тюрьмѣ и будетъ пытать раскаленнымъ желѣзомъ, если не признаются. Страшно взволнованные, возвратились они въ тюрьму и сообщили объ этомъ товарищамъ. Это послужило поводомъ къ бунту, такъ какъ причинъ для недовольства уже ранѣе накопилось достаточно (отсутствіе тюфяковъ, скверная пища; письма получались изъ жандармскаго управленія до того испачканными, что ихъ невозможно было читать). Заключенные подняли страшный стукъ, въ нѣкоторыхъ камерахъ была зажжена солома, были выбиты окна, и изъ всѣхъ камеръ раздалось стройное революціонное пѣніе. Вокругъ тюрьмы собралась толпа; нѣсколько лодокъ подъѣхало къ тюрьмѣ по рѣкѣ; нѣкоторые изъ толпы махали платками. На страшный шумъ прибѣжалъ надзиратель, умоляя заключенныхъ успокоиться, и обѣщалъ удовлетворить всѣ требованія. Явилась полиція и стала разгонять толпу. Въ тюрьму пріѣхалъ прокруроръ и также обѣщалъ удовлетворить всѣ требованія. На другой день заключенные устроили иллюминацію, а на рѣкѣ въ это время раздавалось революціонное пѣніе. Такъ какъ на третій день была удовлетворена только часть требованій, то было рѣшено объявить голодовку (8 іюня). Результатъ еще неизвѣстенъ.

Редакціей получено слѣдующее дополнительное краткое сообщеніе: Голодовка кончилась. Удовлетворены всѣ требованія, за исключеніемъ куренія табаку, а именно: 1) совмѣстная прогулка; 2) посѣщеніе другъ друга; 3) отмѣна свиданій черезъ рѣшетку; 4) лучшая пища; 5) позволеніе имѣть цвѣты въ камерахъ, 6) позволеніе имѣть при себѣ часы, 7) ускореніе слѣдствія. Черезъ нѣсколько дней, по окончаніи слѣдствія, нѣкоторые выпущены. Ожидается въ скоромъ времени освобожденіе и прочихъ.

⁂

P. S. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „Искры“ была напечатана корреспонденція о демонстраціи 11 апрѣля въ Митавѣ, гдѣ факты были сильно извращены. Въ цѣляхъ возстановленія истины считаемъ необходимымъ сообщить слѣдующее: Рабочіе съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и развернутымъ знаменемъ дошли только до воротъ церкви, гдѣ на нихъ набросилась полиція и началась настоящая бойня. Что касается прокламацій, то значительная часть ихъ попала не въ карманы публики, а въ мѣшки полицейскихъ. Этимъ объясняется то, что въ городѣ на демонстрацію смотрѣли, какъ на предпріятіе анархистовъ, которые хотѣли, будто бы, убить священника, но полиція имъ помѣшала. („Вѣдь не начнутъ же соціальдемократы драки въ церкви“). Побитъ, но не убитъ, околодочный Штейнертъ. Изъ этого видно, что „въ высшей степени удачной“ демонстрацію назвать нельзя.

Воронежъ. Іюль. Только что окончилась „исторія“ въ нашей тюрьмѣ. Началась она по слѣдующему поводу. Къ концу мая былъ арестованъ мѣстный рабочій Андрей Михаленко. Въ ту же ночь на улицѣ города былъ найденъ свертокъ съ прокламаціями. Михаленко и обвинили въ распространеніи этихъ прокламацій. Михайленко никакихъ показаній не давалъ, его начинаютъ систематически преслѣдовать. Роль палача взялъ на себя начальникъ мѣстной тюрьмы Махмудъ Бекъ, который присланъ сюда съ Кавказа для того, чтобы завести настоящіе порядки! Въ тюрьмѣ Михайленко лишили книгъ, улучшенной пищи, переписки, водили на прогулку не каждый день, по 4-5 дней не выносили изъ камеры парашу, грозили розгами. Но все напрасно. Изобрѣли бы еще какой нибудь способъ воздѣйствія, если бы не вмѣшались товарищи, (въ настоящее время въ мѣстной тюрьмѣ сидятъ: по Воронежскому дѣлу: Анисимовъ, Часовниковъ, Михайленко, присланные изъ другихъ городовъ: Мейлинъ, Плаксинъ, Федякинъ, Соколовскій и Колчинскій). Какъ только послѣдніе узнали объ этомъ, то немедленно позвали начальника; когда тотъ не явился, стучали въ двери. Наконецъ, поздно ночью, явился пьяный начальникъ и съ наглой улыбкой заявилъ, что Михайленкѣ живется хорошо и обѣщалъ завтра же повести одного изъ товарищей убѣдиться въ справедливости его словъ. Утромъ слѣдующаго дня онъ не явился. Снова подняли стукъ. Тогда его помощникъ съ надзирателями увели одного въ карцеръ. Возмущенные до глубины души, товарищи стали бить окна, двери, столы и табуреты, требуя возвращенія товарища. — Явилась новая орава и потащила всѣхъ въ карцеръ, причемъ тѣхъ, которые не шли, по дорогѣ били. Одинъ больной товарищъ, отъ котораго скрывали эту исторію, лишь только узналъ о происшедшемъ, потребовалъ къ себѣ начальника и въ разговорѣ назвалъ его мерзавцемъ (противъ него возбуждено обвиненіе въ нападеніи на власть при исполненіи обязанностей). Немедленно была созвана коммиссія для разслѣдованія этого дѣла изъ тюремнаго инспектора и товарища прокурора. Рѣшили, конечно, что во всемъ виноваты „политическіе“ и положили такую резолюцію: продержать на хлѣбѣ и товиться къ отъѣзду. Партія отказалась, и когда явился офицеръ, предъявила ему требованіе, чтобы онъ приходилъ, когда партія желаетъ его видѣть, и отпускалъ на этапахъ одного человѣка за провизіей. То и другое было обѣщано.

---

[1]) Солдаты все это время относились къ политическимъ сочувственно и очень неохотно и неусердно исполняли воинственныя приказанія своего начальника. Били прикладами всего 4 или 5 челов. и то такъ, что не только ранъ, но и синяковъ ни у кого не оказалось. Потомъ солдаты извинялись передъ политическими и просили не ставить ихъ въ такое положеніе.

[2]) Мѣсто, откуда начинается водный путь по Ленѣ.

[3]) По другимъ свѣдѣніямъ солдаты были построены на берегу, а лишь двухъ офицеръ взялъ съ собою на паузокъ.

Вечеромъ того же дня партія была встрѣчена ссыльными селъ Куяды и Тугутуя, пришедшими за 10 верстъ, чтобы повидаться съ товарищами. Офицеръ не разрѣшилъ имъ видѣться на дорогѣ, но обѣщалъ дать свиданіе на этапѣ. Слова своего онъ не сдержалъ и по вызову опять не явился къ партіи; вышедшіе же на встрѣчу товарищи были арестованы и отпущены только послѣ ухода этапа. На утро снова было объясненіе съ офицеромъ, и подано заявленіе за подписью всѣхъ съ требованіемъ свиданій въ пути.

Слѣдующая дневка опять не обошлась безъ столкновенія. Старостѣ партіи, тов. Лурье, человѣку слабому и больному, сдѣлалось дурно; офицеръ не разрѣшилъ фельдшеру дать ему лѣкарство и лишь, когда партія отказалась тронуться въ путь, уступилъ, но все же приказалъ отправляться, не дожидаясь, пока Л. оправится. Партія заявила, что не пойдетъ; тогда онъ сдѣлалъ видъ, что будетъ стрѣлять, но такъ какъ это не подѣйствовало, ограничился тѣмъ, что велѣлъ солдатамъ растащить политическихъ и уложить больного Л. на телѣгу.

На пятый день партія прибыла въ с. Манзурское, гдѣ есть ссыльные. Рѣшено было не уѣзжать, не добившись свиданія. Предварительно потребовали разрѣшенія отъ становаго, сопровождавшаго партію, но послѣдній заявилъ, что при всемъ желаніи не можетъ итти противъ Кутайсовскихъ циркуляровъ и даже отправился впередъ предупредить манзурцевъ, чтобы они свиданія не добивались. По прибытіи въ Манзурское приставъ объявилъ, что мѣстные товарищи отказались требовать свиданія, и хотѣлъ привести одного изъ представителей колоніи, который долженъ былъ подтвердить это. Офицеръ не согласился и на такое частичное свиданіе; партія отказалась тронуться. Давъ „пять минутъ на размышленіе", Сикорскій скомандовалъ взять насъ силой; солдаты схватили насъ, причемъ пустили въ ходъ приклады1). Дальше насъ повезли связанными; проѣзжая черезъ села, товарищи пѣли революціонныя пѣсни, подъѣзжая же къ с. Качугу2), рѣшили слѣзть съ телѣгъ и пройтись черезъ село, гдѣ есть ссыльные, съ краснымъ знаменемъ. Привести это въ исполненіе не удалось, т. к. партію остановили на другомъ берегу. Пріѣхалъ становой, передалъ поклонъ отъ качугскихъ товарищей и опять сообщилъ, что они отказались отъ свиданія съ проѣзжающими.

Начало плаванія по Ленѣ не описано въ полученныхъ нами корреспонденціяхъ. Самая же катастрофа и предшествовавшія ей событія изображены товарищемъ, присоединившемся къ партіи въ Киренскѣ.

„Въ селѣ Чечуйскомъ къ намъ вышли два товарища, живущіе тамъ. Тутъ же мы высадили одну дѣвушку — Гиршфельдъ. Все было тихо, но передъ отправкой Гиршфельдъ пришла къ намъ и принесла немного провизіи. Солдаты вздумали было передать ее намъ, но офицеръ увидѣлъ это съ своего паузка и закричалъ: „не пропускать", а когда Г. бросила на землю къ намъ эти вещи, велѣлъ бить и загнать товарищей на паузокъ. Солдаты (около 20 ч.) бросились съ прикладами, и произошла свалка. Почти всѣхъ вогнали въ воду, т. к. по одной доскѣ нельзя было сразу всѣмъ пройти на паузокъ, и всѣ получили удары. Нѣкоторые были ранены сильно въ голову прикладами, другіе получили массу ушибовъ, одинъ раненъ штыкомъ въ бокъ легко. Когда всѣ были уже на паузкѣ, офицеръ закричалъ „пли", солдаты сдѣлали около 20 выстрѣловъ, но въ воздухъ. Офицеръ не позволилъ фельдшеру, который ѣхалъ при партіи, придти къ намъ тотчасъ. Лишь часа черезъ два-три пришли два фельдшера: военный и чечуйскій, и сдѣлали нѣкоторымъ новыя перевязки, записавъ число раненыхъ и избитыхъ. Дверь паузка у насъ заперли и, по распоряженію офицера, никого не выпускали изнутри. Немного погодя, офицеръ вызвалъ къ себѣ старосту нашей партіи и страшно ругался, называлъ ихъ „жидами", „мерзавцами", угрожая высѣчь и пр. То же повторилось и съ товарищемъ Рѣшетовымъ, который былъ вызванъ послѣ. Офицеру никто изъ нихъ ничего не отвѣчалъ. Потомъ онъ вызвалъ Ревекку Вайнерманъ, молодую дѣвушку, и повелъ себя иначе. Онъ заперъ дверь и обратился къ ней съ гнуснымъ предложеніемъ, предлагалъ деньги и всякія удобства, предлагалъ вино и угощеніе и потомъ грозилъ, что свяжетъ ее, т. к. она арестантка, и онъ можетъ дѣлать все, что хочетъ. Нечего повторять всѣ тѣ мерзости которыя онъ говорилъ. Она ничего не отвѣчала, страшно напуганная. Лишь случайность спасла ее. Къ офицеру пришелъ фельдшеръ, а вмѣстѣ съ нимъ успѣла выбѣжать и В. Офицеръ, видя, что ему не удалось, велѣлъ отвести В. обратно. Сами конвойные, которые стояли у дверей офицерской каюты, были возмущены. В. пришла къ намъ и сказала только, что мы нехорошо поступили, отпустивъ ее одну; съ ней сдѣлалась истерика. Всѣ были страшно поражены. Такъ тянулось дѣло до 7-го; мы плыли дальше, режимъ былъ по прежнему гнетущій. Въ ночь на 7 іюня часа въ три утра офицеръ прислалъ съ своего паузка лодку съ двумя солдатами, чтобы привезти къ нему В. Конвойный унтеръ-офицеръ нашего паузка понялъ намѣренія офицера и рѣшилъ не исполнять приказаній. Солдаты отплыли обратно и вернулись съ категорическимъ приказомъ привезти В., даже если придется бить и убивать товарищей, если они окажутъ сопротивленіе, В. же не бить, по возможности. Ун.-оф. опять отказался это сдѣлать, а солдаты остались у насъ на паузкѣ. Днемъ мы должны были прибыть въ Витимъ, гдѣ есть полицейскія власти, къ которымъ можно было обратиться за помощью. И вотъ происходила какая то ужасная гонка: офицерскій паузокъ то приближался къ намъ, то отставалъ, мы старались уйти. Мы всѣ не спали всю ночь, рѣшивъ защищаться до послѣдней крайности. Часа въ два пріѣхали въ Витимъ. Ковойные, по собственной инпціативѣ, послали телеграмму отъ себя начальнику своей бригады, прося защиты противъ офицера, который даетъ имъ незаконныя приказанія. Немного позже и мы отправили срочную телеграмму Ген.-Губ. и Мин. Внутр. Дѣлъ. Объ этомъ заявили и мѣстному приставу, который сначала не обратилъ было вниманія, но потомъ явился и принужденъ былъ убѣдиться въ серьезности положенія. Ночью мы отплыли дальше. Съ нами на отдѣльной лодкѣ ѣхалъ приставъ, который рѣшилъ ѣхать до конца своего участка. Офицеръ передъ отправкой получилъ какую то телеграмму, на которую отвѣтилъ длинной депешей. Дня три мы ѣхали тихо, въ непрестанномъ ожиданіи, однако, насилія. Офицеръ не ходилъ на нашъ паузокъ. Ночью 10 іюня онъ явился къ намъ, но т. к. около насъ ѣхалъ приставъ, то онъ не зашелъ внутрь, провѣрилъ лишь солдатъ и уѣхалъ. Утромъ 10 іюня приставъ оставилъ насъ, т. к. кончился его участокъ, и послалъ телеграмму въ Олекминскъ, чтобы выѣхали къ намъ навстрѣчу. Нѣкоторое время мы должны были ѣхать одни съ офицеромъ. Этимъ онъ и рѣшилъ, очевидно, воспользоваться, т. к. въ ночь на 11 іюня и произошла катастрофа. Часа въ три утра онъ пріѣхалъ опять на нашъ паузокъ, пьяный, созвалъ всѣхъ солдатъ (11 ч.), построилъ ихъ передъ входомъ внутрь паузка на носу3) въ боевомъ порядкѣ и отворилъ дверь. Мы въ это время стояли въ селѣ Нохтуйскомъ, Якутск. обл. Унтеръ-офицера онъ послалъ предварительно на берегъ. Самъ онъ былъ вооруженъ съ ногъ до головы: за голенищемъ кинжалъ, въ рукахъ нагайка, въ карманѣ револьверъ и т. д. Внутри паузка многіе спали, нѣкоторые же бодрствовали, т. к. всѣ предшествующія ночи были полны ожиданія насилій. Почти никто не раздѣвался. Офицеръ сдѣлалъ два шага отъ двери къ мѣсту, гдѣ спали женщины. Противъ него въ глубинѣ паузка стоялъ тов. Минскій. Онъ тотчасъ приблизился къ офицеру и въ упоръ выстрѣлилъ въ него. Пуля попала въ шею, пробила сонную артерію, и офицеръ безъ звука повалился мертвый на полъ. Проходъ въ паузкѣ очень малъ, арш. полтора въ ширину. Солдаты стояли снаружи. Послѣ выстрѣла Минскаго со стороны солдатъ послѣдовало два-три выстрѣла изъ ружей. Былъ убитъ тов. Шацъ, и раненъ въ ухо Минскій. Такъ какъ офицеръ былъ мертвъ, и унт.-оф. не было, то солдаты пріостановились со стрѣльбой. Но напуганные предстоящей отвѣтственностью за то, что допустили убійство начальника, и подчиняясь чувству солдатской дисциплины, они снова заволновались и хотѣли начать стрѣлять. Раздались ожесточенные крики: „Всѣхъ перестрѣляемъ! Никого не выпустимъ живымъ! Стрѣляйте! Чего смотрѣть!" Когда изъ паузка хотѣли выбѣжать семьи ѣхавшихъ съ нами духоборовъ, то ихъ не пустили: „Все одно, всѣхъ перебьемъ". Одни солдаты заряжали ружья, другіе останавливали. Тов. Минскій обратился къ нимъ со словами: „солдаты, вѣдь вы знаете, за что я убилъ офицера, вѣдь противъ васъ мы ничего не имѣемъ. Не стрѣляйте сюда, здѣсь есть посторонніе люди, есть дѣти, дайте имъ уйти; убилъ я одинъ, я и буду за все отвѣчать." Солдаты не слушали. Прибѣжалъ, наконецъ, унтеръ-офицеръ, еще болѣе перепуганный, и хотѣлъ сдѣлать тоже. Онъ сейчасъ же оцѣпилъ угольный паузокъ, вывелъ семейныхъ построилъ солдатъ на берегу противъ паузка и хотѣлъ командовать стрѣлять. Я не знаю, что удержало его отъ этого послѣдняго слова, но оно имъ произнесено не было. Въ одномъ изъ писемъ (отъ живущаго въ Нахтуйскѣ товарища) сказано, что его отговорилъ фельдшеръ. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ... Трупы остались на своихъ мѣстахъ. Потянулись длинные, часы томительнаго ожиданія. Мы стояли въ Нохтуйскѣ два дня пока не пріѣхали судебныя власти изъ Олекминска. Положеніе было тяжелое. Утромъ 12 іюля пріѣхалъ изъ Киренска новый офицеръ, назначенный, какъ оказалось, вслѣдствіе телеграммъ солдатъ изъ Витима. Это былъ совсѣмъ другой человѣкъ. Онъ снялъ осадное положеніе. 12-го же вечеромъ пріѣхали судебный слѣдователь, врачъ, исправникъ и такъ далѣе. Вынесли трупы и произвели предварительный осмотръ. Вечеромъ выѣхали дальше. Всѣ власти ѣдутъ съ нами. Трупы везутъ на отдѣльной лодкѣ. Минскій помѣщенъ на офицерскомъ паузкѣ. Судебныя власти уже допросили нѣкоторыхъ. Всѣ обстоятельства указываютъ, что убійство было актомъ вынужденной самообороны.

---

1) Солдаты все это время относились къ политическимъ сочувственно и очень неохотно и неусердно исполняли воинственныя приказанія своего начальника. Били прикладами всего 4 или 5 челов. и то такъ, что не только ранъ, но и синяковъ ни у кого не оказалось. Потомъ солдаты извинялись передъ политическими и просили не ставить ихъ въ такое положеніе.

2) Мѣсто, откуда начинается водный путь по Ленѣ.

3) По другимъ свѣдѣніямъ солдаты были построены на берегу, а лишь двухъ офицеръ взялъ съ собою на паузокъ.

Бѣлостокъ. 18 іюля въ здѣшнюю тюрьму привезли четверыхъ политическихъ для дальнѣйшей отправки въ Ломжу: М. Готлобера и М. Залкинда (изъ Таганрога), Вл. Панченко и С. Церлербаума (бѣжалъ въ октябрѣ изъ Иркутской тюрьмы — ссылался на 10 л. въ Якут. Обл. — и арестованъ въ январѣ 1904 въ Екатеринославѣ). Пересылаемые были предупреждены, что пробудутъ въ Бѣлостокѣ 11 дней, чѣмъ они воспользовались для того, чтобы написать роднымъ о присылкѣ денегъ и пріѣздѣ для свиданій. Между тѣмъ, по пріѣздѣ ихъ въ Бѣлостокъ, имъ было заявлено, что они пойдутъ этапомъ на слѣдующій день. Вызванный заключенными врачъ призналъ одного изъ нихъ больнымъ, но 19 іюля, передъ осмотромъ другихъ заключенныхъ, чистосердечно сознался имъ, что тов. прокурора ему *приказалъ* всѣхъ ихъ признать здоровыми. Тогда всѣ четверо заявили, что добровольно не пойдутъ. Послѣ объясненій съ полиціймейстеромъ и тов. прокурора, заключенные оказали сопротивленіе прибывшему для „усмиренія" конвою, срывали съ себя одежду, которую насильно одѣвали на нихъ конвойные. Кончилось тѣмъ, что ихъ заковали въ ручные кандалы и повели на вокзалъ. Всю дорогу небольшая партія пѣла революціонныя пѣсни и кричала „долой самодержавіе". Собралась громадная толпа, сочувственно подхватившая эти крики. На вокзалѣ около вагона, въ которомъ находились заключенные, собралось до 200 чел., въ концѣ концовъ, разсѣянныхъ полиціей и жандармами.

Лугансъ (письмо изъ тюрьмы). Одинъ изъ нашихъ товарищей, нелегальный, отказывался все время отъ всякихъ показаній. Когда навели справки по его документу, то оказалось, что послѣдній принадлежитъ другому лицу. Жандармерія рѣшила прибѣгнуть къ обвиненію въ бродяжничествѣ и переодѣть его въ уголовную одежду. Ему заявили, что слѣдствіе по политическому дѣлу кончено, и что теперь очередь отвѣтить за бродяжничество, а потому предложили переодѣться. Товарищъ отвѣтилъ, что статьи по его политическому дѣлу грозятъ ему болѣе суровымъ наказаніемъ, чѣмъ то, которое полагается за бродяжничество, что, поэтому, онъ имѣетъ право носить собственное платье, и категорически отказался одѣть сѣрую куртку. Тогда администрація прибѣгла къ насильственному переодѣванію, причемъ товарища избили до безпамятства. Онъ очнулся только въ темномъ карцерѣ и уже въ уголовной одеждѣ.

Товарищи, находившіеся по близости, слыша крики, конечно, не могли оставаться равнодушными и, въ видѣ протеста, стали выбивать двери. Стоялъ страшный грохотъ, пыль отъ осыпающейся извести носилась по корридору, это продолжалось часа полтора. Призвали полицію и конвой, которые стали расхаживать по корридору, ругать площадными словами заключенныхъ и даже стрѣлять въ камеры чрезъ прозорки. Выстрѣлы никому вреда не причинили, такъ какъ предварительно солдаты кричали „берегись", и арестованные успѣвали прижаться къ стѣнкѣ. Черезъ нѣкоторое время принесли веревки и сумасшедшія рубахи. Городовые, надзиратели и конвойные врывались въ камеры и связывали, кого веревками, кого въ сумасшедшія рубахи, причемъ связанныхъ, особенно же сопротивлявшихся, немилосердно били и бросали объ полъ. Чтобы не видно было крови, лица избитыхъ затирали сажей. Четыре часа арестованные пролежали связанными на асфальтовомъ полу, но этого показалось недостаточно, и пріѣхавшій инспекторъ назначилъ еще наказанія. Трехъ товарищей посадили на семь сутокъ въ темный карцеръ, остальныхъ въ свѣтлый на хлѣбъ и воду на тотъ же срокъ. Принимавшіе участіе въ происшедшемъ нѣсколько раньше столкновеніи съ администраціей, были, кромѣ того, лишены на два мѣсяца „выписки", книгъ, письменныхъ принадлежностей и свиданій. Наконецъ, со всѣхъ заключенныхъ постановленно было взыскать стоимость произведенныхъ ими поврежденій тюремнаго имущества, которая, по совершенно произвольной оцѣнкѣ, опредѣлена была въ 500 руб. 50 рублей инспекторъ забралъ сейчасъ же, не объявивъ даже объ этомъ собственникамъ денегъ. Эти мѣры могли только настроить товарищей на дальнѣйшій протестъ, и они рѣшили прибѣгнуть къ крайнему средству — къ голодовкѣ. Передъ этимъ рѣшено было вызвать товарища прокурора, такъ какъ къ этому времени былъ назначенъ новый начальникъ изъ Александровска, оказавшійся такимъ бурбономъ, что никто не пожелалъ съ нимъ разговаривать. Не смотря на продолжительныя шумныя требованія, товарищъ прокурора не явился, и къ голодовкѣ приступили, не заявивъ предварительно о своихъ требованіяхъ. Нѣкоторые слабохарактерные прекратили голодовку на четвертый день, остальные 27 чел. продолжали. Лишь на 6-ой день явился товарищъ прокурора, который ограничился тѣмъ, что убѣждалъ нашего выборнаго „не заставлять другихъ голодать". Голодовка, понятно, продолжалась, пока на 11-ый день не пріѣхалъ снова товарищъ прокурора. Ему предъявлены были требованія: отмѣна наказаній, снятіе уголовной одежды съ нелегальнаго товарища, возвратъ денегъ, забранныхъ инспекторомъ, вѣжливое обращеніе, общая прогулка, оставленіе камеръ отпертыми. Наказанія обѣщано было снять съ женщинъ сейчасъ же, а съ мушинъ недѣлей позже; исключеніе сдѣлано для выписки продуктовъ, въ виду того, что на наши деньги необходимо пополнить 500 руб. убытка, но за то обѣщано принимать передачу отъ родственниковъ; общая прогулка разрѣшена только тѣмъ, кто сидитъ въ общей камерѣ; товарища переодѣть въ свою одежду обѣщали въ скоромъ времени. Остальныя требованія отвергнуты. Въ виду колеблющагося настроенія (кое-кто прекратилъ голодовку на 7-8-ой день) рѣшено было удовлетвориться этими немногими уступками. Такимъ образомъ, голодовка была сломана. Если бы дѣло происходило въ губернскомъ городѣ, то результаты были бы, вѣроятно, болѣе значительные, а то въ этомъ дрянномъ уѣздномъ городишкѣ можно умереть, и не скоро объ этомъ узнаютъ.

Новый начальникъ ввелъ новый режимъ, режимъ грубостей и отстрастки. Надзиратели по малѣйшему поводу (напр., разговоръ во время прогулки) ругаются и даже позволяютъ себѣ толкаться и грозятъ стрѣлять. На этой почвѣ происходятъ стычки, но до крупныхъ столкновеній у насъ, политиковъ, пока дѣло не дошло. Зато уголовные, выведенные изъ себя жестокостями и преслѣдованіями начальника, устроили бунтъ. Они напали на дежурнаго надзирателя, отняли у него револьверъ и ключи, заперлись и забаррикадировались въ камерѣ и потребовали исправника и прокурора. Однако, никто изъ начальства не явился, а прибыла только полицейская команда, которая стала обстрѣливать запершихся, сначала только черезъ дверь и окна; арестанты все отказывались выдать револьверъ, и только, когда, пробивъ потолокъ, осаждающіе начали обстрѣливать съ трехъ сторонъ, и начальникъ пригрозилъ перестрѣлять всѣхъ, они сдались подъ условіемъ, что ихъ не будутъ бить, а только посадятъ въ карцеръ. Это обѣщаніе имъ было дано, но, послѣ выдачи револьвера, подлѣйшимъ образомъ нарушено. Арестанты были безпощадно избиты; шесть человѣкъ пошли въ карцеръ. Такимъ образомъ, начальство осталось побѣдителемъ по всей линіи.

Митава. (Кризисъ. Сходка въ лѣсу. Бунтъ и голодовка въ тюрьмѣ). Экономическій кризисъ отразился довольно сильно и на Митавѣ. Фабрики и заводы одинъ за другимъ увольняютъ рабочихъ; одна фарика даже сократила число ихъ на половину. За неимѣніемъ средствъ къ существованію, нѣкоторые изъ разсчитанныхъ рабочихъ сдѣлались шпіонами. Настроеніе среди рабочихъ подавленное.

Въ первыхъ числахъ іюня мѣстной латышской организаціей было устроено собраніе въ лѣсу, на которомъ присутствовало больше 90 человѣкъ (евреевъ, латышей, литовцевъ, — большей частью, учащихся). Былъ прочитанъ рефератъ: „О роли интеллигенціи въ революціонномъ движеніи". Послѣ реферата были дебаты. Рефератъ выяснилъ необходимость присоединенія интеллигенціи къ пролетарскому движенію и невозможность для нея образовать собственную партію. Собраніе продолжалось съ трехъ часовъ утра до 11 вечера; настроеніе было приподнятое. Разошлись съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и возгласами: „Долой самодержавіе, да здравствуетъ соціализмъ". На мѣстныя нужды собрано было 55 руб.

Послѣ того, какъ бывшій жандармскій полковникъ Кладо получилъ отставку, пріѣхалъ къ намъ на его мѣсто жандармскій полковникъ изъ Баку. Онъ нашелъ тюрьму переполненной арестованными на демонстраціи 11 апрѣля и при послѣднемъ провалѣ (34 ч.). Онъ сталъ лично руководить слѣдствіемъ. 20 мая были вызваны двое рабочихъ, отъ которыхъ онъ требовалъ признанія въ виновности въ распространеніи прокламацій. При этомъ онъ кричалъ, что сгноитъ ихъ въ тюрьмѣ и будетъ пытать раскаленнымъ желѣзомъ, если не признаются. Страшно взволнованные, возвратились они въ тюрьму и сообщили объ этомъ товарищамъ. Это послужило поводомъ къ бунту, такъ какъ причинъ для недовольства уже ранѣе накопилось достаточно (отсутствіе тюфяковъ, скверная пища; письма получались изъ жандармскаго управленія до того испачканными, что ихъ невозможно было читать). Заключенные подняли страшный стукъ, въ нѣкоторыхъ камерахъ была зажжена солома, были выбиты окна, и изъ всѣхъ камеръ раздалось стройное революціонное пѣніе. Вокругъ тюрьмы собралась толпа; нѣсколько лодокъ подъѣхало къ тюрьмѣ по рѣкѣ; нѣкоторые изъ толпы махали платками. На страшный шумъ прибѣжалъ надзиратель, умоляя заключенныхъ успокоиться, и обѣщалъ удовлетворить всѣ требованія. Явилась полиція и стала разгонять толпу. Въ тюрьму пріѣхалъ прокурорь и также обѣщалъ удовлетворить всѣ требованія. На другой день заключенные устроили иллюминацію, а на рѣкѣ въ это время раздавалось революціонное пѣніе. Такъ какъ на третій день была удовлетворена только часть требованій, то было рѣшено объявить голодовку (8 іюня). Результатъ еще неизвѣстенъ.

Редакціей получено слѣдующее дополнительное краткое сообщеніе: Голодовка кончилась. Удовлетворены всѣ требованія, за исключеніемъ куренія табаку, а именно: 1) совмѣстная прогулка; 2) посѣщеніе другъ друга; 3) отмѣна свиданій черезъ рѣшетку; 4) лучшая пища; 5) позволеніе имѣть цвѣты въ камерахъ, 6) позволеніе имѣть при себѣ часы, 7) ускореніе слѣдствія. Черезъ нѣсколько дней, по окончаніи слѣдствія, нѣкоторые выпущены. Ожидается въ скоромъ времени освобожденіе и прочихъ.

⁂

P. S. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „Искры" была напечатана корреспонденція о демонстраціи 11 апрѣля въ Митавѣ, гдѣ факты были сильно извращены. Въ цѣляхъ возстановленія истины считаемъ необходимымъ сообщить слѣдующее: Рабочіе съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и развернутымъ знаменемъ дошли только до воротъ церкви, гдѣ на нихъ набросилась полиція и началась настоящая бойня. Что касается прокламацій, то значительная часть ихъ попала не въ карманы публики, а въ мѣшки полицейскихъ. Этимъ объясняется то, что въ городѣ на демонстрацію смотрѣли, какъ на предпріятіе анархистовъ, которые хотѣли, будто бы, убить священника, но полиція имъ помѣшала. („Вѣдь не начнутъ же соціальдемократы драки въ церкви"). Побитъ, но не убитъ, околодочный Штейнертъ. Изъ этого видно, что „въ высшей степени удачной" демонстрацію назвать нельзя.

Воронежъ. Іюль. Только что окончилась „исторія" въ нашей тюрьмѣ. Началась она по слѣдующему поводу. Къ концу мая былъ арестованъ мѣстный рабочій Андрей Михаленко. Въ ту же ночь на улицѣ города былъ найденъ свертокъ съ прокламаціями. Михаленко и обвинили въ распространеніи этихъ прокламацій. Михайленко никакихъ показаній не давалъ, его начинаютъ систематически преслѣдовать. Роль палача взялъ на себя начальникъ мѣстной тюрьмы Махмудъ Бекъ, который присланъ сюда съ Кавказа для того, чтобы завести настоящіе порядки! Въ тюрьмѣ Михайленко лишили книгъ, улучшенной пищи, переписки, водили на прогулку не каждый день, по 4-5 дней не выносили изъ камеры парашу, грозили розгами. Но все напрасно. Изобрѣли бы еще какой нибудь способъ воздѣйствія, если бы не вмѣшались товарищи, (въ настоящее время въ мѣстной тюрьмѣ сидятъ: по Воронежскому дѣлу: Анисимовъ, Часовниковъ, Михайленко, присланные изъ другихъ городовъ: Мейлинъ, Плаксинъ, Федякинъ, Соколовскій и Колчинскій). Какъ только послѣдніе узнали объ этомъ, то немедленно позвали начальника; когда тотъ не явился, стучали въ двери. Наконецъ, поздно ночью, явился пьяный начальникъ и съ наглой улыбкой заявилъ, что Михайленкѣ живется хорошо и обѣщалъ завтра же повести одного изъ товарищей убѣдиться въ справедливости его словъ. Утромъ слѣдующаго дня онъ не явился. Снова подняли стукъ. Тогда его помощникъ съ надзирателями увели одного въ карцеръ. Возмущенные до глубины души, товарищи стали бить окна, двери, столы и табуреты, требуя возвращенія товарища. — Явилась новая орава и потащила всѣхъ въ карцеръ, причемъ тѣхъ, которые не шли, по дорогѣ били. Одинъ больной товарищъ, отъ котораго скрывали эту исторію, лишь только узналъ о происшедшемъ, потребовалъ къ себѣ начальника и въ разговорѣ назвалъ его мерзавцемъ (противъ него возбуждено обвиненіе въ нападеніи на власть при исполненіи обязанностей). Немедленно была созвана коммиссія для разслѣдованія этого дѣла изъ тюремнаго инспектора и товарища прокурора. Рѣшили, конечно, что во всемъ виноваты „политическіе" и положили такую резолюцію: продержать на хлѣбѣ и водѣ 7 дней въ темномъ карцерѣ. Но этого мало. Тюремный начальникъ, очевидно, съ одобренія своего начальства, не принимаетъ денегъ для заключенныхъ, и послѣдніе, истощенные сидѣніемъ въ карцерѣ, за отсутствіемъ денегъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, голодаютъ.

Такъ расправляются царскіе слуги съ революціонерами. Къ стыду воронежскаго общества, эти палачи принимаются въ домахъ даже извѣстныхъ въ городѣ либераловъ.

Комитетъ Партіи объявляетъ: Федора Павловича Неутратова — *предателемъ*. Арестованный въ февралѣ этого года, онъ оговорилъ многихъ товарищей и еще больше учащихся. По терминологіи „Рев. Рос.“, его можно считать предателемъ-трусомъ активнымъ, такъ какъ онъ не только давалъ самые искренніе отвѣты на предлагаемые ему вопросы, но и самъ много измышлялъ.

Нашъ городъ обогатился еще новой организаціей. На ряду съ „рабочедѣльческой“ организаціей, комитетомъ „Соц.-рев.“ и Комитетомъ Партіи, недавно объявилась „Революц. группа интеллигенціи“, которая выпустила двѣ прокламаціи. Въ первой призываютъ интеллигенцію, въ виду партійныхъ разногласій, организоваться самостоятельно. Вторая — къ запаснымъ.

Архангельскъ. Н. Ф. Насимовичъ, сидѣвшій въ темномъ карцерѣ при мѣстномъ батальонѣ за отказъ отъ военной службы, въ самомъ концѣ мая переведенъ въ свѣтлый, куда вмѣстѣ съ нимъ посаженъ еще нѣкто Цыпинъ, приговоренный на 5 лѣтъ Вост. Сиб. по дѣлу Бунда. На допросы въ настоящее время Насимовича не водятъ и ему предстоитъ ждать или суда, или рѣшенія дѣла въ административномъ порядкѣ. Пища ему дается улучшенная солдатская, обращеніе довольно сносно, но свиданія по прежнему не разрѣшены. На допросѣ 3-го мая ему было предъявлено обвиненіе уже по статьѣ 252 Уложенія о наказаніи (каторга отъ 4 до 6 лѣтъ), тогда, какъ раньше его обвиняли по 246 ст. Показаніе имъ было дано такое:

„Виновнымъ себя въ предъявленномъ мнѣ обвиненіи по 252 ст. Ул. о нак. въ ея полномъ видѣ не признаю: виновнымъ (съ юридической точки зрѣнія) считаю себя *лишь въ порицаніи (публичномъ и рѣзкомъ) существующаго образа правленія*; что же касается выраженнаго мною мнѣнія, „оскорбительнаго по своей формѣ и относящагося непосредственно къ управленію верховному“, то заявляю, что нанести своимъ мнѣніемъ *оскорбленіе* верховному управленію я отнюдь не имѣлъ въ виду, высказавъ лишь то убѣжденіе о существующемъ строѣ, какое считаю продуманнымъ. Рѣзкая же форма выраженія этого мнѣнія, которой я не отрицаю, является продуктомъ той поспѣшности, съ которой мнѣ пришлось свое мнѣніе формулировать, ибо предложеніе о принятіи присяги именно въ данный моментъ было мною совершенно не предвидѣно. Повторяю, что никакое нанесеніе оскорбленія верховному управленію въ мои задачи не входило, и *оскорблять* его, т. е. его представителей, я не имѣю ни малѣйшаго желанія: достаточно того, что управленіе это и его выразителей я считаю и публично объявляю врагами всего русскаго народа и своими личными: а оскорблять своихъ злѣйшихъ враговъ я не имѣю обыкновенія: *я съ нимъ борюсь и — только*“.

На учителей и учительницъ начались доносы. Въ мартѣ-апрѣлѣ донесли на одну учительницу Арх. у., недавно на учительницу Шенкурскаго у. Послѣдній доносъ направленъ, минуя непосредственное начальство, которое весьма недовольно этимъ обстоятельствомъ. Администрація воздвигаетъ гоненія на служащихъ въ казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ за знакомство съ „политиками“.

Хроника Арханг. губ. Въ г. **Кеми** сидятъ въ одиночномъ заключеніи Фогельманъ и Кочетковъ (оба полит. ссыльные). Обвиняются: первый въ составленіи письменнаго протеста на пресловутый февральскій манифестъ, возвѣщавшій „милость“ полит. ссыльнымъ и заключеннымъ, второй — въ полученіи, распространеніи и разсылкѣ по колоніямъ прокламацій (по 252 ст.). Въ **Архангельскѣ** сидятъ: Покровскій-Водоватовскій и Проколовъ. Тюремныя условія тяжелыя: въ камерахъ темно и душно, такъ какъ нѣтъ оконъ — а воздухъ и свѣтъ проникаютъ только черезъ окна въ дверяхъ. Съ тюремнаго двора льются специфическіе казарменные запахи. Гуляніе всего $1/2$-1 часъ. Прокуратура энергично настаиваетъ (съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи), чтобы тюремное начальство не давало никакихъ послабленій подслѣдственнымъ политикамъ, даже въ случаѣ ихъ заболѣваній. Въ **Онегѣ** полит. ссыльные праздновали 1 мая товарищескимъ собраніемъ: цѣлый день провели въ дружеской бесѣдѣ, говорили рѣчи, въ окна были выставлены красные флаги. Собраніе сошло благополучно, никакихъ особыхъ столкновеній съ полиціей не произошло, но вскорѣ послѣ 1 мая въ жанд. управленіе былъ сдѣланъ доносъ однимъ пол. ссыльнымъ, рабочимъ, подавшимъ заявленіе о зачисленіи въ ряды „кающихся“ добровольцевъ. Доносъ гласилъ, что пол. ссыльные, статистикъ Савинъ и мельникъ Шуланкинъ (оба соц.-дем.), вредно вліяютъ на ссыльныхъ рабочихъ, читаютъ имъ „Искру“ и пр. и пр. Отвѣтомъ на доносъ явился пріѣздъ въ Онегу жандармовъ: Савину было объявлено о переводѣ въ селеніе Кузомень (Кольскій полуостровъ), а Шуланкину въ Колу. Савинъ отказался добровольно подчиниться этому распоряженію, былъ взятъ силой и отправленъ этапомъ. При отъѣздѣ его обыватели устроили ему теплые проводы. Переводъ Савина вызвалъ въ населеніи большое недовольство, такъ какъ въ лицѣ его городъ лишался успѣвшаго пріобрѣсти симпатіи доктора и человѣка. Первое мая было отпраздновано также въ с. **Ижмѣ** (Печорскаго у.) и **Сумскомъ Посадѣ** (Кемскаго у.) Въ послѣднемъ не обошлось безъ комическихъ инцидентовъ. Отправились „политики“ на маевку въ лодкахъ. Когда приставъ замѣтилъ „демонстративныя“ эволюціи „соціалистической“ флотиліи, то послалъ городового съ приказомъ: догнать и вернуть демонстрантовъ. Но тщетно взывалъ съ берега городовой къ „соціалистамъ“ — лишь шутки летѣли въ отвѣтъ. Вечеромъ того же дня всѣ полит. ссыльные получили приглашеніе явиться къ приставу, но, разумѣется, никто и не подумалъ сдѣлать это.

М. В. Д.
Енисейскій губернаторъ.
По губернскому управленію.
Отдѣленіе...
Дѣлопроизводство...
..... дня 190.... г.

Секретно.
Циркулярно.

Г. г. Уѣзднымъ Исправникамъ и Красноярскому Полиціймейстеру.

Во время рождественскихъ вакацій учебнаго 1902-1903 года въ городѣ Москвѣ состоялся первый съѣздъ представителей обществъ воспомоществованія лицамъ учительскаго званія, имѣвшій цѣлью обсужденіе вопросовъ о помощи учащимъ и улучшеніи ихъ быта.

На означенномъ съѣздѣ — присутствовавшіе, однако, не ограничились обсужденіемъ вопросовъ, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ предмету съѣзда, а высказывали предположенія о необходимости учрежденія для учителей суда чести, объединенія всѣхъ союзовъ взаимопомощи учителей, объ устройствѣ общеобразовательныхъ курсовъ и проч., причемъ даже коснулись вопросовъ общегосударственнаго свойства.

Предположенія эти, не получившія санкціи бывшихъ на съѣздѣ представителей учебнаго вѣдомства, въ настоящее время усиленно распространяются въ провинціальныхъ обществахъ взаимопомощи учащимъ, и агитація эта, найдя себѣ въ нѣкоторыхъ обществахъ благопріятную для себя почву, отразилась уже на ихъ дѣятельности, направленной къ практическому осуществленію сихъ предположеній, не соотвѣтствующихъ видамъ правительства.

Принимая во вниманіе, что въ настоящее время производится всестороннее изслѣдованіе дѣятельности вышеупомянутаго съѣзда, представляется необходимымъ подвергнуть оцѣнкѣ и дѣятельность всѣхъ провинціальныхъ обществъ взаимопомощи лицамъ учительскаго званія, дабы на основаніи собранныхъ о нихъ свѣдѣній, опредѣлить дальнѣйшее отношеніе правительства къ симъ обществамъ.

Въ сихъ видахъ Департаментъ Полиціи, по приказанію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, циркулярнымъ отношеніемъ отъ 16 минувшаго апрѣля за № 5193, проситъ сообщить свѣдѣнія о томъ, имѣются ли въ предѣлахъ Енисейской губерніи общества взаимопомощи лицамъ учащимъ, представляется ли ихъ дѣятельность закономѣрной, или же въ таковой замѣчается вредное направленіе и уклоненіе отъ прямыхъ задачъ, опредѣленныхъ ихъ уставомъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, въ какихъ именно фактахъ проявляется эта вредная дѣятельность и кто изъ лицъ, входящихъ въ составъ этихъ обществъ, направляетъ дѣйствія общества въ путь противоправительственной агитаціи.

Давая знать объ изложенномъ, предлагаю гг. Исправникамъ и Полиціймейстеру представить мнѣ требуемыя Департаментомъ Полиціи свѣдѣнія не позднѣе начала текущаго мая мѣсяца.

За губернатора
Вице-губернаторъ
Старшій совѣтникъ Подписи.
Дѣлопроизводитель

Двинскъ. .....У насъ теперь пора горячая. Работа идетъ великолѣпно и не оставляетъ желать ничего лучшаго. Даже бундисты уже сознаются, что „искровцы здѣсь прочно утвердились“. Между евреями искровцы пока мало что предпринимаютъ. Они разсуждаютъ: „евреи къ намъ сами придутъ, а пока у насъ должна быть твердая почва среди христіанскаго населенія“. Хорошо идетъ агитація среди старовѣровъ и поляковъ. (Старовѣры страшно ненавидятъ правительство).

Появились здѣсь и с.-р., у нихъ уже до 30 чел. сторонниковъ среди рабочихъ-евреевъ. Вообще же, здѣсь работаютъ группы: Партіи, „Бунда, С.-Р., P. P. S., P. S. D. и „Пролетаріата“. Представьте себѣ, какой хаосъ!... И всего то тутъ до 200 сознательныхъ христіанскихъ рабочихъ. Теперь, не смотря на аресты, работа идетъ какъ нельзя лучше.

Пустили здѣсь глубокіе корни и „Пойалэ Ціонъ“ (рабочіе-сіонисты). Они съагитировали до 300 сіонистовъ и нѣсколькихъ бундистовъ. Работа ихъ довольно хорошо обставлена, но даже ихъ лучшіе люди не знаютъ хорошо, чего они хотятъ, и въ спорахъ они называютъ себя то ортодоксальными марксистами, то бернштейніанцами, то приверженцами Опенгеймера. Въ Бундѣ сильный застой, хотя онъ все таки силенъ, замѣчается уже бо́льшая вдумчивость въ вопросѣ объ отношеніяхъ между Бундомъ и Партіей.

Въ Креславкѣ была демонстрація 200 русскихъ рабочихъ. Въ 30 лодкахъ они проѣхались по Двинѣ правильными рядами, 6-10 чел. въ каждой, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и красными знаменами. Они нѣсколько разъ подъѣзжали къ берегу, кричали „долой самодержавіе“. И приставъ съ урядниками, какъ угорѣлые, метались по берегу, не зная, что дѣлать, а берегъ весь былъ усыпанъ глазѣющей публикой. Демонстрація вышла превосходной. Арестовали 5-6 чел., трехъ привезли въ двинскую тюрьму.

Острогожскъ. Воронежской губ. Мѣстные жандармы очень часто отлучаются изъ города и ловятъ революцію по уѣзду. Въ маѣ они нашли ее въ г. Острогожскѣ. Въ этомъ богоспасаемомъ городѣ есть чугунолитейный заводъ, на которомъ работаетъ 46 чел. 1 мая тамъ были разбросаны майскіе листки, изд. Ц. К. Поймали двухъ рабочихъ и стали пытать. Тѣ могли описать только наружность передавшаго имъ листки. Подозрѣніе пало на гимназиста VII класса Жихарева, который былъ извѣстенъ ночнымъ сторожамъ, т. к. любилъ частенько далеко за полночь возвращаться домой.

Рабочіе, чтобы развязаться съ жандармами, оговорили его. Бѣднягу, не смотря на показанія другихъ свидѣтелей, удостовѣрявшихъ, что онъ въ это время былъ въ одномъ домѣ, исключили изъ гимназіи и отдали подъ гласный надзоръ.

Были обыски у многихъ гимназистовъ города.

Научныя работы, вдохновляемыя Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Намъ удалось недавно познакомиться съ чрезвычайно поучительнымъ „документомъ“ черноморскаго врачебнаго инспектора Савельева (изъ г. Новороссійска). Этотъ „документъ“ есть „ученая“ статистическая работа по вопросу о развитіи малярія въ Черноморской губ.

Какъ извѣстно, на Черноморскомъ побережьи, этомъ „краѣ гордой красоты“, на всѣ лады прославляемомъ безпардонными россійскими борзописцами, очень сильно распространена крайне тяжелая форма болотной лихорадки — малярія. Чтобы судить о томъ, насколько страдаетъ населеніе „русской Ривьеры“ отъ этой болѣзни, достаточно привести одинъ такой строго провѣренный и занесенный въ отчетъ окружныхъ врачей Черномор. губ. фактъ: въ какой то деревнѣ этой губерніи (кажется Адлерѣ) все ея населеніе — переселенцы изъ центральной полосы Россіи — поголовно вымерло отъ маляріи втеченіе 10 лѣтъ! Русскіе крестьяне, прибывающіе сюда лѣтомъ на заработки, сплошь и рядомъ попадаютъ въ самое отчаянное положеніе. Громадный процентъ ихъ захватываетъ малярію и вотъ эти крестьяне-больные, не имѣя возможности лѣчиться, такъ какъ окружныя больницы могутъ выдавать безплатно хину только мѣстнымъ поселянамъ, полуголодные, шатающіеся отъ слабости, трясущіеся отъ постояннаго малярійнаго озноба, съ сѣроже́лтыми изможденными лицами бродятъ безпомощные по деревнямъ съ протянутыми за милостыней руками... Думать о заработкѣ имъ, разумѣется, не приходится, всѣ ихъ помыслы сосредоточиваются на томъ, чтобы добраться какъ нибудь до родной деревеньки.

Въ виду столь тяжелыхъ климатическихъ условій края, казалось-бы, что вопросъ объ его заселеніи крестьянами изъ внутренней Россіи, а также и вопросъ о привлеченіи сюда рабочихъ на земляныя и иныя работы, должны были бы разрѣшаться съ крайней осмотрительностью. Но русскому правительству оказалось безотлагательно нужнымъ заселить все побережье какъ можно скорѣе, къ чему оно и приступило. Мотивы для этого настолько же просты, насколько преступны... Самъ нашъ царь, а затѣмъ наши великіе князья и просто князья, наши министры и ихъ приближенные захватили въ свое владѣніе чуть ли не всю Черноморскую губ. и южную часть восточнаго побережья Чернаго моря вмѣстѣ съ знаменитыми Гаграми.[1] Эти черноморскіе помѣщики очень озабочены тѣмъ, чтобы количество населенія въ губерніи возрастало, что и понятно вполнѣ, если стать на точку зрѣнія ихъ интересовъ: имъ нужны постоянныя, дешевыя рабочія руки, имъ нуженъ близкій рынокъ, имъ нужно, наконецъ, использовать эстетическую сторону природы этого края путемъ созданія здѣсь курортовъ, которые явятся для нихъ въ высокой мѣрѣ доходной статьей. Вотъ эти-то *частнохозяйственныя* соображенія представителей нашего правительства и явились у нихъ вполнѣ достаточнымъ стимуломъ для того, чтобы энергично принимать *общегосударственныя* мѣры по заселенію Черном. губ. или иначе, ихъ собственныхъ имѣній. Понятное дѣло, что рыцарей монархическаго режима не смущаютъ ни трупы вымершихъ за десятилѣтіе сотенъ переселенцевъ, ни разорящіяся семьи пришлыхъ рабочихъ, ни дрожащіе въ припадкѣ изнурительной болѣзни люди... Во всемъ этомъ имъ видится только одинъ неблагопріятный моментъ: высокій процентъ заболѣваемости рабочихъ тормазитъ процессъ накопленія... Но и потеря отъ этого[2] компенсируется отчасти тѣмъ, что выморочныя земли крестьянъ, попавъ сначала въ казну, не минуютъ съ теченіемъ времени загребущихъ рукъ опять этихъ же великихъ и малыхъ князей міра сего. Поэтому, малярія въ Черноморской губ. съ правительственной точки зрѣнія оказалась зломъ „еще не столь большой руки“ и, напр., малярійную мѣстность Гагры оказалось возможнымъ даже превратить въ климатическую станцію! Однако „все течетъ“... Малярія сама энергично „пропагандируетъ дѣйствіемъ“, что правительство не церемонится съ жизнью своихъ „подданныхъ“, такъ называемое общество, несмотря на приказаніе, данное М. В. Д. русскимъ газетамъ — не писать ничего дурного про эту губернію, — узнаетъ про малярію и не хочетъ ѣхать лѣтомъ на побережье, а пролетарское движеніе не находитъ себѣ нигдѣ препонъ, интенсивно развивается и, грозя поработителямъ, во всей странѣ, грозитъ имъ и въ Черном. губ... Тогда у черноморскихъ помѣщиковъ (а слѣд. и у правительства) явилась мысль уничтожить малярію, чтобы еще до момента крушенія существующаго строя имѣть большую возможность округлять свои капиталы. Но вопросъ объ устраненіи маляріи понимается русскимъ правительствомъ отнюдь не въ смыслѣ принятія профилактивныхъ мѣръ къ прекращенію заболѣваемости среди населенія путемъ энергичнаго осушенія болотъ — этихъ разсадниковъ злополучнаго anopheles'а, путемъ улучшенія дѣла медицинской помощи, условій труда рабочихъ и крестьянъ и всей ихъ жизни — о, нѣтъ: оно разрѣшаетъ этотъ вопросъ на свой особый бюрократическій ладъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ попавшій въ наши руки „документъ“. Этотъ „документъ“ представляетъ собой докладъ въ медицинскій департаментъ, докладъ, составленный врачебнымъ инспекторомъ „во исполненіе распоряженія“ этого департамента, которое было сдѣлано по адресу черноморскаго губернатора. Сущность этого распоряженія такова: доказать цыфрами, что малярія въ Черноморской губ. уменьшается... Ученый чиновникъ, на долю котораго выпала эта задача, долженъ былъ оперировать съ цифровымъ матеріаломъ, по своему качеству вполнѣ подходящимъ для позорнаго предпріятія, начатаго медицинскимъ департаментомъ. Въ лучшемъ случаѣ цифровыя данныя о заболѣваемости имѣлись только за пять лѣтъ... по многимъ селамъ они ограничивались тремя или двумя годами... при этомъ, если бы и игнорировалась краткость срока, то все таки изъ этихъ цыфръ нельзя было ни въ какомъ случаѣ сдѣлать заключенія объ ослабленіи заболѣваемости. Но ничтожность срока не должна была смущать статистика, получившаго импульсъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и онъ пользовался и двумя цыфрами, обозначающими процентъ заболѣваемости, чтобы въ случаѣ, если послѣдующая цыфра ниже предыдущей, хотя бы на одну единицу, сдѣлать выводъ, что заболѣваемость маляріей регрессируетъ. Затѣмъ — мы это хорошо помнимъ — тамъ, гдѣ за пятилѣтіе получалась, напр., такая картина заболѣваемости:[1] 1897 г. — 36%; 1898 г. — 42%; 1899 г. — 50%; 1900 г. — 62% и 1901 г. — 59%, то авторъ умозаключалъ о несомнѣнномъ паденіи величины заболѣваемости.

Такимъ образомъ, опираясь на никуда негодный матеріалъ и оперируя съ нимъ вполнѣ по ноздревски, достопочтенный врачебный инспекторъ „по службѣ себя не унизилъ“ и блистательно доказалъ, что доказать ему было приказано.

---

[1] Теперь ихъ присоединяютъ къ Черноморской губ. Смыслъ „ученой“ статистической работы отъ этого пріобрѣтаетъ еще большее значеніе.

[2] Поскольку рѣчь идетъ о маляріи.

---

[1] Эти наши цыфры взяты произвольно, такъ какъ переписать документъ не пришлось, но онѣ ни своей абсолютной величиной, ни своимъ порядкомъ по годамъ, не утрируютъ дѣйствительности въ худую сторону.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Агитація въ деревнѣ. Кажется, въ Прибалтійскомъ краѣ не будетъ ни одного уголка, гдѣ бы не появились наши листки и гдѣ народъ не разсуждалъ бы о соціалистахъ. Наши прокламаціи можно было встрѣчать вездѣ: въ казармахъ батраковъ, на дверяхъ сараевъ, на кладбищахъ, мостахъ и перекресткахъ. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ не найти телеграфнаго или телефоннаго столба, на которомъ не была бы наклеена хоть одна прокламація, или сельскую церковь, гдѣ прихожанамъ не раздавались бы листки. И все это, несмотря на зоркія очи сельской полиціи, которая не за страхъ, а за совѣсть слѣдитъ за крамолой. Народу теперь много о чемъ думать и толковать: о Японской войнѣ, о бунтѣ, соціалистахъ, положеніи самодержавія; разсуждаютъ на всѣхъ пирушкахъ и собраніяхъ, на волостныхъ сходахъ и въ вагонахъ желѣзной дороги. Самосознаніе и классовая ненависть за послѣдніе два года начинаютъ появляться по отношенію къ баронамъ и пасторамъ. Замѣчается, что наши воззванія дѣлятъ сельское населеніе на два слоя: состоятельные крестьяне-усадебники и арендаторы возбуждаются и спѣшатъ показать свою преданность престолу пожертвованіями на Красный Крестъ, но батраки и прочій рабочій людъ жадно подхватываютъ листки, читаютъ и передаютъ дальше другимъ. Пролетарій деревни начинаетъ думать и сознавать свое положеніе, но у многихъ еще замѣчаются довольно своеобразные взгляды на нашу борьбу. Разсказываютъ о будущемъ передѣлѣ земли[1], о бунтѣ, грабежахъ и поджогахъ. Къ первому мая возбужденіе достигло высшей степени, многіе ожидали свѣтопреставленія. Гор. Тукумъ пожретъ пламя, Баускъ взорвутъ на воздухъ, въ Добленѣ не останется камня на камнѣ, а всѣ замки бароновъ будутъ превращены въ развалины! Во многихъ мѣстахъ тѣ, которые до сихъ поръ считали себя неограниченными господами и властелинами, дрожали со страху. Напримѣръ, профессоръ Кніэримъ поставилъ вооруженную стражу, чтобы защищать свое имѣніе отъ нападенія соціалистовъ; по столбовой дорогѣ въ Баускъ въ одной корчмѣ спрятался уѣздный начальникъ съ конной полиціей; Залгальскую церковь охраняли пристава и урядники. Въ Бауске пасторъ шелъ въ церковь подъ прикрытіемъ городовыхъ, и т. д. и т. д. Но первое мая прошло безъ всякихъ ужасовъ и народъ могъ убѣдиться, что соціалисты ведутъ свою борьбу безъ грабежей и поджоговъ.

Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ уже нѣсколько лѣтъ ведется организованная пропаганда и существуютъ мѣстныя организаціи, не ожидали никакихъ ужасовъ и кровопролитія: тамъ только растетъ число организованныхъ, сознательныхъ товарищей.

Изъ деревень Тверского уѣзда.

1. Листки о мобилизаціи были удачно распространены съ 22 на 23 іюня въ количествѣ до 600 штукъ. На утро 23-го большая часть листковъ подобрана крестьянами. Крестьяне читали эти листки и говорили: „это, вѣдь, для насъ!“ А нѣкоторые старики, не умѣя читать сами, заставляли молодыхъ парней читать ихъ вслухъ и, прослушавши, соглашались со всѣмъ содержаніемъ листка и говорили: „Вотъ тутъ они говорятъ, что правительство хочетъ увѣрить насъ, что намъ нужна Манчжурія и Корея. Да и вѣрно, куда они намъ! Мужику оно вовсе неподходящее. Что жъ, развѣ я поѣду туда?“

И вотъ въ этотъ день собрался мірской сходъ по крестьянскимъ дѣламъ. И, конечно, какъ всегда, было много разговоровъ. Одинъ консервативный мужикъ началъ шибко выражаться противъ политики, говоря, что тѣхъ людей, которые бросаютъ листки, надо бы всѣхъ перевѣшать. Но эти дерзкія слова не были поддержаны крестьянами. Напротивъ того, они были опровергнуты. Старикъ, лѣтъ 55, сказалъ: „Брось зря языкомъ болтать, ты только и думаешь, что въ этихъ листкахъ ругаютъ бога да не велятъ молиться. Не знаю, какъ въ другихъ пишутъ, а эва, что сегодня читали ребята, такъ тамъ нѣтъ ни слова про бога-то, а все говорится правда. Тамъ говорится: „Крестьянинъ, бросай свою соху, борону, жену и кучу дѣтей и иди на войну.“ Что жъ, развѣ это не правда? Тамъ пишутъ, что гонятъ солдатъ, какъ быковъ на бойню — „вѣрно на смерть!“

— Эхъ, господа! Это вѣдь все отъ бога, дѣло божье!

— Какой тутъ богъ! Развѣ богъ велѣлъ народъ убивать? Нѣкоторые со смѣхомъ подхватили: „Да развѣ богъ собираетъ солдатъ? — все тѣ же генералы, полковники да начальники.“

Крестьянинъ.

---

[1] Латышскіе крестьяне не получили надѣловъ, а отдѣльные крестьяне покупали на долгосрочную выплату свои усадьбы у помѣщиковъ.

II. Дѣло было на Пасху въ среду въ Кумординской волости. Въ одной изъ деревень поутру десятскій ходилъ по улицѣ извѣщать всѣхъ явиться на сходъ. Собрались всѣ крестьяне и начали обсуждать вопросъ такого сорта:

Когда попъ съ иконами станетъ ходить по домамъ (какъ это у насъ бываетъ каждую Пасху), то не давать ему по 1 р. или 1 р. 50 к., какъ было раньше. Въ каждомъ приходѣ и у каждаго попа свои расцѣнки. Долго мужики на это глядѣли, какъ на святое дѣло, а теперь глядятъ, какъ на обычай. На сходѣ всѣ единогласно постановили: попу за молебны — по 30 коп. съ каждаго дома. Сходомъ же выбрали двоихъ крестьянъ, чтобы они ходили и слѣдили за попомъ, не бралъ бы лишняго. Сперва понесли икону къ помѣщику, потомъ на поле, гдѣ былъ посѣянъ хлѣбъ. Послѣ этого молебна крестьяне заявили попу: расцѣнку мы вамъ обложили съ каждаго дома по 30 коп.; хочешь — ходи, не хочешь — нѣтъ, больше не прибавимъ. Попъ, не помня себя отъ такихъ словъ, вспылилъ, сталъ говорить имъ, что они и бога забыли и весь приходъ заразили политикой и политическими листками, что такъ много бросаютъ по деревнямъ, и говоритъ: „за такую плату ходить не буду“, и, схвативъ свою рясу, удралъ домой. Спустя нѣсколько времени, былъ какой-то праздникъ. Отслуживши обѣдню, попъ разсказалъ проповѣдь по поводу этого дѣла, обвинялъ крестьянъ, что они будто бы въ церковь не ходятъ (оно и правда: годъ отъ году все меньше охотниковъ находится слушать пропаганду поповъ), что въ бога не вѣруютъ, ни царя не признаютъ и политикой занимаются. Послѣ этой проповѣди многіе мужики спрашивали: „Какая такая политика и что за листки?“ Находятся и такія лица, которыя разъясняютъ, и мужичокъ читаетъ листки, которые у насъ раскидываютъ съ подписью Тверск. Ком. Р. С.-Д. Раб. Партіи. Прочитавъ листки, мужички говорили: „Политика не бога ругаетъ, а правду говоритъ“. И такъ попы со своихъ амвоновъ помогаютъ намъ, соціальдемократамъ, распространять соціальдемократическое ученіе.

Крестьянинъ.

Селеніе Суреба. Озургетскаго уѣзда. Наравнѣ съ сильнымъ крестьянскимъ движеніемъ, въ нашемъ уѣздѣ развивается и сильное шпіонство. Первыми добровольными шпіонами были дворяне, противъ которыхъ было направлено крестьянское возстаніе; потомъ къ нимъ присоединились священники, особенно молодые, только что окончившіе семинарію, а теперь, наконецъ, и сельскіе учителя. Изъ числа послѣднихъ особенно проявилъ себя учитель нашей деревни Валерьянъ Тутберидзе, по доносу котораго, между прочимъ, арестованъ управляющій нашего сельскаго банка Давидъ Рамишвили. Къ какимъ наглымъ пріемамъ онъ прибѣгаетъ для достиженія своихъ шпіонскихъ цѣлей, видно изъ его письма, адресованнаго его сообщнику — стражнику В. Канделоки.

Секретное.

Братъ Викторъ, если ты хочешь, чтобы твое дѣло шло хорошо, пожалуйста, поѣзжай скорѣе и скажи уѣздному начальнику, что ты подслушивалъ, какъ Ромишвили уговаривалъ народъ, чтобы онъ не выдавалъ зачинщиковъ, держались вмѣстѣ и т. д. и что, вмѣстѣ съ тобою, все это слышалъ и я. Уѣздный начальникъ спрашивалъ меня о тебѣ. Я ему сказалъ, что ты усердствуешь, ходишь по деревнямъ ночью, выслѣживаешь и т. п. Онъ былъ очень радъ и очень хвалилъ тебя. Кромѣ того, ты покажи уѣздному начальнику, что, когда старшина уговаривалъ крестьянъ повиноваться, Д. Рамишвили стоялъ въ толпѣ и подстрекалъ не выдавать никого изъ зачинщиковъ, въ противномъ же случаѣ — все равно, откроютъ предателя и онъ въ живыхъ не останется.

Ты, пожалуйста, особенно слѣди за крестьянами Барамидзе. Не забудь же показать начальнику такъ, какъ я тебѣ написалъ: дѣла не порти.

Твой В. Тутберидзе.

Вотъ какъ фабрикуются у насъ „политическія преступленія“, на основаніи которыхъ правительство ссылаетъ массу невинныхъ въ Сибирь и отдаленныя губерніи. Отецъ арестованнаго Д. Рамишвили сейчасъ же воспользовался этимъ письмомъ и подалъ прошеніе прокурору, вмѣстѣ съ оригиналомъ этого письма, о преданіи суду учителя Тутберидзе за явно ложный доносъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Какъ живутъ рабочіе лѣсопильныхъ заводовъ г. Архангельска.

Заводъ „Яшки“ Макарова (онъ же владѣлецъ механической мастерской, бань и рѣчного пароходства).

„Яшка“ и братъ его, по прозвищу „Сатана“, съ 5 часовъ рыщутъ по заводу и биржѣ. Штрафы да окрики. Нигдѣ рабочіе такъ не загнаны, какъ у Макарова. Мальчиковъ 12 — 18 лѣтъ набираетъ онъ въ машинисты на пароходы, платя 15 — 20 руб. за 18 часовой раб. день... Каждая смазливая крестьянка не минетъ рукъ Яшки и Сатаны: не стѣсняясь бѣлымъ днемъ, тащатъ они свою жертву въ каретникъ или кладовую при заводѣ... Десятки мужиковъ каждое лѣто судятся съ Макаровымъ, который не додаетъ имъ сотни рублей... Каждый день можно видѣть, какъ мальчикъ-котлочистъ или ученикъ идетъ весь въ слезахъ, избитый Яшкой или Сатаной. — Словомъ, распоряжаются, какъ помѣщики въ своей вотчинѣ.

На заводѣ Кыркаловыхъ донимаютъ „дисциплиной“. Не снялъ шапки рабочій — разсчетъ, сказалъ противное слово — разсчетъ. На судѣ не далъ ложнаго показанія въ пользу хозяина — разсчетъ. Штрафами донимаютъ за пустяки. Рабочіе говорятъ про хозяина, что „если днемъ и ночью онъ обошелъ заводъ и биржу, то „заработалъ“ штрафами руб. 10, а то и больше“.

На заводѣ *Удѣльнаго* вѣдомства былъ такой случай: слесарь Бернадскій, находясь въ ночномъ дежурствѣ, заснулъ на площадкѣ сверлильнаго станка. Въ это время зашелъ помощникъ мастера и, чтобы разбудить заснувшаго отъ утомленія рабочаго, онъ наставилъ ему сверло въ бокъ, спустилъ станокъ „съ самоходомъ“ и самъ удалился изъ мастерской, въ которой никого не было. Сверло начало идти внизъ — уже закрутило блузу рабочаго и коснулось тѣла. Раздался крикъ рабочаго. Благодаря опытности, ему удалось моментально свернуться со станка. Минута оплошности — и холодная сталь сверлила бы тѣло рабочаго также, какъ безжалостно сверлитъ душу его администрація удѣла ежедневными притѣсненіями.

(Жаль, что корреспондентъ не сообщилъ фамиліи этого звѣря.)

Алаксандровскъ. Екатерин. губ. Въ іюнѣ здѣсь была сходка заводскихъ и ремесленниковъ. Собралось свыше 70 человѣкъ. Четыре оратора говорили о войнѣ, объ экономическомъ значеніи ея для рабочаго класса, о милитаризмѣ и соціализмѣ. Сходка прошла вполнѣ удачно. — Тяжелое положеніе магазинныхъ прикащиковъ, лишенныхъ даже тѣхъ крупицъ облегченій, какія дали буржуазныя городскія управленія большихъ городовъ своимъ прикащикамъ, натолкнуло и ихъ на единственное средство облегчить свою участь — единеніе. Собраніе прикащиковъ, человѣкъ 40-50, рѣшило примкнуть къ рабочему движенію, видя полную солидарность своихъ интересовъ съ интересами рабочихъ. Привѣтствуя такой шагъ съ ихъ стороны, мы надѣемся, что къ этимъ піонерамъ примкнетъ остальная масса ихъ товарищей, что исчезнутъ у нихъ подхалимство и рабская покорность передъ своими эксплуататорами. Первые шаги ихъ будутъ, можетъ быть, и не удачны, но не должны они падать духомъ. Право на ихъ сторонѣ, пусть будетъ еще на ихъ сторонѣ и солидарность, и они сумѣютъ добиться улучшенія своего положенія, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. — 12 іюля началась стачка городскихъ столяровъ. Черезъ три дня требованія почти удовлетворены. Добились 10-ти час. рабочаго дня, вмѣсто 14-15 час., увеличенія заработной платы на 20% и обѣщано лучшее обращеніе съ подмастерьями и мальчиками. Бастовало человѣкъ 45—50 въ четырехъ мастерскихъ. Отсутствіе литературы тормозитъ дѣло, заставляя прибѣгать къ устной агитаціи даже тогда, когда это, по полицейскимъ условіямъ, не раціонально и не продуктивно.

Чермовскій заводъ. Соликамскаго уѣзда, Пермской губерніи. Недавно управляющій заводомъ объявилъ рабочимъ, что, кто прогуляетъ на недѣлѣ день хотя по уважительной причинѣ, тотъ долженъ работать за прогульный день въ праздникъ. Распоряженіе, по истинѣ, нахальное, тѣмъ болѣе, что раньше работали по праздникамъ за полуторную плату или рабочіе часы сокращались на $^1/_3$ (работали до 2 часовъ), а тутъ нужно работать по „будничному“.

Не многіе рабочіе поняли, что ихъ грабятъ, но все же рѣшили таковому рѣшенію не подчиняться и заявили, что будутъ работать по праздникамъ по своему желанію и до двухъ часовъ, а въ противномъ случаѣ отказываются выходить на работу по праздникамъ. Послѣ переговоровъ управляющій отмѣнилъ распоряженіе и сказалъ: „я вамъ на другомъ выведу это!“ Вообще, стычки здѣсь съ администраціей не рѣдки, но сознательныхъ рабочихъ мало. Литературы нѣтъ.

Рабочій.

Добрянскій заводъ. Пермскаго уѣзда. Въ Сергіевско-Троицкой и другихъ фабрикахъ, гдѣ работаютъ прокатные станы, — работа каторжная, особенно лѣтомъ. Работаютъ, соединившись въ артели по 6-7 человѣкъ на каждомъ станѣ. Желѣзо, потребное для прокатки, подвозятъ особые рабочіе, нанятые отъ подрядчика. Администрація завода, во главѣ съ инженеромъ Мальцевымъ, чтобы удешевить желѣзо, въ настоящее время вычитаетъ съ рабочихъ на прокаткѣ изъ ихъ платы и на эти деньги и наняла подрядчика для доставки желѣза и матеріаловъ. Желѣзо выходитъ на 1 коп. дешевле. Всѣ фабрики вырабатываютъ въ сутки (въ 3 смѣны по восьми часовъ) 6-7,000 пудовъ. — Здѣсь рабочіе очень интересуются войной и каждый нашъ листокъ прочитывается съ большимъ вниманіемъ.

Послѣ удаленія на пенсію управляющаго Сюзева, теперь орудуетъ горн. инж. Мальцевъ, который дѣлаетъ съ рабочими, что желаетъ: штрафуетъ, разсчитываетъ (недавно заявилъ разсчетъ одному рабочему, не желавшему принять предложенную сдѣльную плату вмѣсто 19 коп., какъ было раньше, 15 коп.). Нерѣдко Мальцевъ пускаетъ въ ходъ и кулаки и грозитъ засадить въ тюрьму. Рабочіе отвѣчаютъ ему поджогомъ его дома, выбиваніемъ стеколъ и т. п. мѣрами.

Рабочій.

Хроника еврейскаго рабочаго движенія.

Самымъ важнымъ событіемъ въ жизни Бунда за послѣдній годъ былъ его выходъ изъ нашей партіи на второмъ ея съѣздѣ, на которомъ представители Рос. Партіи почти единогласно рѣзко и рѣшительно осудили позицію Бунда въ національномъ и организаціонномъ вопросахъ. Выходъ Бунда изъ партіи наложилъ печать на всю его дѣятельность какъ непосредственно послѣ съѣзда, такъ и въ настоящее время.

Какъ же реагировалъ Бундъ на свой выходъ изъ партіи, какъ довелъ онъ до свѣдѣнія многихъ и многихъ сотенъ пролетаріевъ, входящихъ въ его организаціи, о выходѣ своемъ изъ партіи, какъ объяснилъ имъ поведеніе на съѣздѣ бундовской делегаціи? Здѣсь поневолѣ напрашивается сравненіе между тѣмъ, какъ знакомили своихъ членовъ съ результатами работъ съѣзда наши оффиціальныя учрежденія (мѣстные и Ц. комит.), и какъ это сдѣлалъ Бундъ. И это сравненіе будетъ, увы, не въ пользу партіи. Въ этомъ отношеніи часть партіи, хотя и неустойчивая въ принципіальномъ отношеніи и склоняющаяся къ національзму, оказалась выше всей партіи, хотя и принявшей ортодоксальную и революціонную программу, но не умѣющей проводить ее въ жизнь и сдѣлать ее понятной для всей массы ея членовъ. Въ то время, какъ у насъ о самомъ фактѣ съѣзда члены партіи узнали только спустя много времени, въ то время, какъ смыслъ и значеніе происшедшихъ на немъ событій, напр., разногласій, приведшихъ нашу партію къ новому фазису ея развитія, въ настоящее время извѣстенъ самымъ поверхностнымъ образомъ не только рядовымъ партійнымъ работникамъ, но и комитетамъ, въ то время какъ протоколы съѣзда въ Россіи имѣются въ единичныхъ экземплярахъ, и ни въ одномъ собраніи передъ рабочими не излагалось объективно и ясно о событіяхъ на съѣздѣ и не вынесено резолюцій, выражающихъ отношеніе пролетаріата къ происходящимъ внутри партіи распрямъ, — въ это самое время Бундъ значительную часть своей дѣятельности отдалъ ознакомленію своихъ членовъ съ причинами, побудившими его выйти изъ партіи, съ позиціей, занимаемой имъ въ національномъ и организаціонномъ вопросахъ, съ его отношеніемъ къ Р. С.-Д. Р. П. Съ этой цѣлью, вскорѣ послѣ съѣзда былъ изданъ отчетъ бундовской делегаціи; въ новомъ, издающемся въ Россіи, еврейскомъ органѣ „Der Bund“ помѣщаются статьи по національному вопросу, въ Ц. О. Бунда „Рабочій голосъ“ („Arbeiter Stimme“) была статья о съѣздѣ, заграницей сталъ издаваться для еврейской интеллигенціи на русскомъ языкѣ органъ „Вѣстникъ Бунда“, спеціально занимающійся выясненіемъ позиціи Бунда въ національномъ и организаціонномъ вопросахъ и, наконецъ, что самое важное — повсюду, начиная отъ самыхъ крупныхъ и кончая самыми маленькими бундовскими городами, устраивались собранія рабочихъ-агитаторовъ, на которыхъ читались рефераты и произносились рѣчи на тему о выходѣ Бунда изъ партіи и послѣ нихъ выносились резолюціи. Такъ, въ Ригѣ и Дерптѣ были прочитаны рефераты: въ Ригѣ 24 дек. 1903 г. на тему „Взглядъ Бунда на національный вопросъ и нужна ли еврейскому пролетаріату самостоятельная организація“ (присутствовало 40 ч.), въ Дерптѣ рефератъ на ту же тему былъ прочитанъ для студентовъ, въ колич. 50 ч., причемъ послѣ реферата была дискуссія, въ результатѣ которой приняли резолюцію, говорящую, что еврейскому пролетаріату нужна особая политическая организація, выражавшую сожалѣніе объ уходѣ Бунда изъ партіи и надежду, что новое соглашеніе состоится на условіяхъ, предложенныхъ Бундомъ. За эту резолюцію голосовали 41 ч., одинъ былъ противъ и 4 воздержалось. Не только въ болѣе крупныхъ городахъ бундовскаго района, какъ Вильно, Ковно, Гродно, Минскъ, Витебскъ, Лодзь, Варшава, Бѣлостокъ, но и въ маленькихъ городахъ и мѣстечкахъ, вродѣ Могилева, Борисова, Креславки, Ново-Александровска, Полоцка, Стародуба, Лядовъ, Шавель, Мозыри, Сувалокъ и т. п. на собраніяхъ агитаторовъ отъ 20 до 100-150 ч. разбирались эти же вопросы и выносились резолюціи. Хотя въ большинствѣ случаевъ эти резолюціи, заявляющія о своей полной солидарности съ нынѣшними взглядами Бунда, принимались громаднымъ большинствомъ голосовъ и часто даже единогласно[1], любопытенъ все таки фактъ, что во многихъ мѣстахъ бывали воздержавшіеся и даже голосовавшіе противъ подобныхъ резолюцій. Это показываетъ только, что несмотря на все вліяніе, какимъ Бундъ пользуется среди сознательнаго и организованнаго пролетаріата Зап. Края, несмотря на то, что националистическія тенденціи, возникшія въ немъ и ставшія развиваться послѣ его четвертаго съѣзда (1901 г.), начинаютъ мало по малу проникать въ широкую массу, несмотря на все это появляются первые предвѣстники зарождающейся въ нѣдрахъ самого Бунда оппозиціи. Что эти воздержанія и голосованія противъ представляютъ собой серьезную опасность для теперешней позиціи Бунда, показываютъ уже напечатанные въ „Искрѣ“ факты выступленія изъ бундовскихъ организацій группъ сознательныхъ рабочихъ въ Вильнѣ, Витебскѣ, Минскѣ и Двинскѣ и образованіе при ихъ участіи Сѣв.-Зап. Комитета нашей партіи, поставившаго своею цѣлью объединеніе и организацію пролетаріата всѣхъ національностей, живущихъ въ этомъ районѣ.

Умѣніе Бунда тѣсно связаться съ массой и влiять на нее, вырабатывать въ руководимомъ имъ пролетаріатѣ критическое отношеніе къ окружающей дѣйствительности, къ фактамъ партійной и внѣпартійной жизни, достигаемое развитіемъ самостоятельности пролетаріата, массовыми агитаціонными и дискуссіонными собраніями съ вынесеніемъ резолюцій, — является сильной стороной Бунда, которую, конечно, можно только привѣтствовать и которую намъ, организаціямъ Р. С.-Д. Р. П., не мѣшало бы отъ него заимствовать.[1]

Но эта положительная сторона Бунда, являющаяся въ его рукахъ сильнымъ оружіемъ въ борьбѣ съ правительствомъ, капиталистами, сіонистами или соц.-рев., является для него и средствомъ борьбы съ нами по вопросу объ еврейской національности и о положеніи Бунда въ партіи. Только благодаря умѣнію вліять на массы и развивать въ нихъ активность, Бунду удается прививать еврейской массѣ свои тенденціи и бороться съ нами; мы должны, поэтому, заимствовать для борьбы съ нимъ и съ своими настоящими врагами его же оружіе. Чтобы имѣть за собой не безсознательно идущую массу, а дѣйствительно, итти впереди соціалистически сознательнаго и организованнаго пролетаріата, мы должны развивать его активность и самодѣятельность, пріучать его къ самокритикѣ, и мы достигнемъ этого не одной только письменной агитаціей. Мы должны дать большій просторъ развитію иниціативы и самодѣятельности передовыхъ рабочихъ — организаторовъ и агитаторовъ (какъ это дѣлаетъ Бундъ), на собраніяхъ должны мы знакомить съ текущей дѣйствительностью, со всѣми фактами внутренней и внѣшней жизни нашей партіи, мы должны пріучать ихъ выражать свое отношеніе къ этимъ фактамъ резолюціями или какими-нибудь конкретными дѣйствіями.

---

[1] Не касаемся здѣсь вопроса, насколько *объективно* излагались рабочимъ бундовскими руководителями событія второго съѣзда. Пресловутый докладъ бундовской делегаціи заставляетъ очень сомнѣваться въ ихъ объективности.

[1] Интересна въ этомъ отношеніи параллель между тѣмъ, какъ реагировалъ на Русско-Японскую войну, съ одной стороны Бундъ, съ другой, — наша партія. Но объ этомъ въ слѣдующій разъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПЕРВЫЙ СЪѢЗДЪ АМЕРИКАНСКОЙ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІИ.

Всего только четыре года тому назадъ американскіе соціальдемократы объединились — на съѣздѣ въ Индіанополисѣ — въ одну „соціалистическую партію“. До тѣхъ же поръ они группировались въ двѣ взаимно соперничавшія фракціи.

Объединившись, партія начала быстро рости въ своей силѣ и теоретической ясности, въ то время, какъ часть Socialist Labour Party, группка, не присоединившаяся къ партіи, таяла все больше и больше, и теперь во многихъ штатахъ Америки существуетъ только на бумагѣ.

На съѣздѣ партіи, открытомъ 1 мая по нов. ст., приняло участіе 230 делегатовъ. Почти каждый штатъ Союза былъ представленъ, — что можетъ служить доказательствомъ широкой агитаціи партіи въ продолженіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ. Отсутствовали делегаты только изъ нѣкоторыхъ штатовъ и мѣстностей юга и юговостока, оказавшихся слишкомъ слабыми, чтобы ассигновать одновременно деньги и на посылку депутата, и на агитацію въ предстоящихъ ноябрскихъ „президентскихъ“ выборахъ.

Кстати замѣтимъ: большинство делегатовъ были прирожденные американцы.

Изъ разныхъ странъ были присланы соц.-дем. партіями привѣтственныя телеграммы, но особенный восторгъ вызвалъ привѣтъ нѣмецкой соціальдемократіи.

Національный Секретарь Партіи, тов. Вилліамъ Майли, представилъ съѣзду отчетъ о своей дѣятельности и предложилъ различныя улучшенія организаціи. По мнѣнію Майли, главнѣйшей задачей, стоящей передъ американской партіей въ настоящій моментъ ея развитія, является сочетаніе демократической организаціи съ концентраціей агитаціонной работы.

„Наша политическая система — говорилъ Майли — заставляетъ насъ признать *автономію* организацій штатовъ основой нашей организаціи. Но мы должны точнѣе опредѣлить границы этой автономіи. Нѣкоторые штаты показали склонность свои мѣстные интересы ставить выше интересовъ партіи въ ея цѣломъ. Организація одного штата довела свою автономію до крайнихъ предѣловъ, приблизилась въ этомъ отношеніи къ анархизму, а въ это же время организація другого штата совершенно отбросила свою демократическую форму и основой своей конституціи сдѣлала настоящій абсолютизмъ. Обѣ крайности, по мнѣнію докладчика, опасны и могутъ принести движенію одинъ только *вредъ*. Организація партіи должна быть достаточно гибкой, для того, чтобы избѣгнуть какъ той, такъ и другой крайности“. — Съѣздъ внимательно отнесся къ замѣчаніямъ референта и принялъ ихъ во вниманіе при обсужденіи организаціоннаго устава.

Среди различныхъ резолюцій, принятыхъ съѣздомъ, слѣдующія заслуживаютъ нашего особеннаго вниманія. Одна касается событія, волнующаго въ настоящее время весь міръ; мы говоримъ, разумѣется, о русско-японской войнѣ. „Противорѣчіе интересовъ *господствующихъ классовъ* Россіи и Японіи — гласитъ резолюція — привело къ объявленію войны между *правительствами* обѣихъ странъ. Рабочій классъ, какъ въ Россіи, такъ и Японіи, ни мало не заинтересованъ въ томъ, чтобы вести эту кровавую войну. Съѣздъ американской соціальдемократіи шлетъ, поэтому, братскій привѣтъ рабочему классу Россіи и Японіи и осуждаетъ русско-японскую войну, какъ преступленіе противъ прогресса и цивилизаціи“. Громкими оваціями привѣтствовали делегаты съѣзда нашего японскаго товарища, вожака японской соціалистической партіи Іосифа Катайаму изъ Токіо, присутствовавшаго на съѣздѣ...

Другая резолюція касается положенія дѣлъ въ Колорадо. Въ 66 № мы разсказывали уже о мрачномъ эпизодѣ классовой борьбы, вотъ уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ разыгрывающемся въ штатѣ Колорадо... Мы разсказывали тамъ о насиліяхъ, которыя пустила и пускаетъ въ ходъ соединенная буржуазія всѣхъ политическихъ направленій *безъ исключенія*, — начиная съ консервативной и кончая либерально-демократической, — все съ одной неизмѣнною цѣлью: подавить освободительное движеніе рабочаго класса.

Диктатура буржуазіи проявила себя тамъ во всей своей неприглядной наготѣ. И еще и еще разъ событія въ Колорадо ярко подтвердили все пустомысліе, все безжизненное доктринерство проповѣдниковъ „соціальнаго мира“, мира между господствующей буржуазіей и порабощеннымъ пролетаріатомъ. Резолюція нашихъ американскихъ товарищей о событіяхъ въ Колорадо ярко подчеркиваетъ взглядъ международной соціальдемократіи на характеръ и значеніе всемірной тяжбы, подчеркиваетъ также роль соціальдемократіи въ этой тяжбѣ. „Соціалистическая партія — гласитъ резолюція — есть политическая организація рабочаго класса. Она обязана принимать участіе во всѣхъ движеніяхъ рабочаго класса, безпощадно бороться за его освобожденіе. Съѣздъ осуждаетъ, поэтому, классовое господство капиталистовъ и вытекающее отсюда подавленіе правъ и свободы рабочихъ. Съѣздъ призываетъ всѣхъ рабочихъ присоединиться къ соціалистической партіи и принять участіе въ борьбѣ за уничтоженіе господства капиталистовъ, за введеніе экономическаго равенства и свободы. Опять среди рабочихъ произошли аресты, избіенія, убійства — и только потому, что они стремились изъ богатствъ, созданныхъ ихъ собственными руками, получить немного большую долю. Буржуазія основала въ различныхъ штатахъ и городахъ ферейны купцовъ, общества промышленниковъ и клубы противъ бойкота, и послѣдніе, чтобы разрушить профессіональныя организаціи рабочихъ, ввели режимъ ужаса, нарушили основныя гарантіи личной и общественной свободы“.

„Чиновники и судьи были подкуплены... и опять таки затѣмъ, чтобы сократить вольности американскаго народа. Благодаря вліянію этихъ капиталистическихъ организацій, была нарушена конституція. Въ Пенсильваніи и другихъ штатахъ гражданскія власти были подчинены *военщинѣ*. Во многихъ штатахъ уничтожены свобода печати, право собраній. Новый военный законъ принуждаетъ каждаго гражданина, начиная съ 18 и кончая 45 лѣтнимъ возрастомъ, отбывать военную службу и ставитъ послѣднюю въ полную зависимость отъ президента Соединенныхъ Штатовъ. Въ настоящее время въ штатѣ Колорадо господствуетъ *капиталистическая анархія*, съ согласія и подъ военнымъ покровительствомъ правительства. Мирные граждане насильно выселяются изъ штата, а вооруженные насильники поддерживаются военными властями. Благодаря приказамъ объ арестѣ, многіе граждане поставлены въ положеніе полнаго рабства. Невинныхъ, мирныхъ гражданъ арестовываютъ безъ приказа судьи объ арестѣ и, не выслушивая, бросаютъ ихъ въ тюрьму. И если гражданскія власти ихъ оправдываютъ, все таки совершенно противозаконно ихъ продолжаютъ держать въ тюрьмѣ военныя власти. Беззаконнымъ образомъ былъ отмѣненъ habeas corpus, права, столѣтіями служившія средствомъ защиты личной свободы, такъ что теперь въ такъ называемомъ „свободномъ“ штатѣ Колорадо нашей такъ называемой „свободной“ республики господствуетъ деспотизмъ, хуже и позорнѣе деспотизма русской автократіи. — Съѣздъ разъясняетъ, что эти событія являются *естественнымъ и логическимъ результатомъ современной хозяйственной системы*, допускающей частную собственность на необходимыя для жизни средства производства и дѣлающей рабочій классъ въ его жизни зависимымъ отъ владѣльцевъ средствъ производства. Между этими обоими классами, предпринимателями и рабочими, господствуетъ неустанная война, называемая классовой борьбой: жестокая, лишенная всякаго сострадания. На рабочихъ, организовавшихся для самозащиты, для улучшенія условій своей жизни, давятъ могучія капиталистическія организаціи, главная сила которыхъ въ томъ и состоитъ, что всѣ правительственныя функціи сосредоточены въ ихъ рукахъ, благодаря довѣрчивости рабочихъ. Съѣздъ подтверждаетъ свою вѣрность основамъ международнаго социализма, объявляетъ, что насущнѣйшимъ вопросомъ дня является завоеваніе рабочими политической власти; что власть эта должна быть использована рабочими для уничтоженія классоваго господства и для введенія коллективкой собственности на средства производства“.

Резолюція была принята съѣздомъ единогласно.

Третья резолюція касается профессіональнаго движенія. Интересы пролетаріевъ одинаковы. Поэтому рабочія партіи, стоящія на точкѣ зрѣнія научнаго социализма, зовутъ *весь* рабочій классъ въ свои ряды. *Не навязывая* рабочему классу никакой доктрины, социальдемократія *объединяетъ* освободительныя попытки рабочихъ, обобщаетъ элементы ихъ стихійнаго движенія, *подымаетъ* ихъ сознаніе до пониманія основъ капиталистическаго строя. Профессіональное движеніе является самой элементарной формой рабочаго движенія. Именно потому, что является результатомъ самыхъ непосредственныхъ, ясно сознаваемыхъ *всѣми* рабочими формъ гнета. Въ профессіональномъ движеніи рабочаго класса происходитъ первое сплачиваніе рабочихъ въ самостоятельную политическую силу.. Здѣсь, борясь за самыя примитивныя требованія, въ которыхъ, тѣмъ не менѣе, ему отказываетъ буржуазное общество, рабочій классъ учится понимать однородность своихъ интересовъ... Здѣсь самые отсталые слои рабочаго класса научаются понимать, что рабочій одинокъ въ буржуазномъ обществѣ.

Буржуазные политики отлично понимаютъ все могучее значеніе профессіональнаго движенія, какъ средства пролетарской борьбы вообще, какъ средства сплоченія рабочаго класса въ *самостоятельную* силу — въ частности. Вотъ почему они пытаются разъединить рабочихъ въ ихъ профессіональной борьбѣ, пользуясь для этого всевозможными средствами, начиная съ развитія въ рабочей средѣ религіозныхъ предразсудковъ (католическіе союзы и проч.) и кончая подкупомъ въ той или другой формѣ. — Вотъ почему соц.-дем. рабочія партіи всѣхъ странъ зовутъ рабочихъ къ объединенію въ профессіональной борьбѣ, несмотря на различія въ религіозныхъ, политическихъ и иныхъ убѣжденіяхъ. Наши американскіе товарищи это ясно выразили въ своей резолюціи. Также ясно выразили они всю недостаточность, всю безпомощность профессіональнаго движенія въ смыслѣ серьезнаго разрѣшенія рабочаго вопроса.

„Профессіональное движеніе — гласитъ резолюція — является естественнымъ результатомъ капиталистической системы и необходимо для противодѣйствія рабочихъ домогательствамъ капиталистовъ. Съ помощью этого движенія рабочій защищаетъ свои интересы при нынѣшней капиталистической системѣ производства. Но, конечно, это движеніе не можетъ ни уничтожить, ни уменьшить эксплуатаціи рабочихъ. Послѣдняя исчезнетъ только тогда, когда рабочій классъ самъ будетъ владѣть средствами производства.. Но, чтобы достигнуть этой цѣли, рабочій классъ долженъ сознательно добиваться *политической власти*. Организація рабочихъ несовершенна, пока они, какъ *классъ*, не организованны политически, такъ же какъ и экономически. Профессіональные союзы не могутъ добиться серьезныхъ результатовъ безъ политической дѣятельности социалистической партіи. Рабочіе должны стремиться политическими средствами укрѣпить и обезпечить за собой то, чего они добились въ экономической борьбѣ съ капиталистами. Въ полномъ согласіи съ рѣшеніями международныхъ социалистическихъ и профессіональныхъ конгрессовъ въ Брюсселѣ, Цюрихѣ и Лондонѣ, съѣздъ вновь объявляетъ, что профессіональные союзы являются необходимостью въ борьбѣ рабочихъ за свое освобожденіе. Долгъ всѣхъ наемныхъ рабочихъ присоединяться къ профессіональнымъ союзамъ... Ни политическія, ни какія другія расхожденія во мнѣніяхъ *не могутъ оправдать раскола рабочихъ въ области экономической борьбы*. Интересы рабочихъ, кромѣ того, настоятельно требуютъ, чтобы профессіональные союзы пропагандой идей социализма подготовляли своихъ членовъ для великой цѣли уничтоженія наемнаго рабства“. Эта резолюція, особенно послѣдніе два абзаца, была ударомъ противъ American Labor Union (Американскаго рабочаго союза), отколовшагося отъ American Federation of Labor (Американская рабочая федерація) изъ за политическихъ мотивовъ. Вотъ почему резолюція эта вызвала ожесточенные дебаты, но, въ концѣ концовъ, все же была принята огромнымъ большинствомъ голосовъ.

Согласно мѣстному обычаю, съѣздъ долженъ былъ выработать также новую платформу (партійную программу).

Въ Европѣ новыя партійныя программы принимаются только послѣ долгаго обсужденія въ собраніяхъ и прессѣ, послѣ тщательнаго изслѣдованія. И тогда партійная программа остается безъ измѣненія болѣе или менѣе продолжительное время. У нашихъ же американскихъ товарищей господствуетъ странный обычай: на каждую избирательную кампанію — въ думу, штатъ или національный парламентъ — пишется новая программа. Конечно, такія программы оставляютъ желать лучшаго въ научномъ отношеніи. Предложенная программной коммиссіей программа была почти единогласно принята, хотя во многихъ пунктахъ она далеко не отвѣчаетъ желаніямъ теоретиковъ. „Но такъ какъ черезъ четыре года, — пишетъ въ „Neue Zeit“ тов. Эрнестъ Унтерманъ, — мы должны заново составлять программу, не стоитъ, поэтому, много говорить о недостаткахъ нынѣшней программы. Для европейскихъ товарищей — продолжаетъ Унтерманъ — это можетъ звучать почти ересью, но мы привыкли къ этому обычаю, а природныхъ американцевъ трудно отучить отъ ихъ старыхъ привычекъ.

Съѣздъ выработалъ также программу минимумъ для социалистическихъ представителей въ государственныхъ законодательныхъ учрежденіяхъ и въ мѣстныхъ управленіяхъ.

Большой интересъ возбудилъ отчетъ делегата американской партіи въ международномъ социалистическомъ бюро въ Брюсселѣ, тов. Геррона...

На интернаціональный конгрессъ въ Амстердамъ въ делегаты избранъ Эрнестъ Унтерманъ и въ замѣстители его Моррисъ Гильквитъ изъ Нью-Іорка. Далѣе, съѣздъ, въ виду предстоящей въ ноябрѣ президентской кампаніи въ Соединенныхъ Штатахъ, перешелъ къ обсужденію соц.-дем. кандидатовъ въ президенты и вицепрезиденты. Единогласно были назначены Евгеній Дебсъ изъ Индіаны и Бенъ Ганфордъ изъ Нью-Іорка. Дебсъ — этотъ американскій Лассаль, какъ его называютъ — особенную извѣстность получилъ, какъ руководитель знаменитой стачки American Raclirey Union. Ганфордъ — типографщикъ и членъ своего профессіональнаго союза. Въ сентябрѣ прошлаго года онъ былъ кандидатомъ социалистической партіи на постъ губернатора въ штатѣ Нью-Іоркъ.

Рѣчь, которою Дебсъ отвѣтилъ на свое избраніе, типична для характеристики какъ его самого, такъ и нынѣшняго положенія Соединенныхъ Штатовъ. Мы приводимъ, поэтому, часть этой рѣчи.

„При обсужденіи вопросовъ социализма, сказалъ онъ, коллективная воля является высшимъ трибуналомъ. Что касается меня лично, то я предпочелъ бы оставаться рядовымъ членомъ партіи и безымянно, безъ особыхъ отличій, бороться въ рядахъ товарищей. Я принимаю выборъ не ради чести, которая соединена съ нимъ, такъ какъ въ социалистическомъ движеніи товарищъ можетъ уважаться только тогда, когда своей преданностью нашему дѣлу онъ уважаетъ самого себя.

Я принимаю выборъ, потому что онъ выражаетъ лишь ваше довѣріе и налагаетъ на меня извѣстныя обязанности. Я надѣюсь, что оправдаю ваши ожиданія, что я покажу себя достойнымъ нести передъ вами въ предстоящей борьбѣ знамя рабочаго класса, что я своими рѣчами, всѣмъ своимъ поведеніемъ сдѣлаю честь той единственной партіи, которая стремится освободить мой классъ отъ гнета наемнаго рабства. Наше собраніе имѣетъ огромное историческое значеніе, и я желалъ бы, чтобы Карлъ Марксъ сегодня присутствовалъ здѣсь. Я желалъ бы, чтобы Лассаль и Энгельсъ лично раздѣлили бы со мной славу этого часа, они, работавшіе и страдавшіе долгое время, пока движеніе достигло теперешней его силы. Мы стоимъ наканунѣ великой битвы. Мы готовы къ борьбѣ. Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ перваго удара. Программа, которую мы выставляемъ, есть первое, дѣйствительно американское выраженіе въ вопросѣ интернаціональнаго социализма. До сихъ поръ мы занимались только повтореніемъ, мы шли за другими. Сегодня въ первый разъ въ исторіи нашей партіи мы нашли американское выраженіе для нашего движенія. Въ нашей программѣ нѣтъ ни одного предложенія, ни одного слова, которое не было бы революціонно, которое не описывало бы ясно и отчетливо позицію американскаго социалистическаго движенія. Опираясь на эту программу, мы бросаемъ нашему капиталистическому врагу перчатку, вызываемъ его на бой: пусть защищаетъ онъ систему, которая держитъ въ рабствѣ тѣхъ, чьимъ именемъ мы здѣсь собрались. Вотъ мы имѣемъ республиканскую партію, партію крупной буржуазіи. Господствующая капиталистическая партія нашихъ дней, это та, представители которой сидятъ въ Бѣломъ Домѣ; партія, которая господствуетъ въ обѣихъ палатахъ конгресса; партія, которая господствуетъ въ высшихъ судахъ; партія, которая господствуетъ надъ прессой страны; партія, которая диктуетъ оплаченнымъ церковнымъ проповѣдникамъ ихъ рѣчи; партія, захватившая всѣ правительственныя функціи; партія, держащая въ своихъ рукахъ общественную жизнь каждаго департамента. И какъ слѣдствіе этого, находимъ мы, что подкупъ неограниченно царствуетъ въ странѣ; что конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ не отваживается послушаться голоса народа и уничтожить источники подкупа, что конгрессъ задолго до обычнаго срока прекратилъ свои засѣданія, только для того, чтобы отодвинуть неизбѣжное. — Но вотъ демократическая партія[1]); партія, стоящая наканунѣ банкротства; разлагающаяся партія, стоящая на фундаментѣ отмирающаго класса; партія, раздираемая расколами; партія, которая всегда смотритъ назадъ и надѣется на воскресеніе тѣхъ людей, которые когда-то вдохнули въ нее ея душу; партія, которая взываетъ къ тѣнямъ прошлаго; партія надѣющаяся выковать новую жизнь изъ призраковъ и труповъ; партія, состоящая изъ людей, не могущихъ твердо отстаивать свои принципы. Томасъ Джефферсонъ[2]) счелъ бы ниже своего достоинства посѣтить собраніе современныхъ демократовъ. Ему было бы тамъ такъ же не по себѣ, какъ Аврааму Линкольну на республиканскомъ собраніи. Если бы эти два человѣка жили еще, они были бы делегатами *нашего* съѣзда. Социалистическая партія противостоитъ этимъ двумъ партіямъ безъ всякихъ уступокъ, безъ какихъ бы то ни было оговорокъ.

Мы не о томъ думаемъ, чтобы вступить въ какую бы то ни было сдѣлку съ этими партіями. Мы бросаемъ имъ перчатку и объявляемъ, что есть одно только разрѣшеніе такъ называемаго рабочаго вопроса и это — полное ниспроверженіе капиталистической системы“.

Этими словами Дебсъ далъ тотъ тонъ, который будетъ основнымъ мотивомъ въ предстоящей ноябрской „президентской“ кампаніи.

И съ этимъ основнымъ мотивомъ, какъ съ боевымъ лозунгомъ, наши американскіе товарищи пойдутъ впередъ къ новымъ побѣдамъ.

Американская социалистическая партія выросла не только въ числѣ членовъ: растетъ и увеличивается партійная пресса, и все выше становится послѣдняя въ силѣ и принципіальной выдержанности. Газета „Appeal To Reason“ выходила въ Чикаго во время съѣзда, какъ ежедневный органъ и заставила капиталистическую прессу противъ воли оказать вниманіе нашему съѣзду. А въ сентябрѣ будутъ издавать на англійскомъ языкѣ ежедневную газету „Daily Cal“, за которой въ ближайшіе годы послѣдуютъ другія ежедневныя газеты.

Мы надѣемся, что наши товарищи во время ноябрскихъ выборовъ достигнутъ результатовъ, которые возвѣстятъ намъ о быстромъ ростѣ и политической зрѣлости американскаго рабочаго класса.

---

[1]) Партія мелкой буржуазіи.

[2]) Одинъ изъ основателей американской республики.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Агитація противъ войны. Ред. „Искры“ издана прокламація (17) „Кто долженъ побѣдить?“ **Ц. К.** — брошюра: „Изъ за чего война и чему она учитъ?“; **Донецкимъ** Ком. переизданъ листокъ „Искры“: „Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ!“ (3800 экз.); **Кіевск. Ком.**: „Громъ побѣды раздавайся!“ (стихотв.); **Воронежск. Ком.** — „Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ“ (изд. „Искры“ — 1000 экз.) и въ разное время — еще три листка ред. „Искры“.

Изданіе партіи: Подъ редакціей „Искры“: П. С. „Тайные документы восточной политики русскаго правительства“ (брошюра); „Ко всему рабочему народу“ (проклам. по поводу убійства Плеве); **Кіевскаго Ком.** „Къ рабочимъ и работницамъ военно-обмундировальной мастерской“.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Ростовъ на Дону. 7 іюня освобожденъ раб. Крочекъ. Здѣсь сидятъ: Боруховъ, осужденъ на 3 г. 8 м. по дѣлу демонстраціи, Шнеерсонъ, по дѣлу Донского Комитета (арест. 15 апрѣля на квартирѣ Богуцкой вмѣстѣ съ присяжнымъ повѣр. Мошинскимъ, Паперно, Исаевой), Станчинскій, (по дѣлу Д. К., сидитъ уже 4 мѣс.), раб. Дубницкій (по дѣлу типографіи Д. К.), раб. Костенко, Молотковъ, Гавриловъ, Корсиковъ, Зрѣловъ, Образцовъ, Пуленковъ, Пономаревъ, Іосифъ Шуръ (арест. 22 мая), Верхоробенко, Сегель (за храненіе литературы), Кранцова (по приговору за распростр. литер. — 3 мѣс.), Бобровская, Терещенко. Въ Каменской станицѣ сидитъ Мошинскій, въ Константиновкѣ — Паперно, Исаева, раб. І. Гулькевичъ. Въ Таганрогѣ сидятъ 15 рабочихъ и интел. Тетяева — по провокаціи раб. Писарева. Въ Новочеркаской тюрьмѣ: Сигида (по дѣлу транспорта литер. с.-р.), Лупаньина, раб., Гальберштадтъ, по дѣлу Д. К., Альбова, по дѣлу миміографа; раб. Здрадовскій, Максимовъ, Михайловъ, Ковалевъ (изъ Сулина, по дѣлу Д. К.), Сенкевичъ, (арест. съ 1000 май. прокламацій) и другіе. Недавно здѣсь былъ „бунтъ“ политическихъ. Новымъ начальникомъ тюрьмы назначенъ какой то бывшій приставъ, который, „дѣйствуя по инструкціи“, дошелъ до того, что запретилъ политическимъ доставлять молоко, вареное мясо и т. д. Послѣ бунта, выразившагося въ битьѣ стеколъ, дверей и пр. прибылъ прокуроръ, который удовлетворилъ всѣ требованія, но двое изъ товарищей были наказаны двумя сутками карцера. Въ ночь съ 10 на 11 іюля были массовые обыски и аресты. Обыски были у Н. Баккаляръ, М. Беркова, В. Ботвиникъ, Н. Брагиной, Волгина, П. Квальвасеръ, И. Т. Когана, А. А. Котляровой, К. Котляровой, учительницы кройки Криминюкъ, Оже, Арт. и Лидіи Плесковыхъ, Свирскихъ, Н. В. Сперанской, двухъ братьевъ Толмачевыхъ, М. М. Хаевской, Эстрина, Д. Эрберга и мн. другихъ. Всего было около 80 обысковъ. Арестованы: И. Берлинъ съ женой (оба черезъ день выпущены), Маркъ Брайловскій (найдено нѣсколько научныхъ брошюръ, обвиняется въ принадлежности къ организаціи), Коршманъ (найденъ гектографъ и литература, обвиняется въ принадлежности къ Донск. Комитету, Донецкому Союзу и Кр. Кресту), Компанѣецъ (вып.), А. И. Лиманова (по клеветѣ бонны Оводовой, выпущена на поруки, кажется, за 1000 руб.), — Криминюкъ (вып.), Рѣчинскій (найдено нѣсколько номеровъ „Искры“). Крысько (въ конторѣ найдено 13 фунтовъ стараго шрифта, обв. въ принадлежности къ организаціи). Арестованъ, на дняхъ выпущенъ на поруки за 500 руб. до приговора, П. Швейцеръ, по доносу провокатора **Шапарева**, обв. въ участіи въ организаціи. Арестованы также Дмитріева, Левицкій съ женой, Соколова. Спустя нѣсколько дней арестована О. М. Мальцева (вып.), на улицѣ — Яковъ Брайловскій и А. Швейцеръ (оба выпущены), подъ тюрьмой — И. Грабовниковъ (вып.). Арестованнаго въ сентябрѣ прошлаго года А. П. Станчинскаго, говорятъ, скоро отправляютъ въ Архангельскую губернію. Н. С. Сигиду и Ил. Лихтера (арест. въ январѣ этого года) перевели въ Новочеркаскъ, Лихтеру предъявляютъ обвиненіе чуть ли не по шести статьямъ. Недавно отправили отсюда Борохова въ Калужскую или Петербургскую тюрьму, — изъ Новочеркаска Готлобера и Залкинда — въ Ломженскую, Михайлова — въ Тульскую и Прокопенко — въ Смоленскую тюрьму. Бѣжавшій недавно изъ Новочеркаской тюрьмы Петръ Максимовъ пойманъ и сидитъ въ Ростовѣ. Всѣхъ арестованныхъ, по слухамъ, будутъ судить въ Палатѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей, по новымъ законамъ о „политическихъ преступленіяхъ“. Станчинскому обѣщаютъ судить его, какъ уголовнаго, — чего ради, — неизвѣстно. Арестована, но уже выпущена зубной врачъ А. И. Брайловская Гинзбургъ. Почти всѣ сильно скомпрометтированные отказались отъ показаній, а М. Брайловскій порвалъ протоколъ. **Кременчугъ.** Здѣсь въ тюрьмѣ сидятъ: Даниловъ, столяръ (рецидивистъ, привлекается въ пятый разъ), Лаговскій (по приг. на 4 мѣс.), Дора Гринбергъ (по дѣлу мѣстной соц.-дем. организаціи, (рабочіе Бѣленькій и Полякъ (за распространеніе майск. листковъ), Коля (пел.) и Ѳедя (рабочіе, фамиліи неизвѣстны), Яковъ Альтшулеръ, прикащикъ Коганъ и еще трое по Роменскому дѣлу.

Бѣжали: 1) по пути слѣдованія въ Якутск. область А. Г. Шепетевъ (былъ сосланъ на пять лѣтъ по дѣлу Севастопольской пропаганды); 2) Павелъ Каландадзе, интеллигентъ, сосланный въ Астраханскую губ. по дѣлу крестьянскаго движенія въ Озургетскомъ уѣздѣ, (прибылъ заграницу).

Н. Шацъ. Подло убитый въ Нохтуйской битвѣ тов. Нафт. Шацъ принадлежалъ къ числу беззавѣтно преданныхъ социальдемократіи рабочихъ. Въ началѣ 1901 года, скрываясь отъ преслѣдованія по дѣламъ „Бунда“, онъ столкнулся съ „искровцами“ и былъ ими приглашенъ принять участіе, въ качествѣ профессіональнаго наборщика, въ открывавшей свои дѣйствія типогр. „Искры“, организованной Леономъ Гольдманомъ. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы въ этой типографіи, Шацъ отправился въ Вильну, чтобы перемѣнить родъ занятій въ той же организаціи „Искры“, но во время лѣтняго провала въ Вильнѣ (1901 г.) былъ случайно арестованъ и отправленъ въ Московскую тюрьму, гдѣ пробылъ полтора года. Освобожденный на поруки, онъ вскорѣ скрылся, чтобъ взяться за работу въ транспортной организаціи Орган. Ком., но въ срединѣ 1903 года отъ того же О. К. получилъ порученіе отправиться въ Сибирь для освобожденія изъ тюрьмы или съ дороги товарища, ссылавшагося въ Якутскую область. Новая неудача. По пріѣздѣ въ Красноярскъ, Шацъ былъ схваченъ во время большихъ арестовъ и заключенъ въ тюрьму въ качествѣ „бродяги“, пока не открылъ своего имени. По старымъ дѣламъ на немъ тяготѣлъ „приговоръ“ — 4 года ссылки, и Шацъ отправился на Востокъ съ твердымъ намѣреніемъ бѣжать возможно скорѣе и возобновить свою революціонную работу. Солдатская пуля положила конецъ этой молодой жизни, и изъ нашихъ рядовъ вырванъ одинъ изъ тѣхъ пролетаріевъ, въ которыхъ истинная сила нашей партіи.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получено: „Долгъ отъ Зои“ — 15 руб.; изъ Ростова: Б. Б 3 руб., М. Б. — 3 руб., а^{3} — 15 руб..

Въ редакцію поступили изъ Россіи изданія: 1) Arbeiterstimme № 37, 2) прокламація Главн. Управленія Соц.-Дем. Польши и Литвы по поводу военнаго суда въ Варшавѣ, 3) листокъ Минскаго Комитета „Бунда“ — отвѣтъ на воззваніе Сѣв.-Зап. Ком. Партіи, 4) „Къ Воронежск. обществу“ — отъ мѣстнаго „Красн. Креста“.

Баку. Товарищу „Дѣдушкѣ-скорпіону“ довѣряйте.

Отъ редакціи. Обиліе текущаго матеріала побуждаетъ насъ перенести на слѣдующій № приложеніе (отдѣлъ „Изъ партіи“).

Отчетъ кассы Коммиссіи по изданію партійной социальдемократической литературы на грузинскомъ и армянскомъ языкахъ съ 13 мая по 13 іюля 1904 г.

Въ грузинскую кассу поступило: Изъ Л. — 53 фр. 60 с., изъ П. — 17 фр. 40 с. Итого 71 фр.

Въ армянскую кассу поступило: Отъ № 1 — 80 фр., изъ Д. за армянскую литературу — 5 фр. изъ Л. — 24 фр., отъ дѣвицы К. — 70 фр. Итого 179 фр.

Въ общую кассу по подписнымъ листамъ — 3 фр. 50 с.

Адресъ для всякого рода сношеній съ Центр. Комитетомъ:
V. OULIANOFF, 3, RUE DE LA COLLINE (rue de Carouge, près Pont-Neuf). GENEVE (Suisse).

Адресъ для редакціи „Искры“ и „Зари“ и „Лиги Русской Революціонной Социальдемократіи“:
Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENEVE (Suisse).
(Просятъ обозначать: „для редакціи“ или „для Лиги“).

Типографія Партіи. Geneve, Rue de la Coulouvreniére, 27.